

БРОНЗОВЫЙ

ВЕК

ПРИАНГАРЬЯ

МОГИЛЬНИК
ШУМИЛИХА

Иркутск 1981

АА-4284

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР
Иркутский государственный университет им.А.А.Жданова

Бронзовый век Приангарья

МОГИЛЬНИК ШУМИЛИХА

Сборник научных трудов

Иркутск 1981

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ПРИАНГАРЬЯ. Могильник Шумилиха: Сб. науч. тр.
/Иркут.ун-т; Отв.ред. В.В.Свинин. - Иркутск, 1981. - 108 с., 72 ил.

Сборник научных трудов посвящен исследованию слабо изученного до настоящего времени периода древней истории таежной зоны Средней Сибири. Впервые появилась возможность освещения этого периода на документальной основе в результате открытия уникального могильника в местности Шумилиха на р.Ангаре (в устье р.Белой). В сборнике, подготовленном сотрудниками Лаборатории археологии и этнографии ИГУ, Иркутских областных художественного и краеведческого музеев, Государственного исторического музея в г.Москве, Института этнографии АН СССР, Института Земной Кобы и Института Геохимии СО АН СССР, дается комплексное исследование материалов первого в Приангарье могильника бронзового века, вводится в научный оборот оригинальный археологический материал, публикуются результаты палеонтологического, антропологического и спектрального анализов археологических источников, проведенные на современном научном уровне.

Сборник рассчитан на археологов, этнографов, антропологов, историков, преподавателей и студентов вузов и всех интересующихся прошлым народов Сибири.

Редакционная коллегия: В.В. С в и н и н , канд.ист.наук (отв.ред.);
М.П. А к с е н о в , канд.ист.наук; Г.М. Г е о р г и е в с к а я ,
канд.ист.наук; П.Б. К о н о в а л о в , канд.ист.наук; Г.И. М е д -
в е д е в , канд.ист.наук; В.М. В е т р о в ; И.Л. Л е ж н е н к о ;
Н.А. С а в е л ь е в ; О.И. Г о р ю н о в а (отв.секр.)

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Иркутского государственного университета им.А.А.Жданова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1950 г. вышла в свет капитальная монография академика А.П.Окладникова "Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Часть I и II", в которой впервые в развернутом виде была дана периодизация неолита и раннего бронзового века региона. Впервые был выделен и охарактеризован на основании материалов 12 погребений ранний этап бронзового века, получивший название шиверского. К этому этапу были отнесены группы погребений из Шиверского и Усть-Удинского могильников, в инвентаре которых наряду с типично неолитическими предметами (клыки кабана и марала; нефритовые браслеты и диски; керамика, орнаментированная штампом-лопаточкой) было встречено уникальное литое из бронзы изображение "змея", характерное для нового этапа — бронзового века. А.П.Окладников писал: "Возраст памятников шиверского этапа... устанавливается в достаточно определенных и узких границах. Литое изображение змея из Шиверского могильника по всем его признакам как стилистическим, так и технологическим, ближе всего к карасукским художественным изделиям. Наличие же нефритовых изделий в Шиверском могильнике вместе с металлическими вещами данного рода находит свое соответствие и в том детском погребении Фофановского могильника, где нефритовые тесла сопровождали уже настоящий карасукский, по форме и технике изготовления, металлический кинжал... Как фофановский кинжал, так и шиверские находки... очевидно, будут близки по времени к сейминско-турбинским памятникам средней России и Приуралья, а следовательно, и к андроновским Западной Сибири..." (1950, с.125).

В 1955 г. была опубликована III часть монографии А.П.Окладникова "Неолит и бронзовый век Прибайкалья (глазковское время)", посвященная самым ранним памятникам энеолитической культуры. Рассматривая хозяйство, культуру, погребальный ритуал глазковцев, А.П.Окладников отмечает близость шиверских памятников к глазковским, приводит обширные археологические и этнографические параллели к публикуемым материалам этих памятников (1955, с.316).

Наконец, в 1974-1978 гг. А.П.Окладниковым были опубликованы четыре монографии, посвященные введению в научный оборот материалов древних могильников Прибайкалья: "Неолитические памятники Ангары" (1974), "Неолитические памятники Средней Ангары" (1975), "Неолитические памятники Нижней Ангары" (1976), "Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири" (1978). В итоге, в научный оборот были введены материалы 77 могильников, насчитывающие в общей сложности 375 погребений. Однако шиверский этап бронзового века Прибайкалья на фоне неолитических памятников оставался наиболее слабо охарактеризован археологическим материалом. До начала 70-х гг. было исследовано не более 15 погребений, относящихся к этому периоду, в том числе своеобразное по инвентарю погребение бронзового века на р.Ангаре, ниже г.Братска, в устье р.Цепань, которое А.П.Окладников относит ко времени, следующему за шиверским этапом (1940, с.106-112).

В этой связи исключительное значение имеет открытие и исследование в 1972-1973 гг. коллективом Лаборатории археологии и этнографии Иркутского госуниверситета оригинального некрополя бронзового века Приангарья, обнаруженного в устье р.Белой, в местности Шумилыха.

Во время инспекционной археологической разведки в июне 1972 г. по Братскому водохранилищу Н.А.Савельев обнаружил и частично раскопал в размыве 3-5-метровой подтопляемой поймы могильник с необычными для Прибайкалья сидячими скорченными погребениями. По инициативе начальника Комплексной археологической экспедиции ИГУ Г.И.Медведева на спасательные раскопки были направлены два палеолитических отряда под руководством Г.Н.Михнюк и И.Л.Лежненко. В 1973 г. спасательные работы на могильнике были продолжены специальным неолитическим отрядом под руководством О.И.Горжиновой. В раскопках и обработке антропологического материала участвовала М.М.Герасимова. Всего за два полевых сезона было вскрыто 46 погребений. Видимо, их было намного больше, но водами Братского моря значительная часть памятника оказалась разрушенной. Однако и то, что удалось спасти, представ-

яет выдающееся явление в археологии всей Сибири. На сегодняшний день это самый большой могильник раннего бронзового века Прибайкалья.

Материалы Шумилихинского могильника в тезисном изложении уже введены в научный оборот в серии публикаций (Леженко, Михнюк, 1973; Горюнова, 1974, 1974а, 1975; Петрова, 1976; Смотровая, 1976, 1977; Смотровая (Панковская), 1976) и получили отклик в печати. Академик А.П.Окладников отметил важность проведенных археологической экспедицией ИГУ исследований на могильнике Шумилиха для изучения эпохи неолита и раннего бронзового века Прибайкалья (1975, с.6), обратил внимание на великолепные находки художественных изделий и литейного производства, сопоставимые с находками из Шиверского могильника и других исследованных им памятников (1975, с.166-167).

В настоящем сборнике дается комплексное исследование материалов могильника Шумилиха.

Статья Н.А.Савельева, Г.Н.Михнюк, И.Л.Леженко, О.И.Горюновой, Н.А.Петровой и Г.И.Панковской посвящена полной публикации археологического материала могильника Шумилиха. В ней приводится точная топографическая привязка памятника, четкая фиксация могильных ям и разрезов погребений, тщательное и детальное описание положения костяков и расположения сопровождающего материала, выполненное в соответствии с разработанной программой описания древних погребений (Петрова, 1976; Зайцев, 1978).

В статье О.И.Горюновой и В.И.Смотровой впервые в полном объеме проводится анализ археологических материалов могильника Шумилиха; в едином методическом ключе дается морфологическое описание каменного и костяного инвентаря, металлических изделий, многочисленных предметов искусства древнего населения, оставившего данный памятник. Аргументированно обосновывается хронология памятника.

В целом, нет большого противоречия между первыми публикациями, в которых памятник датируется глазовским временем, и датировкой могильника шиверским временем (IЗ - 9 вв. до н.э.), к которой сейчас склоняются авторы. Еще в 1955 г. А.П.Окладников указывал: "Шиверские памятники настолько близки по общему уровню культуры к глазовским, что их можно рассматривать в этом отношении в общей связи с глазовскими погребениями" (1955, с.316). Рассматривая скорченные погребения, раскопанные Д.Я.Крижевской в устье р.Белой, А.П.Окладников обращает также внимание на наличие в них элементов, характерных для китайской культуры, и замечает, что "они хронологически взаимосвязаны, переходят друг в друга и ничто их не разрывает" (1975, с.6). Любопытно отметить, что в инвентаре скорченных погребений могильника Шумилиха также прослеживаются явно "китайские" черты: кольцо и диски из белого мрамора; украшения из клыков кабана. Во вторичном захоронении № 22 найден так называемый "выпрямитель древка стрел" из песчаника и скребок из лопатки крупного животного - типичные для китайских погребений. Возможно, это свидетельство длительного сохранения пережиточных элементов китайской культуры, а, может быть, и наоборот - раннего проникновения на территорию Прибайкалья нового обряда захоронения.

Интересны и загадочны связи памятников шиверского этапа, в том числе и Шумилихинского могильника, с памятниками сеиминско-туройинской культуры на Урале (Окладников, 1950, с.125; 1975, с.167; Горюнова, 1975, с.172-173; Сергеева, 1978, с.77, 1981, с.66).

К шиверскому этапу относятся и погребения Шумилихинского могильника с горизонтальным труположением. Среди них интересно погребение с круглодонным сосудом, орнаментированным ногтевыми зацепками. По форме он обближается с неолитическими и энеолитическими сосудами Прибайкалья (а также с карасукскими сосудами южной Сибири). Однако орнаментация ногтевыми зацепками для этого времени неизвестна. Она широко распространяется на территории юга Восточной Сибири и Монголии в поздней бронзе и раннем железном веке - I тысячелетии до н.э. (Свинин, 1966, с.59-60). Нами обнаружена керамика, орнаментированная ногтевыми зацепками и накладными рубчатými валиками, в комплексах, связанных с плиточными могилами, не только в Прибайкалье, но и на территории Монголии - на р.Толе, у Тариат-бригады, в окрестностях г.Баянхонгора, в местности Шатар-чулуу. Но это - керамика, имеющая уже более сложную орнаментацию и форму, - с поддоном. Видимо, сосуд из Шумилихи занимает какое-то промежуточное положение между энеолитическими и данными керамическими комплексами и может датироваться временем не позднее 8 в. до н.э. (до эпохи плиточных могил), что совпадает с датировкой авторами металлического кельта из сидячего захоронения № 37. Существенно также, что уже в самых ранних плиточных могилах полностью исчезает каменная индустрия, замещаясь металлической; фауна диких животных замещается домашними (Диков, 1958; Зайцев, Свинин, 1978).

Процент металлических изделий в Шумилихинском могильнике еще очень мал. Однако он свидетельствует о значительных сдвигах в материальной (а, следовательно, и в духовной) культуре местного населения; не только об устойчивой традиции в изготовлении каменной и костяной индустрии, но и о развитии навыков нового меднолитейного производства и горного дела.

Н.Ф.Сергеева проделала большую работу по спектро-химическому анализу меднобронзовых изделий юга Сибири и сопоставлению химических характеристик этих изделий с геохимическими характери-

ками местных рудопроявлений (1974, 1977, 1981), что дало возможность выявить самостоятельные районы и очаги раннего металлургического производства на этой территории. Анализируя металлы из погребений могильника Шумилиха, она установила принадлежность его к местному Присяянскому рудопроявлению, что еще раз подтверждает самостоятельность развития бронзолитейного производства таежной зоны юга Восточной Сибири (Свинин, 1970). Замечание Н.Ф.Сергеевой о химической близости металла из Шумилихи глазковским медным изделиям также свидетельствует о непрерывности технологической традиции между глазковской и шиверской эпохами как в изготовлении каменных орудий, так и в металлургическом производстве.

Анализ фауны позвоночных животных из Шумилихинского могильника, проведенный Л.Н.Иваньевым, показал типично лесной характер популяций животных, обитавших в эпоху бронзы в приустьевом участке долины р.Белой (бурий медведь, рысь, лисица, лось, марал, кабан). За пределами зоны промышленного и сельскохозяйственного освоения и сейчас в долине р.Белой сохраняется тот же состав лесной фауны. В то же время, в материалах могильника отмечается появление новых видов животных, не фиксируемых среди костных остатков или изделий из них на неолитических и энеолитических памятниках Прибайкалья: лошади, домашнего быка, козы (барана), т.е. фауны, характерной для степной зоны.

Появление в Шумилихе фауны домашних животных совсем не означает появления у человека этой культуры скотоводства.

Памятник находится в пограничной зоне леса и степи, на стыке Балаганских и Кудинских степей, между которыми в отдельные периоды возникали более широкие степные коридоры, в свою очередь соединяющие их с абакано-минусинскими и забайкальскими степями (Свинин, 1970, с.70). По геологическим и палеогеографическим данным на рубеже II-I тысячелетий до н.э. происходит похолодание и сокращение атмосферных осадков, что должно было привести к росту степей и, соответственно, к миграции степных животных в новые экологические ниши. Экстенсивный характер скотоводства, зарождавшегося в неолите - раннем бронзовом веке на территории Центральной Азии, тесное сосуществование и скрещивание одомашненных и диких особей, неустойчивость стада и другие причины приводили к неуправляемому человеком распространению домашних видов животных в зоны, где население еще не перешло от старого охотничьего уклада к новому - скотоводческому. Характер и фрагментарность фаунистического материала из могильника Шумилиха также не дают возможности более детальной и точной их характеристики. Кости "домашних" животных как и диких употребляются в Шумилихе для изделий или как амулеты (?), тогда как в погребениях ранних кочевников они встречаются в составе жертвенной пищи. Это принципиальное отличие погребальных памятников охотников-рыболовов от памятников ранних скотоводов.

Предварительное исследование антропологического материала из могильника Шумилиха, выполненное М.М.Герасимовой, и сравнение его с антропологическим материалом из других могильников неолита и бронзы Прибайкалья, позволило автору отнести группу сидячих погребений в Шумилихе к кругу монголоидных форм, отметить своеобразие и гетерогенность группы. Место черепной серии из могильника Шумилиха наглядно демонстрирует график сигмальных отклонений некоторых черепных серий от суммарной серии черепов неолитического и энеолитического времени Прибайкалья. Он показывает, что черепная серия скорченных погребений из могильника Шумилиха ближе всего к черепным сериям из Фофановского и Верхоленинского могильников; дальше - от глазковской серии; слабо связана с серовской; совершенно не связана с китойской серией и, особенно, серией черепов из могильника Улярба II, хотя казалось бы, именно с этой серией, хронологически и в культурном отношении наиболее близкой (Панковская, 1977; Смотровая и др., 1977; Грязнов, 1959), должна была быть самая тесная связь. Этот факт свидетельствует о том, что в эпоху бронзы (глазковский и шиверский этапы) продолжалась редкая инфильтрация (М.М.Герасимова отмечает длительность процесса биологического смещения) небольших групп населения из разных мест Забайкалья, Монголии и, видимо, Саяно-Алтайского района, что приводило к большой мозаичности антропологического типа населения ранней бронзы Прибайкалья.

О связи с этими регионами говорит обряд погребения, который после открытия Шумилихинского могильника нельзя трактовать как необычный для Прибайкалья и считать сидячие погребения на Ангаре и Лене принадлежащими исключительным личностям. Описывая скорченные погребения в одной из своих последних работ, А.П.Окладников указывает: "Следует иметь в виду... что сидячие костяки - обычное явление в неолитических захоронениях Монголии, равно как и сильно скорченные, лежащие на боку" (1974, с.130). Исследования на территории Восточной Монголии Советско-Монгольской историко-культурной экспедицией АН СССР и АН МНР скорченные погребения по инвентарю и обряду наиболее близки известным сидячим погребениям Прибайкалья (Окладников, 1937а, 1955, 1974; Окладников, Ларичев, 1969; Окладников, Ларичев, Дорж, 1972, с.27-29; Дорж, 1971, с.44-45; Волков, 1970; Крижевская, 1978, с.91-93; Васильевский, 1978, с.149-150). Однако, необходимо отметить, что в Монголии сидячие захоронения представляют собой отдельные разрозненные погребения или небольшие группы, крупных некрополей там

не обнаружено. Специально организованные в 1974 г. раскопки большими площадями в районе известного погребения в Норовлин-уула на р. Керулене (Волков, 1975) не дали ни одного нового погребения. Поэтому Шумилихинский могильник представляет собой уникальное явление не только в археологии Восточной Сибири, но и всей Центральной Азии.

Кроме тех этнографических параллелей, которые указываются авторами сборника, необходимо обратить внимание на традиции сидячих и скорченных на боку захоронений у современных и древних тувинцев (Потапов, 1969, с. 379; Дьяконова, 1975, с. 149-150).

Шумилихинский могильник уникален и по количеству предметов искусства, которые здесь обнаружены. В статье С. В. Студанцкой дается характеристика этого великолепного комплекса, в полном объеме раскрывается уровень художественного творчества и мышления древнего населения Северной Азии, преемственность в традициях художественной культуры народов Сибири, начиная с эпохи неолита до этнографической современности.

Естественно, нельзя считать работу над материалами Шумилихинского могильника законченной в связи с выходом в свет настоящего сборника. Сама публикация этого материала должна способствовать интенсификации исследований бронзового века таежной и подтаежной зоны Сибири. Авторы дали исчерпывающий описательный и иллюстративный материал, характеризующий культуру, обряд и искусство древнего населения верхнего Приангарья. Он позволит на новом качественном уровне продолжить исследования археологических памятников и их осмысление. Только совместная работа большого научного коллектива, археологов, этнографов и специалистов естественных наук, поможет продвинуться вперед в изучении эпохи бронзы края Восточной Сибири.

Настоящий сборник — первая попытка организации комплексного подхода к исследованию одного памятника. Надеемся, что он окажется интересным и полезным широкому кругу специалистов гуманитарных и естественных наук.

В. В. Свинин

Б.А.Савельев, Г.Н.Михнюк, И.Л.Лежненко,
О.И.Горюнова, Н.А.Петрова, Г.И.Панковская

МОГИЛЬНИК В МЕСТНОСТИ ШУМИЛИХА
(Описание исследованных погребений)

Древний могильник Шумилиха открыт летом 1972 г. разведочным отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета им. А.А.Жданова. В этом же году на разрушающемся памятнике начались аварийно-спасательные работы, продолженные в 1973 г.

Могильник Шумилиха расположен на 3-5 м пойме левого берега р.Ангара, в предустьевом участке р.Белой (выше ее устья). В настоящее время это периодически затопляемая водами Братского моря поверхность, максимальные отметки которой в районе работ не превышают 1,8 м над современным уровнем воды. Сохранившаяся в данный момент часть поймы представляет, по всей вероятности, внутренним периферийный участок обширного некогда могильника, протяженность которого вдоль берега р.Ангара достигает 1 км. Стратиграфический разрез высокой поймы в месте раскопок представляется следующим: 1) дерн (толщ. 5-9 см); 2) темный гумусированный слой (толщ. 30-40 см); 3) желтый суглинок.

Гумусированный слой, перекрывающий могильные ямы, расположенные в слое суглинка, содержит большое количество разновременного археологического материала. Выделить какие-либо горизонты залегания культурных остатков и уровни заложения могильных ям не представилось возможным.

Характер раскопочных работ определялся самой ситуацией - ежедневным разрушением берега в результате постоянного спада и поднятия уровня воды и прибойных процессов. Осмотр километрового участка разрушающегося берега позволил выявить погребения в различных его местах. В современном рельефе внешне захоронения никак не проявлялись, поэтому, помимо вскрытия широких площадей и постоянного обхода береговой линии, применялся метод поиска с помощью шупа.

В результате двухлетних работ на могильнике Шумилиха исследовано 45 грунтовых погребений (рис.1). К сожалению, не все захоронения удалось вскрыть с должной фиксацией. Размыты могилы, остатки которых обнаружены в полосе прибоя (№ 3, № 6, № 8, № 30, № 31, № 34, № 35, № 43, № 44, № 46), не имеют документации, кроме привязки к местности, а в погребениях № 5, № 7, № 11, № 22, № 24, № 29, № 36, № 39 не удалось проследить и зафиксировать могильные ямы.

По наибольшей концентрации погребений было выделено три участка: северный, центральный (самый крупный) и южный. Описание исследованных погребений дается в топографической последовательности от северного погребения к южному.

На северном участке обнаружено семь захоронений.

Погребение № 1. Зафиксировано по бедренной кости, видной в обнажении берега Ангара в 80 м к югу (вверх по течению реки) от устья р.Белой. Погребение частично разрушено. Могильная яма овальной формы, вытянута с севера на юг. Размеры - 1,70x0,55 м. Глубина - 0,31 м. Труположение - горизонтальное, вытянутое на спине (рис.2 - 1). Нижняя челюсть смещена влево и покоилась на шейных позвонках. Правая рука слегка согнута в локте, ее кисть располагалась на тазовых костях. Кости левой руки отсутствовали. Вдоль бедренных и берцовых костей, находящихся в анатомическом порядке, разбросаны кости стопы. Грудная клетка, таз и нижние конечности обернуты в бересту. Ориентация погребенного - головой на север (т.е. вниз по течению реки). Костяк принадлежал женщине старческого возраста. В районе берцовых костей обнаружены фрагменты сосуда закрытой сферической формы, орнаментированный ногтевыми зашипами (рис.2 - 2). В 11 см от правой берцовой кости зафиксировано 3 кремневых отщепы.

Погребение № 2. Располагалось в 15 м к ЮЗ от погребения № 1. Могильная яма в плане округлой формы (1,66x1,40 м). Глубина - 0,38 м. Погребение коллективное, разновозрастное, повторное, либо трупорасчлененное (рис.3 - 1). Принадлежность костей к отдельным особям установить невозможно. Непосредственно над костями зафиксирован слой зольника с углем. Череп, условно обозначенный на рисунке как череп В, бедренные кости, лежащие рядом с черепами А и Б - со следами воздействия огня. В центре ямы на правом боку находился череп без нижней челюсти (В), повернутый основанием на юг. Затылочная часть черепа лежала на левой бедренной кости; здесь же - три обломка ребер. К северо-востоку - лопатка более молодого субъекта. На ней - два ребра, рядом правая бедренная кость ребенка и шейный позвонок. Под бедренной костью обнаружен нож с асимметрично выгнутыми сторонами (рис.4 - 1). На расстоянии 15 см к СВ обнаружена правая подвздошная кость взрослого человека, под ней - нож из красноватого кремня, окрашенный охрой (рис.4 - 2). Между тазом и бедренной костью

ребенка находилась птичья кость. Рядом с черепом В и бедренной костью зафиксирована костяная наконечник (рис.3 - 7), перед лицевой частью черепа - игольник из кости (рис.7 - 6). У нижнего края ямы лицевой частью к стенке, на правом боку найден череп без нижней челюсти (А). Рядом с ним, основанием кверху, помещался череп (Б) (череп раздавлен). У лицевой части находились: фрагмент нижней челюсти, нижняя челюсть второго субъекта, обломок малой берцовой кости. Параллельно выше описанной бедренной кости взрослого человека, в 7 см от нижней челюсти, лежал обломок левой бедренной кости, на котором размещалась левая большая берцовая кость взрослого человека. Рядом с бедренной костью зафиксирован округлый нож с односторонней обработкой из кремневого отщеп (рис.4-4). К востоку от выше указанных костей находились четыре ребра и два острия из кости (рис.3 - 3,4). Череп Г ориентирован лицевой частью на юг. Рядом с ним - обломок лучевой кости, первое ребро; за черепом, в непосредственной близости от него, локтевая кость взрослого человека. Рядом с черепом - правая лопатка ребенка. Между головкой бедренной кости и черепом - острие из кости. По направлению к уезу воды находились два ребра взрослых, одно ребро детское, ключица ребенка, обломок детской плечевой кости, детская лопатка, ключица более взрослого ребенка, две детские бедренные кости и две кости животных, возможно, заготовки игольников. Среди этих костей обнаружено два больших игольника (рис.3 - 5,12), кинжал (рис.7 - 2) и три подвески из зубов марала (рис.4 - 5,6). На периферии ямы (западный край) лежали: ребро человека, резец дельфина, нижняя челюсть человека, стержень составного рыболовного крючка так называемого "байкальского" типа (рис.4 - 3), обломок игольника, галька, ребро и, несколько в стороне, игольник (рис.3 - 6). Под черепом Г найдено острие, в черепе А - отщеп, в черепе Г - коленная чашечка. Череп А и Г - женские, Б и В - детские.

Погребение № 3. Найдено в полосе приобья в 3 м к востоку от погребения № 2. Захоронение размыто. Скелет собран не полностью, большинство костей отсутствует. Обнаружены фрагменты черепа, нижняя челюсть, обломок и целая лопатка, берцовая, лучевая кости, ключица, часть ребер. Погребенная - женщина. В районе захоронения вместе с костями обнаружены: наконечник копья из кости (рис.5 - 2), боковой скребок из крупной кремневой пластины, нож с двусторонней обработкой из кремневого отщепя, обильно окрашенный охрой, наконечник копья с асимметричными сторонами (рис.5 - 1).

Погребение № 4. Найдено в 33 м к югу (вверх по течению реки) от погребения № 3. Погребальная яма в плане овальной формы (0,90x0,75 м). В разрезе представляла собой прямоугольную выемку глубиной 0,50-0,60 м. Погребение в виде беспорядочного скопления костей (рис.6 - 2). На эпифизе правого бедра лежал перевернутый шейный позвонок. Параллельно бедру расположены большая и малая берцовые кости. Вторая большая берцовая кость находилась под прямым углом к выше описанным костям (ниже по течению). На ее нижнем конце - локтевая кость и грудина. Рядом находились два поясничных позвонка и обломки ребер. Левая половина подвздошной кости располагалась между двумя большими берцовыми костями. Вторая половина таза покрыта двумя лопатками, которые находились рядом друг с другом. Левая плечевая кость лежала у нижнего блока бедренной кости, под углом к нему. Вся поверхность выше описанных костей беспорядочно усыпана позвонками и ребрами. Череп отсутствовал. Захоронение принадлежало мужчине зрелого возраста. Погребение без сопровождающего инвентаря.

Погребение № 5. Обнаружено в 5 м к югу (вверх по течению реки) от захоронения № 4 по виднеющимся обнажениям высокой поймы теменным костям черепа. Погребальная яма (в плане овальной формы) вытянута вдоль реки. Размеры 0,55x0,40 м. Костяк находился в скорченной позе (рис.6 - 1). Череп лежал на основании, нижняя челюсть несколько смещена вправо от черепной коробки. Руки погребенного были согнуты в локтях и покоились на груди (правая ниже левой на 4 см). Ноги согнуты в коленях. В момент обнаружения скелет находился на правом боку. Судя по положению тазовых костей и ступней ног, первоначальное помещение погребенного сидя, в скорченной позе. Костяк ориентирован лицевой частью черепа на север (т.е. вниз по течению реки). Погребение детское (5-6 лет). Вокруг головы, между костями предплечья, зафиксировано 12 подвесок из клыков марала. Две подобные подвески найдены под бедренной костью правой ноги. С правой стороны от черепа, на расстоянии 3 см лежали: пластинчатый скол и два отщепя из кремня. Под предплечьем - еще одна подвеска из клыка марала и кремневый отщеп. На ребрах, с левой стороны от погребенного, обнаружены две подобные подвески (рис.6 - 3,4,5).

Погребение № 6. Зафиксировано в 24 м к ЮВ (вверх по течению реки) от погребения № 5 по видным в береговом обнажении лучевой и локтевой костям. Череп, нижняя челюсть, тазовые, одна бедренная, берцовые кости и позвонки найдены в полосе приобья, поэтому говорить о способе захоронения не представляется возможным. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. Вместе с черепом и другими вышеперечисленными костями, обнаруженными в полосе приобья, найдены: два игольника из кости, оформленные орнаментом типа "гофр" (рис.7 - 3), игольник из кости без орнамента (рис.7 - 4), острие (рис.7 - 1), шило (рис.7 - 2) и обломки костяных изделий.

Погребение № 7. Обнаружено по вымытым и видимым в обнажении террасы бедренным костям, частям позвоночного столба, ребер и черепу, в 96 м к КЮЗ от погребения № 6 (вверх по течению реки). Погребение частично разрушено. Судя по положению костей таза и нижних конечностей, первоначально погребенный был помещен сидя, в скорченной позе. Погребенный - мужчина зрелого возраста. На лобной кости черепа находилось кольцо из белого нефрита (рис.8 - 1). В области таза - несколько отщепов из кремня и кварцита. В 5 см от левой стопы найдено второе кольцо из белого нефрита (рис.8 - 2).

Центральный участок включает в себя 35 захоронений.

Погребение № 8. Найдено в 148 м к КЗ (вверх по течению) от погребения № 7, в полосе приобья. От костяка сохранились: лобная, теменная и височные кости черепа и обломки длинных трубчатых костей. В районе предполагаемого захоронения обнаружены: одна подвеска из зуба марала (рис.8 - 3), кольцо из белого нефрита с биконическим отверстием (рис.8 - 5), две призматические пластинки, обломок наконечника стрелы с прямой базой (рис.8 - 4) и четыре пластинчатых скола.

Погребение № 9. Зафиксировано в 6 м к югу (вверх по течению реки) от погребения № 8, по видимым в обрыве берега берцовым костям. Могильное пятно почти правильной округлой формы, размерами - 0,55x0,50 м. Глубина могильной ямы - 0,60 м. Костяк обнаружен в скорченной позе, на левом боку (рис.9 - 1). Руки были согнуты в локтях и лежали на груди. Голова склонена к коленям; ступни ног отсутствовали. Положение тазовых костей сидячее (т.е. первоначальное трупомещение - сидя). Ориентация погребенного - лицом на восток (к реке). Захоронение принадлежало мужчине зрелого возраста. В 5 см левее шейных позвонков найден односторонний двузубый гарпун из рога (рис. 11; 13 - 2). Рядом с левой лопаткой - наконечник копья с бифациальной обработкой из серого кремня (рис.13 - 3). Под грудными и шейными позвонками лежал обломок кольца из белого нефрита (рис. 9 - 5). У правой бедренной кости обнаружено два диска из белого нефрита (рис.9 - 2,4), на правой подвздошной кости - аналогичный диск (рис.9 - 3; 10). Под ребрами, слева от позвоночного столба - двухсторонний гарпун из рога (рис.12; 13 - 4). Рядом с ним - острие, выполненное из кости (рис.13 - 1).

Погребение № 10. Найдено в 2,5 м к КЗ (вверх по течению реки) от погребения № 9. Могильное пятно округлой формы, размерами - 0,55x0,60 м. Глубина ямы - 0,60 м. Скелет - в скорченной позе (рис.14 - 2). В момент обнаружения располагался на левом боку. Руки, согнутые в локтях, находились на груди. Бедренная и берцовые кости левой ноги покрывали собой кости таза. Череп лежал лицевой частью вниз. Положение таза и ступней ног сидячее. Первоначальная ориентация покойного - лицом на СЗ (т.е. спиной к реке). Погребенный - мужчина зрелого возраста. На расстоянии 20 см вправо от черепа зафиксирован обработанный рог косули, в районе стопы - фрагмент керамики с отпечатками сетки-плетенки (принадлежность последнего к данному захоронению ставится под сомнение). В 15 см от черепа найден отщеп из светлого кварцита, три мелких речных гальки и четыре фрагмента трубчатых костей; под кистью правой руки - костяная игла.

Погребение № 11. Зафиксировано в 1,5 м к западу от погребения № 10 по торчащим в обрыве берега длинным костям, нижним конечностям. Погребение частично разрушено. Могильную яму зафиксировать не удалось. Костяк находился в скорченной позе (рис.14 - 4). Ноги согнуты в коленях и подведены к груди. Стопы ног отсутствовали (смыты водой). Руки обхватывали бедра. Положение тазовых костей сидячее (т.е. первоначальное трупомещение - сидя). В момент обнаружения костяк находился на правом боку (видимо, завалился). Скелет ориентирован лицевой частью черепа на юг (вверх по течению реки). Погребение женское. В области таза обнаружены обломки рогов сохотого.

Погребение № 12. Зафиксировано в 1,5 м к югу (вверх по течению реки) от погребения № 10. Могильное пятно представляло собой овал, вытянутый с севера на юг. Размеры - 0,75x0,35 м. Глубина могильной ямы - 0,21 м. Положение костяка горизонтальное, на спине, в вытянутой позе (рис.14 - 1). Скелет представлен отдельными костями, расположенными в анатомическом порядке. Тазовые кости, верхние конечности и кости правой ноги отсутствуют. Череп расколот на две половины; нижняя челюсть находилась в 10 см левее черепа. Ориентация - головой на юг (т.е. вниз по течению реки). Погребенный - ребенок 5-6 лет. Погребальный инвентарь представлен костяным игольником (рис.14-3).

Погребение № 13. Обнаружено в полосе приобья в 1,5 м к КЗ (вверх по течению реки) от погребения № 12. Захоронение полностью разрушено. Сохранились височная кость черепа и три ребра. В районе предполагаемого захоронения найден костяной вкладышевый кинжал с двумя пазами для лезвий (рис.5 - 5).

Погребение № 14. Расположено в 6,5 м к КЗ от погребения № 13 (вниз по течению реки). Погребальная яма прослеживалась в слое суглинка на глубине 0,12 м от поверхности. Могильное пятно овальной формы, вытянуто вдоль реки. Размеры - 0,70x0,55 м. Глубина ямы (прослеженная в слое суглинка)

- 0,55 м. В засыпке погребения обнаружен двулезвийный концевой скребок с высокими рабочими краями (рис.18 - 5). Погребенный находился в скорченной позе, сидя (рис.15 - 1). Ноги согнуты в коленях, руки в локтях. Левая нога погребенного несколько завалилась на правую. Голова лежала на груди, лицом вниз. Первоначальная ориентация костяка - лицевой частью черепа на ССВ (вниз по течению реки). Погребение принадлежало мужчине зрелого возраста. У правой ноги захороненного и поверх его ступней обнаружено скопление инвентаря (рис.16). Прямо на фалангах пальцев левой стопы найден нож листовидной формы из кремня (рис.18 - 3), окрашенный охрой. На фалангах правой стопы - два ножа из светло-зеленого нефрита (рис.19 - 4,6), у мизинца правой ноги - топор с приостренным обухом из темно-зеленого нефрита (рис.19 - 1). У пяточной кости погребенного (с правой стороны) найдено две рыбки-приманки, находящиеся друг от друга на расстоянии 4 см (рис.18 - 1,2). Между рыбками зафиксировано шесть клыков кабарги, два когтя рыси и две односторонние острошки из кости (рис.20 - 1,3). Здесь же - два крупных кремневых отщепа, отбойник из нефритовой гальки (рис.19 - 5), точильный брусок (рис.18 - 4) и нефритовый топорик, аналогичный первому, но меньшего размера (рис.19 - 2). Под костями голени (рис.17) найдено 13 отжимников из рога (рис.15 - 2-5) и цельнорезный крочок из кости (рис.20 - 4). В 7 см от скопления отжимников, ближе к реке, обнаружен костяной кинжал (рис.21 - 1) и два шила из птичьих трубчатых костей (рис.21 - 2). Под ножом и шильями - костяная ложка (рис.21 - 3), обломок костяного шила (иглы?) (рис.20 - 2) и тесло из зеленого нефрита (рис.19 - 3). В погребении обнаружен зуб лошади, однако не ясно, связан ли он с комплексом.

Погребение № 15. Расположено в 3,5 м к ЮВЗ (вверх по течению) от захоронения № 14. Яма прослеживалась на глубине 0,25 м от современной дневной поверхности. Могильное пятно овальной формы, вытянуто большим диаметром вдоль реки. Размеры 0,60x0,45 м. В разрезе могильная яма представляла собой прямоугольную выемку, глубиной 0,55 м. Яма располагалась в слое суглинка. Скелет в скорченной позе (рис.22 - 1). Пятки плотно подтянуты к тазу, колени подведены к груди. Руки согнуты в локтях и лежали левая на правой. Голова склонена на грудь. Судя по положению тазовых костей и ступней ног, первоначальное помещение костяка - сидя. Однако, в свое время скелет завалился на правый бок. Погребенный ориентирован лицом на ССВ (вниз по течению реки). Захоронение принадлежало подростку до 16 лет. Погребальный инвентарь представлен обломком двусторонне обработанного орудия из прозрачного кварцита, обнаруженного в 5 см от стопы правой ноги (рис.22 - 4).

Погребение № 16. Зафиксировано в 10 м к ЮВЗ (вверх по течению) от погребения № 15. Погребальная яма четко прослеживалась в слое суглинка с глубины 0,23 м от современной дневной поверхности. В плане яма овальной формы, размерами - 0,70x0,60 м. Глубина - 0,58 м. Костяк находился сидя, в скорченной позе (рис.22 - 2). Руки согнуты в локтях и сложены на груди, колени подведены к груди. В свое время, под действием склоновых явлений, ноги погребенного завалились вправо, череп упал в область таза и лежал основанием вверх. Нижняя челюсть, сохраняя свою первоначальную ориентировку, свалилась вниз и лежала на грудной клетке ветвями вверх. Кости таза, поясничные и грудные позвонки сохраняли первоначальное (сидячее) положение. Ребра правой стороны и шейные позвонки упали вправо от костяка. Первоначально погребенный ориентирован лицом на СВ (вниз по течению). Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. Сопровождавший инвентарь отсутствовал.

Погребение № 17. Найдено в 10 м к ЮВЗ (вверх по течению) от погребения № 16 и в 0,50 м к СВ от погребения № 18. Могильная яма овальной формы вытянута вдоль реки. Размеры ямы - 0,65x0,60 м, глубина - 0,62 м. Погребенный находился в скорченном состоянии (рис.22 - 3). Колени подведены к груди. Левая стопа сохранилась полностью, правая размыта водой. Руки сложены на груди. В момент обнаружения скелет лежал на правом боку, лицевой частью черепа вниз. Судя по положению костей таза и ступней ног, первоначальное трупопомещение - сидя. Костяк ориентирован лицевой частью черепа на ССЗ (вниз по течению реки). Погребение принадлежало мужчине зрелого возраста. У левой стопы захороненного обнаружено два кремневых отщепа, под тазовыми костями - один.

Погребение № 18. Обнаружено в полосе приобья в 0,5 м на ЮВ (вверх по течению реки) от погребения № 17. Костяк собран почти полностью. Отсутствуют: нижняя челюсть, пять поясничных позвонков, четыре кости стопы и кисти рук. Кости зафиксированы в разрозненном состоянии, поэтому восстановить первоначальное трупопомещение не удалось. Погребенный - мужчина возмужалого возраста. Вместе с костями найдены: обломок двулезвийного ножа с односторонней обработкой из призматической пластинки яшмовидного кремня (рис.5 - 3), украшение из клыка кабарги (рис.5 - 4).

четыре кремневых отщепа, крупная пластина и пластинчатый скол из кремня, четыре осколка трубчатой кости и крупный кусок кремня.

Погребение № 19. Располагалось в 4 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 18. Могильное пятно овальной формы, вытянуто с ЮЗ на СВ. Размеры пятна - 0,63x0,50 м. Глубина ямы - 0,65 м. Трупомещение - сидя, в скорченной позе (рис.23 - 1). В момент обнаружения скелет несколько привалился на левый бок. Однако, верхняя половина туловища, череп и колени сохраняли приподнятое положение. Помещение ступней ног и таза - сидячее. Руки, согнутые в локтях, покоились на груди; голова - в области коленных суставов. Ориентация погребенного - лицом на СВ (вниз по течению реки). Захоронение мужское. Погребальный инвентарь представлен: теслом из нефрита с приостренным обухом (рис.23 - 2), шлифованным однолезвийным ножом из отщепа зеленого нефрита, обнаруженным в 15 см от левой стопы (рис.24 - 3), двумя кремневыми наконечниками лавролистной формы (рис.24 - 1,2). Данный инвентарь зафиксирован в районе нижних конечностей. Изделия из кости, сконцентрированные в области локтевых и лучевых костей, состояли из долото-видного инструмента (рис.26 - 2), двух острий (рис.23 - 3), лопатки (рис.26 - 1) и ложки из рога изогнутой формы (рис.25). В 3 см от скопления найдено украшение из клыка кабана (рис.24 - 4).

Погребение № 20. Обнаружено в 2,5 м к Ю (вверх по течению реки) от погребения № 19. Могильное пятно представляло собой овал, вытянутый с севера на юг. Размеры - 0,45x0,70 м. Глубина могильной ямы - 0,60 м. Костяк находится на левом боку в скорченной позе (рис.27 - 1). Руки, согнутые в локтях, обхватывали бедра. Судя по положению ступней ног и тазовых костей, первоначальное трупомещение - сидя. Кости ног окрашены кровяником. Погребенный ориентирован лицом на север (вниз по течению реки). Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. На кистях рук обнаружены два кольца из белого нефрита (рис.27 - 7,8), на тазовых костях - обломок костяной иглы (рис.27 - 6). Под левой голенью - острие из кости (рис.27 - 5) и два фрагмента гладкостенной керамики (?). В области ребер зафиксирована подвеска из зуба марала (рис.27 - 4). В 13 см вправо от таза лежал нож треугольной формы из кремня (рис.27 - 3), у правой голени - два обломка костяной иглы и однолезвийный нож с бифациальной обработкой из кремня (рис.27 - 2).

Погребение № 21. Обнаружено в 2 м к Ю (вверх по течению реки) от погребения № 20. Могильное пятно округлой формы, размерами - 0,48x0,55 м. Глубина ямы - 0,54 м. Костяк, находившийся в скорченной позе, сиди, завалился на правый бок (рис.28 - 1). Причем, коленные суставы, кости груди и череп несколько приподняты. Руки согнуты на груди. Левая нога покоилась на правой. Ориентация костяка - лицевой частью черепа на север (вниз по течению реки). Погребенный - ребенок 6-8 лет. Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 22. Расположено в 4 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 21. Могильная яма в плане овальной формы, размерами - 0,90x0,55 м. Могильное пятно ориентировано по линии СВ - ЮЗ. Позу костяка трудно определить, видимо, погребение повторное или трупорасчлененное (рис.28 - 2). На севере скопления костей лежал череп, обращенный затылком на СВ, а лицевой частью на ЮЗ. Череп привалился на правую сторону. Шейные позвонки и верхние ребра сохраняли анатомический порядок. Рядом с шейными позвонками обнаружены поясничные, повернутые дужками вниз. Крестец и левая подвздошная кость находились в анатомическом порядке. Рядом с тазовой костью лежала нижняя челюсть, повернутая ветвями вниз. Здесь же правая лопатка и три грудных позвонка, под которыми располагались, одна на другой, берцовые кости (правая на левой). Под нижней челюстью обнаружена грудина. На пяточной кости - левая ключица, а под костями голени - левая плечевая кость и кости стопы. Здесь же обнаружена правая плечевая кость, параллельно которой располагалась локтевая. Под некоторым углом к локтевой кости разбросаны фаланги рук и ног. Внизу под скоплением костей найдена левая лопатка. Первое ребро лежало рядом с коленным суставом. Погребение принадлежало мужчине зрелого возраста. Погребальный инвентарь располагался под черепом перпендикулярно скоплению костей (рис.31). Здесь обнаружены: мелкозернистый точильный брусок (рис.30 - 4), выпрямитель древка стрел из песчаника (рис.30 - 3), наконечник стрелы листовидной формы с двусторонней обработкой (рис.30 - 2), три кремневых отщепа и один пластинчатый скол. Рядом с наконечником - скребок из лопатки животного (рис.30 - 1), подвеска из зуба марала с биконическим отверстием и три зооморфные стилизованные скульптуры (рис.29), выполненные из ветвей нижних челюстей косули (?). Костяные изделия окрашены охрой.

Погребение № 23. Найдено в 1 м к В (вверх по течению реки) от погребения № 22. Могильное пятно овальной формы, размерами 0,45x0,60 м. Глубина могильной ямы, прослеженная в слое суглинки, 0,47 м. Трупомещение - сидя, в скорченной позе (рис.51 - 1). Руки сложены на груди.

Череп скатился с позвоночного столба и провалился в область груди. Шейные позвонки сохраняли первоначальное положение. Ориентация костяка — лицевой частью на восток (к реке). Погребенная — женщина возмужалого возраста. Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 24. Расположено в 2 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 23. Погребение частично разрушено. Восстановить форму могильной ямы не удалось. Многие кости (ребра, часть позвонков, кисти и стопы конечностей, лопатки и т.д.) отсутствовали. Длинные кости располагались беспорядочно. Левая бедренная кость находилась под углом к берцовой. Кости таза сохранили сидячее положение. Видимо, первоначальное трупопомещение — скорченное, сидя (рис.32 - 1). Ориентацию костяка восстановить не удалось. Погребенный — мужчина зрелого возраста. Под правой плечевой костью, рядом с берцовой, лежали две подвески из зубов марала (рис.32 - 4). Под левой бедренной костью — антропоморфная скульптура из кости (рис.32 - 2). Возле левой коленной чашечки находилась подвеска из зуба марала и зооморфная скульптура из кости (медведь?) (рис.32 - 3). Справа от таза на расстоянии 6 см зафиксирована аналогичная подвеска. Справа от черепа у правой плечевой кости располагалось пять отжимников, выполненных из рога, пластинчатый скол, кремневый отщеп. Под правой подвздошной костью — подвеска из зуба марала.

Погребение № 25. Обнаружено в 1,5 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 24. Могильная яма прослеживалась на глубине 0,08 м. В плане яма округлой формы, размеры — 0,58x0,50 м, глубина — 0,60 м. Костяк в скорченной позе (рис.33 - 1). Ноги согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу. Руки сложены на груди. В момент обнаружения скелет находился на правом боку. Шейные и грудные позвонки выгнуты остистыми отростками вверх. Череп упал на грудь затылком вверх. Судя по положению ступней ног, тазовых костей и лопаток, первоначальное помещение костяка — сидя, в скорченной позе. Ориентация — лицом на восток (к реке). Погребенный — мужчина зрелого возраста. Наиболее значительное скопление инвентаря находилось в области пояса (рис.35 - 36). Предметы лежали компактно, видимо, в свое время они находились в специальной сумке. Здесь зафиксированы: два односторонних гарпуна из рога (рис.34 - 4), семь отжимников из рога (рис.33 - 7), нефритовая галька с легкой пришлифовкой, топор с острым обушком из нефрита (рис.33 - 2), галька со сбитыми концами, кремневый отщеп. У правой стопы находились: два отжимника из рога, обломок нефритового ножа с односторонней заточкой лезвия (рис.33 - 6), нефритовая галька, пластинчатый кремневый скол, заготовка изделия из метаподии козули, эллипсоидная бусинка из кости с круглым биконическим отверстием (рис.34 - 2). У правой коленной чашечки располагались заготовки изделий из кости, у левого бедра — костяная игла, разломанная на две части (рис.33 - 5). У правой подвздошной кости лежал крупный листовидный наконечник из кремневой пластины (рис.33 - 3), острие из метаподии козули (рис.33 - 4), двусторонний трехзубый гарпун (рис.34 - 1). Рядом с ним — браслет из металла (рис.34 - 3) и второе острие из кости, воткнутое в землю.

Погребение № 26. Обнаружено в 0,75 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 25. Могильное пятно представляло собой овал, вытянутый с ЮЗ на СВ. Размеры 0,90x0,40 м. Глубина могильной ямы — 0,20 м. Трупоположение горизонтальное, вытянутое на спине. Костяк плохой сохранности: отсутствовали ступни ног, кисти рук, часть ребер; череп раздроблен. Остатки костей сохраняли анатомический порядок. Погребенный ориентирован головой на ЮЗ (вверх по течению реки). Захоронение детское (ребенок 12-13 лет). Рядом с черепом находился кремневый отщеп. Под ребром, с левой стороны от позвоночного столба, лежал наконечник стрелы треугольной формы с прямой базой из светлого кремня (рис.38), на левой лучевой кости — два аналогичных наконечника (рис.37 - 2-4). Слева от черепа находился кремневый отщеп.

Погребение № 27. Обнаружено в 0,8 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 26. Могильное пятно овальной формы, вытянуто с севера на юг. Размеры — 0,40x0,25 м. Глубина могильной ямы — 0,12 м. Костяк помещен горизонтально, на спине, в вытянутой позе (рис.39 - 1). Располагался сразу под плитами, вследствие чего отдельные кости сильно повреждены. Скелет представлен не полностью, кости плохой сохранности: сильно пострадал череп, бедренные кости, ребра. Ориентация — головой на север (вниз по течению реки). Погребенный — ребенок около 5 лет. На расстоянии 1,5 см слева от нижней челюсти зафиксированы подвески из зубов марала (рис.39 - 3-5) и бусина округлой формы с биконическим отверстием, выполненная из кости (рис.39 - 2). На месте грудины — еще одна подвеска. На черепе — крупный отщеп, ниже которого находились два мелких кремневых отщепов.

Погребение № 28. Обнаружено в 2 м на В (вверх по течению реки) от погребения № 27 по берцовым костям, видимым в обнажении берега. Погребальная яма прослеживалась на глубине 0,25 м от современной дневной поверхности в слое суглинка. В плане могильная яма овальной формы, вытянута большим диаметром вдоль реки. Размеры - 1,70x0,60 м. Глубина ямы - 0,50 м. Костяк с горизонтальным труположением, вытянутый, на спине (рис.40 - 1). Руки располагались вдоль туловища. Череп раздроблен на мелкие кусочки и обожжен. Верхняя половина туловища (до таза) сожжена. Позвонки, ребра и верхние конечности сохранились незначительными фрагментами. Правая подвздошная кость и длинные кости нижних конечностей действием огня не подвергались. Остатки костяка сохраняли анатомический порядок. Ориентация - головой на юг (вверх по течению). Костяк предположительно женский. У правой голени обнаружен нож из сланца с одним рабочим лезвием (рис.40 - 2). Возле члеников эпифизов костей голени найдены две подвески, вырезанные из кости. Три подобные подвески обнаружены в районе левого плеча. Вокруг раздробленного черепа найдено еще пять подвесок (подвески действием огня не подвергались) (рис.40 - 3) и пастовые бусы (рис.40 - 5). В районе колена правой ноги находился игольник из трубчатой кости (рис.40 - 6), внутри которого обнаружена игла (рис.40 - 4).

Погребение № 29. Обнаружено в 0,4 м на Ю (вверх по течению реки) от погребения № 28. Погребальная яма овальной формы - 0,95x0,75 м. Костяк в скорченной позе (рис.44 - 1). В результате склоновых явлений скелет завалился на левый бок, грудной клеткой вниз, а острыми отростками позвонков вверх. Череп упал основанием вверх. Нижняя челюсть разломана пополам. Ее левая половина сохраняла анатомическое положение, правая сползла вниз. Ноги согнуты в коленях, бедра прижаты к животу, голени находились под острым углом к ним. Руки погребенного согнуты в локтях, причем, кости правого предплечья лежали на правой бедренной кости. Положение костей таза и ступней ног свидетельствует о том, что первоначальное трупомещение - сидя. Погребенный ориентирован лицом на ССВ (вниз по течению) и повернут правым боком к реке. Костяк принадлежал мужчине зрелого возраста. Слева от погребенного, у костей голени лежала крупная рыба-приманка, повернутая к реке хвостом (рис.44 - 1). В момент обнаружения приманка находилась в 7 см от упавшего черепа. Рядом с рыбой, ближе к костяку, обнаружено два скребка из лопаток животного (рис.44 - 4,5). Между ними располагался кремневый наконечник стрелы листовидной формы (рис.43 - 3). У хвоста рыбы найден выпрямитель древка стрел из песчаника (рис.43 - 1). Между костями левой голени обнаружен обломок мелкозернистого точильного бруска (рис.43 - 2) и обломок трубчатой кости животного. У пяточной кости правой ноги найден костяной наконечник с прямой базой, повернутый к реке (рис.42 - 2). Подобный наконечник найден в 15 см от ребер погребенного (рис.42 - 1). Параллельно костям голени правой ноги располагался костяной кинжал (рис.44 - 2) и обломок орудия из трубчатой кости косули (рис.42 - 3). При разборе погребения под ребрами костяка с левой стороны найден игольник из птичьей трубчатой кости (рис.41 - 2), внутри игольника - игла (рис.41 - 3). В районе тазовых костей - скопление кремневых отщепов (6 шт.), два пластинчатых скола обнаружено под костяными скребками.

Погребение № 30. Найдено в 0,5 м на В (вверх по течению реки) от погребения № 29. Погребение разрушенное. Обломок черепа, нижняя челюсть без зубов, кости верхних конечностей, позвонки, ребра найдены в разрозненном состоянии в полосе приобья. Вместе с костями зафиксированы: однолезвийный нож с бифациальной обработкой из плитки аргиллита (рис.45 - 1), четыре кремневые пластины, отщепы и фрагмент керамики с отпечатками сетки-плетенки (возможно, что данные предметы из слоя, перекрывающего могильную яму).

Погребение № 31. Обнаружено в 1 м на В (вверх по течению реки) от погребения № 30. Погребение находилось в полосе приобья, поэтому говорить о способе захоронения не представляется возможным. Многие кости, в том числе и череп, сильно повреждены. Погребение женское. В районе предполагаемого захоронения обнаружены: обломок ножа из пластины металла (рис.45 - 2), металлический браслет (рис.45 - 3), два кремневых отщепа и обломки ребер крупного млекопитающего (возможно, лося).

Погребение № 32. Расположено в 4,5 м к ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 31. Погребальная яма зафиксирована с глубины 0,25 м от современной дневной поверхности, в слое суглинка. Могильное пятно овальной формы, вытянуто большим диаметром по линии З - В. Размеры пятна - 0,60x0,65 м. Глубина могильной ямы (видимая в слое суглинка) - 0,40 м. Захоронение двойное, детское. Трупомещение - сидя, в скорченной позе (рис.46 - 1). Скелет (1) расположен ближе к береговой линии, скелет (2) в глубине поймы, чуть выше по течению. Кости погребенного (2) частично перекрывают костяк (1). Захороненные ориентированы лицом на ССВ (вниз по

течении), правым боком повернуты к реке. В свое время, под действием сглоновых явлений, скелеты слегка завалились на правый бок. Скелет (1) находился с согнутыми ногами и сложенными на груди руками. Кости голени - в вертикальном положении. Позвоночный столб образовывал круглую дугу. Череп раздавлен. Скелет (2) привалился на правый бок, но сохранял сидячую позу. Череп венчал собой позвоночный столб. Нижняя челюсть свалилась на грудную клетку. Левая плечевая кость лежала вдоль туловища, а кости предплечья - почти под прямым углом к ним. Ноги погребенного согнуты в коленях и подведены к груди. Костяк (1) принадлежал ребенку 3-4 лет, костяк (2) - подростку до 16 лет. Перед лицевой частью черепа скелета (1) обнаружен обломок металлической трубочки (рис.46 - II). Между стопами погребенных найдено скопление фаланг животных (медведя) от нескольких особей. Здесь же обнаружены четыре рыбы кости и метатарсы собакообразных. У нижней челюсти костяка (2) лежало украшение из клыка кабана с отверстиями на концах (украшение окрасилось в зеленый цвет от присутствия в погребении изделий из меди)(рис.46 - IO). Здесь же найдено шесть подвесок из зубов марала с биконическими отверстиями (рис.46 - 3-9). У скелета (1) в области грудной клетки - два плоских диска и одно кольцо с биконическими отверстиями из светлого мрамора (рис.46 - 2-4; 47).

Погребение № 33. Располагалось в I м на ЮВ (вверх по течению реки) от погребения № 32. Могильное пятно овальное, вытянуто с севера на юг. Размеры - 0,55x0,62 м. Глубина могильной ямы - 0,76 м. Скелет в скорченной позе (рис.48 - I). Позвоночный столб выгнут дугой. Руки, согнутые в локтях, располагались на груди. Кости правой ноги покрывали собой кости левой. Подъемные ступней ног и тазовых костей - сидячее (первоначальное трупомещение - сидя). Видимо, в результате оттаивания грунта или склоновых процессов, костяк завалился на левый бок. Ориентация погребенного - лицом на север (вниз по течению реки). Захоронение принадлежало мужчине зрелого возраста. Возле костей стопы и частично на них лежали (рис.49): стержень составного рыболовного крючка из гальки (рис.48 - 2), ложило из кости (рис.48 - 4) и металлический предмет треугольных очертаний (рис.48 - 3).

Погребение № 34. Располагалось в 5,5 м на Ю (вверх по течению реки) от погребения № 33. Обнаружено по позвонкам и бедренным костям, видимым в обрыве берега. Захоронение сильно разрушено: отсутствуют череп, большинство ребер, позвонков, кости одной верхней и одной нижней конечностей. Первоначальную позу костяка определить не удалось. Погребение мужское. Возле правой коленной чашечки лежал обломок костяной иглы (рис.50 - I), под тазовыми костями - скребок из кости (рис.50 - 2) и фрагменты трубчатых костей млекопитающих.

Погребение № 35. Обнаружено в 0,50 м к З (вверх по течению реки) от погребения № 34, в полосе прибора. Погребение полностью разрушено. Удалось выловить нижнюю челюсть и лопатку, остальные кости отсутствуют. В районе предполагаемого захоронения зафиксировано кольцо из бледно-зеленого нефрита (рис.50 - 3) и металлическое шило, четырехугольное в сечении (рис.50 - 6).

Погребение № 36. Найдено в 3 м на Ю (вверх по течению реки) от погребения № 35 по левой подвздошной кости, лежащей в полосе прибора. Сильное смещение костяка не позволяет достоверно определить первоначальную позу погребенного. По дугообразно изогнутому позвоночному столбу и положению правой подвздошной кости можно предположить, что захоронение произведено сидя. Погребенная - женщина зрелого возраста. Рядом с малой берцовой костью обнаружено металлическое изделие в виде трубочки (рис.50 - 5), под правой берцовой костью - пластинчатый кремневый скол с мелкой рабочей ретушью, кремневый отщеп и обломок металлической пластины (рис.50 - 4).

Погребение № 37. Зафиксировано в 7 м на Ю (вверх по течению реки) от погребения № 36. Могильное пятно округлой формы - 0,45x0,50 м. Глубина могильной ямы - 0,62 м. Захоронение двойное, разновозрастное (взрослого и ребенка до года)(рис.51 - I). Взрослый костяк - в скорченной позе. Ноги, согнутые в коленях, завалились на левую сторону (правая на левую). Туловище откинуто назад (на спину). Правая рука, согнутая в локте, располагалась на груди; левая - несколько в стороне. Положение таза и ступней ног - сидячее. На черепе - окристые пятна. Ориентация костяка - лицевой частью черепа на ССВ (вниз по течению реки). Погребенная - женщина возможного возраста. Скелет ребенка обнаружен возле тазовых костей взрослой особи. Весь сопровождающий инвентарь относился к женскому костяку. На правой височной кости лежало кольцо из белого нефрита (рис.53 - I). В районе грудины зафиксировано темное пятно, в центре которого находилось металлический кельт с двумя ушками (одно обломано в древности)(рис.51 - 6; 52) и украшение из клыка кабана с биконическими отверстиями на обоих концах (поверхность клыка окрашена окисью меди)(рис.53 - 3). Видимо, темное пятно образовалось в результате окисления почвы. Внутри кельта обнаружено четыре кедровых ореха. Под левой берцовой костью и правой коленной чашечкой за-

фиксировано второе темное пятно, в котором располагалось скопление кремневых отщепов, пластин, пластинчатых сколов, концевой скребок (рис.53 - 2) и кварцитовый отщеп. На лицевой части черепа обнаружено три подвески из клыков марала. Возле черепа - две аналогичные подвески (рис.51 - 2-5).

Погребение № 38. Находилось в 2 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 37. Могильная яма четко прослеживалась только в слое суглинка на глубине 0,40-0,43 м от современной дневной поверхности. В плане могильная яма овальной формы, вытянута большим диаметром вдоль берега. Размеры - 0,70x0,50 м. Глубина ямы (в слое суглинка) - 0,45 м. Костяк находился в скорченной позе (рис.54 - I). Ноги подтянуты к груди, причем левая завалилась на правую. Руки согнуты в локтях. Правая рука располагалась на груди, левая была отведена так, что ее кисть лежала на костях таза. Череп находился на берцовых костях лицевой частью вниз. Судя по положению ступней ног и костей таза, погребенный был помещен в могильную яму сидя, но под действием склоновых явлений скелет завалился на правый бок. Первоначально погребенный ориентирован лицом на ССВ (вниз по течению). Захоронение принадлежало мужчине зрелого возраста. У затылочной кости обнаружена подвеска из клыка марала, вторая подвеска найдена у эпифиза большой берцовой кости левой ноги. Под черепом полукругом располагалось семь подобных подвесок. Такие же подвески в количестве шести экземпляров найдены под правой подвздошной костью (рис.54 - 2-8). Кости таза и левой руки перекрывала зооморфная скульптура из кости - изображение головы лося (рис.57). Под правым коленным погребенного найдено второе костяное зооморфное изображение - скульптура змеи (рис.54 - I2). В 3 см от локтя правой руки обнаружены две антропоморфные скульптуры (одна из них - изображение женщины в полный рост (рис.58), другая - маска из позвонка животного (рис.59). Между эпифизом бедренной и локтевой костей (правая сторона) обнаружен костяной крючок для вязания сетей (рис.54 - 9); у мизинца правой стопы - сверло из кремня (рис.54 - II) и обломок позвонка животного со следами обработки.

Погребение № 39. Располагалось в 4 м к Ю (вверх по течению реки) от погребения № 38 (в 1,5 м от полосы приобья). Скелет в скорченной позе (рис.60 - I). Кости туловища частично покрывали собой нижние конечности. Позвоночный столб расположен остистыми отростками вверх. Ноги согнуты в коленях. Череп привалился на правый бок. Кости таза в сидячем положении (первоначальное трупопомещение - сидя). Погребенный ориентирован лицом на север (с небольшим отклонением на запад). Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. У правой берцовой кости зафиксированы пластинчатые кремневые сколы, у костей плечей - призматическая кремневая пластинка. Под правой плечевой костью найдена игла с круглым ушком, у правой бедренной кости - обломок второй иглы (рис.60 - 2,3).

Погребение № 40. Обнаружено в 4 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 39. В плане могильная яма овальной формы, размерами 0,80x0,50 м. Глубина ямы - 0,60 м. Костяк - в скорченной позе (рис.61 - I). Ноги согнуты в коленях и подтянуты к груди, причем, левая нога завалилась на правую. Руки согнуты в локтях. Голова склонилась на грудь лицом вниз. Судя по положению ступней ног и костей таза, первоначальное трупопомещение - сидя. Ориентация - лицом на ССВ (вниз по течению реки). Погребенная - женщина старческого возраста. В 6 см от пяточной кости правой стопы обнаружено тесло с пристроенным обушком из темно-зеленого нефрита (рис.61 - 2). Под правой берцовой костью найдено скопление костяных иголок - шесть экземпляров (рис.61 - 4-6). У ступни правой ноги лежал обломок реора и две расколотые трубчатые кости животных, густо обсыпанные охрой. В 15 см от тесла обнаружен двусторонне обработанный нож листовидной формы с двумя рабочими лезвиями (рис.61 - 3).

Погребение № 41. Найдено по теменным костям, замеченным в обнажении берега в 8 м к ЮЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 40. Размеры могильного пятна 0,65x0,50 м. Глубина могильной ямы - 0,66 м. Костяк находился в скорченной позе, сидя (рис.62 - I). Ноги подведены к груди, руки сложены на животе. В свое время череп упал лицевой частью вниз, несколько привалившись на правый бок. Нижняя челюсть немного сползла вниз. Кости ног погребенного упали на грудь, а сам скелет под действием склоновых явлений наклонился к реке. В районе шейных и грудных позвонков проходила кротовина, поэтому их анатомический порядок нарушен. Ориентация костяка - лицевой частью черепа на СВ (вниз по течению реки). Погребение принадлежало мужчине зрелого возраста. В тазовых костях, видимо, провалившись сверху, лежало кольцо из бледно-зеленого нефрита с биконическим отверстием (рис.62 - 2). Слева от шейных позвонков - подвеска из клыка марала. Подобные подвески найдены: три - у плечевой кости, одна - в тазовых костях, две - у левого локтя и одна - между ребер с правой стороны (рис.62 - 4,5). У локтя правой руки,

под ребрами обнаружены три двусторонних гарпуна с ритуально обломанными остриями (рис.63; 64). Под левой подвздошной костью найдено изделие из белого нефрита в виде диска с биконическим отверстием (рис.62 - 3). Под правой стопой погребенного лежала речная галька.

Погребение № 42. Расположено в 36 м к ЮЗ (вверх по течению) от погребения № 41. В слое суглинка на глубине 0,35-0,45 м от современной дневной поверхности зафиксирована линза кроватки, содержащая в себе погребение. Диаметр линзы вдоль реки - 0,50 м. Мощность пятна вместе с костяком - 0,03 м. Погребенный положен горизонтально, на спине (рис.65 - I). Череп раздавлен, представлен отдельными фрагментами: нижней челюстью, скуловой и обломком височной кости. Сохранилась правая часть костяка (левая смыта водами реки). Остатки скелета находились в анатомическом порядке. Ноги и правая рука - вытянуты в чуть согнутом состоянии (от левой ноги сохранилась большая берцовая кость). Косточки скелета небольшого размера, несросшиеся между собой. Длина костяка - 0,47 м. Погребенный ориентирован головой на ССВ. Захоронение принадлежало ребенку возрастом до года. Сопровождавший инвентарь отсутствовал.

В ж н ы й у ч а с т о к включает в себя три погребения.

Погребение № 43. Найдено по видимым в береговом обнажении правой подвздошной кости и трем поясничным позвонкам, в 251 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 42. Могильное пятно представляло собой окружность, размерами - 0,60x0,65 м. Глубина могильной ямы - 0,66 м. Костяк обнаружен в скорченной позе, на левом боку (рис.66 - I). Ноги плотно прижаты к туловищу, руки покоились на груди. Череп и верхняя половина туловища приподняты по отношению к костям таза. Судя по положению ступней ног и тазовых костей, первоначальное помещение погребенного - сидя. Ориентация костяка - лицевой частью черепа на С (вниз по течению реки). Погребение принадлежало мужчине зрелого возраста. Между ребрами и правой плечевой костью на расстоянии 2 см зафиксирован обломок изделия из кости. Возле правой подвздошной кости находился кремневый отщеп. У правой височной кости на расстоянии 1,5 см от нее - шлифованный нож из темно-зеленого нефрита (рис.66 - 5) и фрагмент трубчатой кости млекопитающего. Под бедренной костью - острие из трубчатой кости (рис.66 - 3). Рядом с ним - острие с орнаментом, воткнутое в землю (рис.66 - 2). Под левой пяточной костью лежала провертка из темно-серого кремня (рис.66 - 6). В 2 см от правой большой берцовой кости находился кремневый отщеп, в черепной коробке - призматическая пластинка из кремня. Вправо от костяка, на расстоянии 38 см от берцовых костей, на уровне погребения зафиксированы фрагменты ложки из рога с обломанным черенком (рис.66 - 4).

Погребение № 44. Обнаружено в 69 м на Ю (вверх по течению реки) от погребения № 43. Захоронение размытое. Часть костных останков лежала в беспорядке в полосе прироста. Поэтому определить способ захоронения невозможно. В районе захоронения обнаружены костяная игла (рис.67 - 2) и обломок изделия из кости (рис.67 - I).

Погребение № 45. Расположено в 6 м на ЮЗ (вверх по течению реки) от погребения № 44. Обнаружено по видимым в береговом обнажении черепу и плечевой кости. Могильное пятно округлой формы, размерами 0,65x0,70 м. Глубина могильной ямы - 0,72 м. Костяк находился в скорченной позе (рис.68 - I). Позвоночный столб изогнут так, что шейные позвонки и лопатки находились в области таза. Судя по положению тазовых костей, лопаток и ступней ног, первоначальное помещение погребенного - сидя. Впоследствии костяк завалился влево и несколько назад. Ориентация погребенного - лицом на С (вниз по течению). Захоронение принадлежало мужчине зрелого возраста. Возле правой стопы - скопление костяных изделий (рис.69): два двусторонних гарпуна из рога (рис.70 - 1,2), костяная игла с ушком (рис.68 - 2), ложка из рога (рис.71 - 2), два отжимника из рога (рис.71 - 4). В 20 см от него лежали: топорик с пристроенным обушком из нефрита (рис.68 - 3), однолезвийный нож из нефрита (рис.68 - 4), двусторонний гарпун (рис.70 - 3). На расстоянии 10 см от ребер лежала рыба-приманка крупных размеров из мрамора (рис.71 - I) и кремневый нож треугольных очертаний (рис.68 - 5). При расчистке погребения обнаружены: заготовка отжимника из рога, поделка из кости и нижняя челюсть животного (лисы).

Как видно из описания могильника Шумилиха, на трех участках (северном, центральном и южном), выявленных вдоль берега р.Ангара, были встречены различные способы погребения умерших. Из 35 документированных погребений по способу захоронения выделяются следующие неравные в количественном отношении группы:

- 1) с помещением костяка сидя, в скорченной позе: индивидуальные - 24, двойные - 2;
- 2) с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине - 3;
- 3) с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине и последующим частичным сожжением внутри могильной ямы - 1;

- 4) с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине и полной засыпкой охрой - I;
- 5) с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине и оберткой тела берестой - I;
- 6) трупорасчлененные либо повторные одиночные захоронения - 2;
- 7) расчлененное либо повторное коллективное разновозрастное захоронение со следами воздействия огня - I.

Основные данные описанных погребальных комплексов могильника Шумилиха сконцентрированы в сводной таблице (см. приложение).

О.И.Горюнова, В.И.Смотров

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКА ШУМИЛИХА (Анализ материалов и датировка памятника)

Цель статьи - выделение однородных погребальных комплексов и особенностей обрядов захоронения; проведение анализа сопровождающего инвентаря внутри выделенных групп и определение датировки и внутренней хронологии комплексов древнего могильника Шумилиха.

СПОСОБЫ ЗАХОРОНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДОВ

В основу выделения погребальных обрядов положены: конструкция могильного сооружения, помещение погребенного, особенности обряда (наличие охры, бересты и т.д.), присутствие сопровождающего материала и его ритуальные особенности (специальная поломка предметов и т.д.). В соответствии с этим на материалах могильника Шумилиха выделено несколько погребальных комплексов.

Погребения с трупопомещением сидя. Могильные ямы в плане почти круглой или овальной формы, в сечении - в виде шахтообразных выемок; глубина от 0,55 до 0,72 м.

Трупопомещение погребенных единообразное - в скорченной позе, сидя. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к груди. Руки покоились на груди, либо обхватывали колени. Захоронения одиночные, исключение составляют два двойных (№ 37, 32), которые, вероятнее всего можно объяснить одновременным моментом смерти.

Ориентация большинства (21) погребенных - лицом на С - СВ, что соответствует направлению р. Ангары (вниз по течению). Костяки в погребениях № 25, № 23, № 9 ориентированы лицевой частью черепа на В (к реке), в № 10 - на З (спиной к реке), в № 11 - на Ю - ЮЗ (вверх по течению). Объяснить отклонение от общей ориентации половозрастными различиями не представляется возможным (№ 25, 9, 10 - мужские, № 23, 11 - женские погребения). Погребальные комплексы данных захоронений ни конструкциями могильных сооружений, ни ритуальными особенностями не отличаются от основной массы сидячих захоронений.

Почти все погребенные (22 из 26) снабжены сопровождающим материалом, который располагался чаще всего в области голеностопных суставов (с правой стороны), либо у пояса. Компактное расположение предметов, обнаруженных в районе пояса в захоронениях № 25, № 37, № 19, № 14, № 29, дает основание предположить, что инвентарь (в свое время) находился в специальных сумках. Количество сопровождающего материала в погребениях не одинаково. Четыре костяка без инвентаря (погребения № 11, 17, 21, 23). Половозрастная принадлежность умерших: два костяка - женские (№ 11, № 23), один - мужской (№ 17), один - детский (№ 21). Из них в двух погребениях (№ 11, № 23) наблюдалось отклонение от основной ориентации.

Несмотря на ограниченный состав и однотипность номенклатурного набора сопровождающего инвентаря сидячих захоронений могильника Шумилиха, обращает на себя внимание его половозрастная дифференциация. Основной набор орудий: костяные гарпуны, наконечники стрел и копий из кости и камня, нефритовые топоры и тесла (исключение: погребение № 40 - женское), отжимники из рога, костяные ложки и ложила, точильные бруски и т.д., при более или менее частом повторении, найдены только в мужских захоронениях. Данный факт распространяется и на скульптурные антропоморфные и зооморфные изображения. Инвентаря типичного только для женских захоронений нет. Наиболее часто встречаются иглы и ножи, обнаружены также скребок, тесло, шило, но подобные предметы найдены и в мужских захоронениях. Исключение составляет погребение № 37 (двойное разновозрастное), содержащее необычный для женщин набор инвентаря. Украшения обнаружены в погребениях обоих полов. Сопровождающий инвентарь детских захоронений беден: подвески из зубов марала (№ 5), обло-

мок орудия (№ 15). В погребении № 21 инвентарь отсутствует. Обилие сопровождающего материала отмечено в погребении № 32, что, по-видимому, связано с необычным фактом одновременного захоронения двоих.

Многие вещи, найденные в могилах, носят на себе более или менее явственно выраженные признаки их использования (сильная заточенность металлического кельта, зазубренность лезвий топоров и тесел, оббитость отбойников, залощенность костяных ножей). Таким образом, факты свидетельствуют о том, что в могилу помещались не какие-то особые, имевшие ритуальное назначение вещи, а обычные, находившиеся в повседневном обиходе.

В некоторых случаях в могилы не клали охотничьи принадлежности, и весь инвентарь состоял из предметов культа (№ 38 и др.).

Обращает на себя внимание присутствие отдельных погребений с намеренно обломанными (в момент захоронения) остриями гарпунов (погребение № 41).

Среди сопровождающих предметов в погребениях № 11, № 14, № 25, № 32, № 40, № 45 обнаружены кости животных: медведя (№ 25, № 32), лисы (№ 45), кости собакообразного (№ 32), лося (№ 11) и рыб (№ 32). В погребении № 14 обнаружен зуб лошади, однако установить его точное стратиграфическое положение и принадлежность к захоронению не удалось. Характерно, что захоронения, в которых найдены остатки животных, обычно выделяются богатым инвентарем.

Одна из деталей погребального комплекса с сидячим трупомещением - наличие в некоторых случаях пятен охры на костяках или орудиях (№ 37, № 20, № 40, № 14). Расположение охристых пятен не одинаково. В захоронении № 37 (женском) пятно зафиксировано на черепе костяка; в захоронении № 20 (женском) охрой засыпаны кости животных, находившиеся среди инвентаря; в погребении № 14 (мужском) - кремневый нож. Вопрос об интерпретации наличия пятен охры в данных захоронениях остается открытым.

Погребения с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине (№ 27, № 26, № 12). Ориентация захоронений различна: костяки из погребений № 27, № 12 ориентированы черепом на С - СВ (вниз по течению реки), скелет из погребения № 26 - на Ю - ЮВ (вверх по течению). Сопровождавший инвентарь находился в захоронениях № 26 и № 27.

Погребение с горизонтальным помещением костяка, вытянутым на спине и частичным сожжением (№ 28). Сожжение производилось непосредственно в могильной яме. Воздействию огня подвергалась только верхняя часть трупа. Среди обожженных костей обнаружены костяные подвески, не носящие следов воздействия огня.

Погребение с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине и полной засыпкой охрой (№ 42). Подобный комплекс находит аналогии в первую очередь с китойскими захоронениями, широко известными в Прибайкалье.

Погребение с горизонтальным помещением костяка, вытянутым на спине и покрытым берестой (№ 1). Захоронения с аналогичной деталью погребения встречены в низовьях р. Селенги и на острове Ольхон.

Трупорасчлененные или вторичные одиночные захоронения (№ 22, № 4). Сохранение анатомического порядка отдельных частей скелета в погребении № 22 дает основание предполагать, что данное захоронение - трупорасчлененное. Особенностью этого погребального комплекса является наличие охры на костяном инвентаре и зооморфных скульптурах, находившихся в могильной яме.

Беспорядочное нагромождение костей, уложенных компактно, и отсутствие черепа в погребении № 4 свидетельствует о вторичном захоронении.

Трупорасчлененное или вторичное коллективное разновозрастное захоронение со следами воздействия огня (№ 2). В могильной яме находились отдельные кости и черепа, принадлежавшие как минимум четырем особям. Один из предметов сопровождающего инвентаря (нож) окрашен охрой.

Таким образом, выделенные на могильнике Шумилиха семь групп захоронений, отличаются друг от друга обрядом, деталями и особенностью захоронения.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНВЕНТАРЯ

Анализ сопровождающего инвентаря производится для каждой группы в отдельности. В соответствии с выше принятой последовательностью изложения в первую очередь рассматриваем находки, обнаруженные в могилах с сидячим трупомещением. Описание каменного и костяного инвентаря приводится по схеме, предложенной Г.И.Медведевым (1972, 1978).

Инвентарь погребений с сидячим телоположением

Общее количество находок - 124, из них: 106 - при мужских костях (84,7%), 18 - при женских (14,5%), детские - без инвентаря (исключение - погребение № 32).

Основным поделочным материалом служила кость (40% от общего числа находок) и рог (31%). На изделия из кремня приходится 11,3%, из нефрита - 10,5%, из металла - 4%, из сланца - 1,6%, из песчаника и галечника - по 0,8%.

Изделия из кости и рога - 89 экз.

Гарпуны - 11 экз. По расположению зубов делятся на односторонние и двусторонние.

Односторонние гарпуны - 3 экз. (погребение № 25 - 2 экз., № 9 - 1 экз.). Орудия трезубые; жала, овальные в сечении, затуплены в процессе работы (на что указывает сильная залоченность орудия). Насад симметрично сужается, сечение - полудирическое. Ярко выражены косой (погребение № 9) или прямой (погребение № 25) шип, служивший в качестве стопор-линия. Длина первого гарпуна - 14,7 см, второго - 15,2 см, третьего - 11,3 см (рис. 13 - 2, 34 - 4).

Двусторонние гарпуны - 8 экз. (погребение № 25 - 1 экз., № 9 - 1 экз., № 45 - 3 экз., № 41 - 3 экз.). Перья прямые, с шлифовкой по всей поверхности; жала массивные, почти овальные в сечении. Для данной группы гарпунов характерна симметричность расположения зубов, частичное нарушение этого признака наблюдается у орудий из погребений № 25, № 41.

По форме системы крепления гарпуны делятся:

а) с овальным насадом и шипами, расположенными либо перпендикулярно телу орудия (погребение № 9 - 1 экз., № 45 - 1 экз., № 41 - 2 экз.; рис. 64 - 1, 3), либо под острым углом (погребение № 41; рис. 64 - 2). Длина гарпуна из погребения № 45 - 13,8 см (рис. 70 - 2), из погребения № 9 - 9 см (рис. 13 - 4);

б) с треугольной системой крепления и ярко выраженным стопор-линем. С правого края насада сделана насечка. Длина гарпуна - 9 см (погребение № 25; рис. 36 - 1);

в) с ромбической системой крепления (погребение № 45 - 2 экз.; рис. 70 - 1, 3). Длина орудий - 15,4 см.

Остроги - 2 экз. (погребение № 14; рис. 20 - 1, 3). Изготовлены из рога. Орудия односторонние, с уплощенным насадом, база прямоугольная. Одна из острог - однозубая, другая - двузубая. Длина изделий - 14 см.

Крышечка цельнообразованная (погребение № 14; рис. 20 - 4) с тремя нарезками для крепления снасти. Жалце двойное, стержень изделия тонкий, дуга крутая. Длина крышечки - 3,3 см, ширина - 0,6 см.

Скребки из кости - 2 экз. (погребение № 29; рис. 41 - 4, 5). Изготовлены из лопаток животных (возможно, быка?). Полностью сохранили естественную форму (срезаны только отростки), левые слегка закруглены (залочены и выщерблены в процессе работы). Поверхность скребков шлифована. Размеры изделий - 14,8 см и 22 см.

Ложило - 1 экз. (погребение № 33; рис. 48 - 4). Изготовлено из трубчатой кости, сохраняет естественную изогнутость. По всей поверхности орудия наблюдается шлифовка. Рабочий край массивный, слегка закруглен (образован косым срезом), притуплен вследствие употребления. На орудии обнаружены следы окиси металла. Длина - 17,5 см.

Костяные кинжалы - 3 экз. (погребения № 14, 19, 29; рис. 21 - 1; 26 - 1; 44 - 2). Выполнены из расколотой вдоль трубчатой кости животного. По всей поверхности изделия прослеживается шлифовка. Острие уплощено и заточено с двух сторон. Длина кинжала из погребения № 19 - 17,7 см, из погребения № 14 - 27,7 см, из погребения № 29 - 26,3 см.

Долото - 1 экз. (погребение № 19; рис. 26 - 2). Изготовлено из расщепленной вдоль трубчатой кости животного. Орудие сохраняет естественную поверхность. Рабочий край - прямоугольной формы, уплощен с обеих сторон и шлифован. Длина изделия - 13,4 см.

Стамеска - 1 экз. (погребение № 25). Орудие передает естественную форму кости. Рабочий край (прямоугольной формы) образован косым срезом. Длина изделия - 14,6 см.

Наконечники из кости - 2 экз. (погребение № 29; рис. 42 - 1, 2). Орудия ланцетовидной формы, овальные в сечении. Жала притуплены и выщерблены в процессе использования. Базы слегка закруглены. Размеры - 15,4 см и 12,6 см.

Острия - 11 экз. Из трубчатых костей птиц - 4 экз. (погребение № 19 - 1 экз., № 14 - 2 экз., № 43 - 1 экз.). Кости (видимо, палли) использовались без расщепления, образуя острие косым срезом. Поверхность орудий полностью шлифована. Длина варьирует от 19,7 см до 24,6 см (рис. 23 - 3; 21 - 2; 66 - 3). Из костей животных - 7 экз. (погребение № 25 - 3 экз., № 9 - 1 экз., № 14 - 1 экз., № 20 - 1 экз., № 29 - 1 экз.). Предварительно кости раскалывались вдоль,

затем заострялись и шлифовались по всей длине орудия. Размеры от 15 см до 24,5 (рис.33 - 4,5; 13 - 1; 20 - 2; 27 - 5).

Орнаментированное острие - 1 экз. (погребение № 43; рис.66 - 2). Выполнено из расколотой вдоль трубчатой кости животного. Эпифиз частично удален. Изделие орнаментировано зигзагом, состоящим из семи коротких параллельных линий. Узор распространяется на 1/2 поверхности предмета. Длина изделия - 19,4 см.

Игольник - 1 экз. (погребение № 29; рис.41 - 2). Изготовлен из трубчатой кости птицы, эпифиз сохранен с одной стороны. Длина - 12,3 см.

Иглы - 14 экз. (рис.71 - 3; 68 - 2; 61 - 4,5, 6; 60 - 2,3; 41 - 3; 27 - 6). Изделия в сечении округлые или слегка уплощенные; с овальным ушком - 9 экз. (погребение № 45 - 2 экз., № 29 - 1 экз., № 40 - 6 экз.), круглым - 2 экз. (погребение № 39). Некоторые иглы обломаны (погребения № 10, № 20, № 39). Размеры целых изделий от 4,2 см до 10,8 см.

Отжимники - 30 экз. (погребение № 25 - 9 экз., № 24 - 5 экз., № 45 - 3 экз., № 14 - 13 экз.). Изготовлены из рога марала (?). Орудия цилиндрической формы с закругленными концами. Рабочие края расположены полярно, несут следы сработанности. Сечение овальное, размеры варьируют от 6,2 см до 11,5 см (рис.33 - 7; 71 - 4; 15 - 2,3, 4,5).

Ложки - 4 экз. Стержни, в зависимости от изогнутости рога, прямые (погребение № 43), либо изогнутые (погребения № 14, № 19, № 45). По конструкции резервуара ложки делятся на:

а) с плоским резервуаром трапецевидной (погребения № 14, № 45) или прямоугольной (погребения № 19) формы, со слегка закругленными краями. Размеры ложек - от 10 см до 16,5 см (рис.71 - 2; 21 - 3; 25);

б) с овально-чашеобразным резервуаром (погребение № 43). Длина изделия - 31 см (рис.66 - 4).

Каменный инвентарь - 31 экз.

Наконечники из кремня - 6 экз. Обработка двусторонняя. По форме орудия подразделяется на: а) лавролистные - 3 экз. (погребения № 19, № 25; рис.24 - 1,2; 33 - 3). Край пера выпуклые, сужающиеся к острию. База - округлая. Поверхность изделий покрыта широкими длинными фасетками в конвергентном направлении. Острие подправлено плоской ретушью. Длина наконечника из погребения № 25 - 5,6 см, из погребения № 19 - 4,6 см;

б) изволистные - 3 экз. (погребения № 9, № 19, № 29). Край тела менее выпуклые, с четко выраженными точками жала и насада. Длина наконечника из погребения № 9 - 6,2 см, № 19 - 8 см, № 29 - 5,2 см (рис.13 - 3; 43 - 3).

Ножи из кремня - 5 экз. По количеству лезвий делятся на одно- и двулезвийные; по обработке лезвия на одно- и двусторонние.

Двулезвийный нож с двусторонней обработкой лезвия (погребение № 40; рис.60 - 3). Орудие удлиненное. Лезвия симметрично сходятся, образуя острие. Поверхность покрыта широкими и длинными фасетками. Лезвия подправлены разнофасеточной прерывистой ретушью. Длина - 4,6 см.

Однолезвийный нож с двусторонней обработкой (погребение № 20; рис.27 - 3). Изделие подтреугольной формы. Один рабочий край орудия - прямой, другой - выпуклый. Лезвия подработаны мелкой округлой ретушью. Длина изделия - 4,4 см.

Однолезвийный нож с двусторонней обработкой лезвия (погребение № 45; рис.68 - 5). Контур лезвия почти прямой. Поверхность изделия покрыта широкими длинными фасетками в конвергентном направлении. Рабочий край подправлен субпрямоугольной отжимной ретушью. Длина орудия - 4,8 см.

Однолезвийный нож (или вкладыш в обойму костяного орудия - ?) с двусторонней обработкой лезвия (погребение № 14; рис.18 - 3). Изготовлен на пластинчатом сколе. Дорсальный фас покрыт поперечной разнофасеточной ретушью без вторичной подправки лезвия. Вентральный фас оформлен округлой ретушью. Длина изделия - 3,7 см.

Обломок орудия (погребение № 20; рис.27 - 2). Лезвие тщательно подработано разнофасеточной ретушью. Морфологически изделие можно отнести к группе однолезвийных ножей с двусторонней подработкой лезвия. Длина орудия - 3,6 см.

Скребок из кремня - 1 экз. (погребение № 37; рис.53 - 2). Изготовлен на отщепе из серого кремня; лезвие - полукруглое, подправлено крупной ретушью. Длина скребка - 3,5 см.

Сверла - 2 экз. (погребения № 38, № 43). Форма ромбовидная, с треугольным насадом (погребения № 43; рис.66 - 6). Длина орудия - 2,4 см.

Форма треугольная, пропорции вытянуты (погребение № 38; рис.54 - II). База прямая. Длина изделия - 3 см.

Стержень составного рогового крючка из речной гальки (погребение № 33; рис.48 - 2). Форма удлинённая, расширяющаяся книзу. Нижняя закруглённая часть снабжена коническим отверстием, верхняя - нарезками для крепления лины. Сечение изделия почти овальное. Длина - 13 см, максимальный диаметр - 1,1 см.

Выпрямитель древка стрел (погребение № 29; рис.43 - 1). Изготовлен из красноватого песчаника. Состоит из двух половинок прямоугольной формы, с закруглёнными концами. В центре проходит полуовальный в сечении желобок, дно и стенки которого хорошо отполированы в процессе работы. Длина - 35,6 см.

Точильные бруски - 2 экз. (погребения № 14, № 29). Изготовлены из зеленоватого мелкозернистого сланца; отличаются друг от друга формой и размерами. Брусок из погребения № 14 - прямоугольной формы, один конец обломан. Длина орудия - 6,5 см (рис.18 - 4). Изделие из погребения № 29 в форме трапеции. Центральный участок орудия сточен с двух сторон (от частого употребления). Длина - 10 см (рис.43 - 2).

Изделия из нефрита

Ножи - 6 экз. Изделия разнообразны по конфигурации. Очевидно, вследствие ценности материала орудия изготовлялись из лых кусков нефрита, уделяли внимание лишь форме и заточке лезвия. У всех ножей контур лезвия почти прямой с чуть закруглёнными краями, сечение ножей - линзовидное. По способу заточки лезвия ножи подразделяются на дву- и односторонние.

Однолезвийные с односторонней заточкой лезвия - 2 экз. (погребения № 43, № 45; рис.66 - 5; 68 - 4).

Однолезвийные ножи с двусторонней заточкой лезвия - 4 экз. (погребение № 25 - I экз., № 19 - I экз., № 14 - 2 экз.; рис.33 - 6; 24 - 3; 19 - 4,6).

Топоры - 4 экз. (погребение № 25 - I экз., № 45 - I экз., № 14 - 2 экз.). Орудия с приостренным обухом и расширяющимся книзу корпусом. Лезвие, слегка овальное, обработано с двух сторон. Профиль орудия симметричный. Почти вся поверхность пришлифована. Длина орудий варьирует от 3,6 см до 4,4 см (рис.33 - 2; 68 - 3; 19 - 1,2).

Тесла - 3 экз. (погребения № 14, № 19, № 40). Пришлифовка поверхности орудия частичная. Лезвия обработаны с двух сторон. Профиль изделий асимметричный. По форме обуха и очертаниям лезвия тесла делятся на:

а) с приостренным обухом и выпуклым овальным лезвием - I экз. (погребение № 19; рис.23 - 2);

б) с широким прямоугольным обухом и слегка закруглённым лезвием - 2 экз. Длина тесла из погребения № 40 - 10,4 см, ширина лезвия - 3 см; из погребения № 14 соответственно 8,4 см и 5 см (рис.61 - 2; 19 - 3).

Отбойники из желваков нефрита - 2 экз. (погребения № 25, № 14). Длина одного - 12 см, второго - 7,5 см (рис.19 - 5).

Изделия из металла - 4 экз.

Кельт (погребение № 37; рис.51 - 6). Изготовлен способом литья из двух точно пригнанных форм. Корпус изделия расширяется книзу. Лезвие дополнительно расковано. Профиль орудия симметричный; сечение втулки - округлое, корпуса - овальное, со слегка выраженной шестигранностью. Втулка (частично обломанная) окаймлена нешироким (0,3 см) выпуклым ободком. Кельт двушковый (одно ушко обломано в древности). Ушки расположены на боковых гранях на некотором расстоянии от края втулки. Кельт орнаментирован выпуклыми линиями, представляющими композицию из двух горизонтальных поясков, расположенных на уровне ушек. От нижнего пояска спускается разделительный валик, который оканчивается наверху развилкой. Длина кельта - 10 см, ширина лезвия - 4,5 см, диаметр втулки - 3х3,5 см.

Обломки металлических изделий - 3 экз. (погребения № 10, № 33, № 36; рис.48 - 3; 50 - 4). Назначение предметов неопределимо; предположительно - фрагменты ножей. На обломке из погребения № 33 - односторонняя заточка лезвия.

Инвентарь из вторичного или расчлененного одиночного захоронения (№ 22)

Точильный брусок из зеленоватого мелкозернистого сланца (рис.30 - 4). Форма изделия трапецевидная. Центральная часть сильно сточена с двух сторон (следствие длительного употребления). Один конец утонченный, слегка закруглен, противоположный конец широкий, почти прямой. Длина изделия - 10 см.

Выпрямитель дрвва стрел (рис.30 - 3). Состоит из двух половинок прямоугольной формы; в центре - полуовальный желобок. Изготовлен из желто-серого песчаника. Длина - 19 см.

Наконечник стрелы из кремня иволостной формы (рис.30 - 2). Обработка бифациальная. Центральная часть тела сохраняет первичный контур, края покрыты разнофасеточной ретушью. Длина изделия - 4,4 см.

Скребок из лопатки крупного животного (рис.30 - 1) - аналогичный вышеописанным изделиям из погребения № 29. Длина - 20,2 см.

Инвентарь из вторичного или расчлененного коллективного захоронения (№ 2)

Наконечник копья из кости иволостной формы (рис.3 - 7). Насад уплощен с двух сторон, симметрично сужается к плавно закругленной базе. Длина изделия - 12,7 см.

Ножи - 3 экз. Изготовлены из кремня. Однолезвийные, с двусторонней обработкой лезвия. Отличаются между собой формой:

а) нож округлой конфигурации на крупной пластинчатом сколе. Лезвие подправлено прерывистой, округлой ретушью. Длина - 4,9 см (рис.4 - 4);

б) нож треугольных очертаний с вогнутой одной из сторон. Рабочее лезвие выпуклое, поверхности ножа покрыты длинными и широкими фасетками поперечной ретуши. Лезвие оформлено мелкими округлыми фасетками. Длина - 5,8 см (рис.4 - 1);

в) срудие трапецевидной формы с прямым рабочим лезвием, подправленным локальной разнофасеточной ретушью. Длина изделия - 6,2 см (рис.4 - 2).

Костяной кинжал. Изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости животного. Длина - 23,9 см (рис.3 - 2).

Игольники - 3 экз. Выполнены из трубчатых костей птиц. Два из них украшены орнаментом типа "гофр", поверх которого (на одном из них) - узор в виде зигзага из двух параллельных прямых; на другом - наклонные парные насечки. Размеры от 9 см до 21 см (рис.3 - 5,6,12).

Игли с круглыми ушками - 4 экз. Размеры от 4 см до 7 см (рис.3 - 8,9,10,11).

Острия из трубчатых костей животных - 3 экз. Эпифизы у орудий частично удалены. Длина одного орудия - 12 см, другого - 14 см (рис.3 - 3,4).

Стержень составного рыболовного крючка так называемого "байкальского типа" (рис.4 - 3). Стержень плавно сужается к концам, на одном из которых расположен ромбовидный выступ для крепления дуги. Длина - 2,4 см.

Инвентарь из захоронения с горизонтальным труположением, вытянутым на спине (№ 26)

Наконечники стрел из кремня - 3 экз. Форма - треугольная, база - прямая.

Наконечник с симметричными, слегка выпуклыми сторонами. Поверхность орудия оформлена длинными, узкими фасетками поперечной ретуши; база подработана более мелкими и округлыми сколами. Длина - 2,5 см (рис.37 - 3).

Наконечник аналогичен вышеописанному, отличается отсутствием фасеток на центральной части одной из сторон. Длина - 3,5 см (рис.37 - 2).

Наконечник с более выпуклыми сторонами, база уплощена. Длина - 2,4 см (рис.37 - 4).

Инвентарь из захоронения с горизонтальным труположением, вытянутым на спине, и последующим частичным сожжением (№ 28)

Нож из сланца прямоугольной формы (рис.40 - 21); одна из длинных сторон, тщательно пришлифованная, выполняла роль рабочего лезвия, подработанного с двух сторон. Вторая - оформлена разнофасеточной ретушью. Поверхность орудия отполирована. Длина изделия - 8,4 см.

Игольник из трубчатой кости со срезанными эпифизами. Длина - 9,2 см (рис.40 - 6).

Игла из кости. Слегка уплощена, ушко овальное, длина - 5,1 см (рис.40 - 4).

Инвентарь из захоронения с горизонтальным
трупоположением, вытянутым на спине (№ I)

Гладкостенный сосуд сферической закрытой формы с отогнутым наружу венчиком (рис.2 - 2). Верхняя поверхность венчика украшена наклонными насечками. Тулово орнаментировано рядом пальцевых зацепов. Высота сосуда - 14,5 см, диаметр венчика - 13,5 см, максимальный диаметр - 16,5 см.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

Одной из ярких черт могильника Шумилиха является большой набор разнообразных предметов искусства и украшений, образующих комплекс произведений художественного творчества.

У к р а ш е н и я. По материалу изготовления все украшения могильника делятся на три группы: из клыков и костей животных; из камня (нефрит, мрамор, пиррофиллит); из металла.

Преобладающее место (82%) принадлежит изделиям из кости. Украшения из камня составляют 15%, из металла - 3% (от общего числа найденных украшений).

Украшения из сидячих погребений

Подвески из клыков марала (погребения № 5, № 20, № 24, № 32, № 37, № 38, № 41). Бусины из атрофированных клыков благородного оленя с биконически просверленными отверстиями в узком конце (исключение составляют подвески без отверстий из погребения № 41). Вероятно, подвески представляли собой ожерелья либо пришивались к одежде.

Аналогичная подвеска обнаружена в размытом погребении № 8.

Украшения из клыков-кабана (погребения № 37, № 32, № 19; рис.53 - 3; 46 - 10; 24 - 4) представлены тремя экземплярами. Изготовлены из распиленных вдоль клыков, на концах которых располагались отверстия (два - на расширенном, одно - на узком конце). Данные предметы обычно служили украшением в виде диадемы либо пришивались к одежде (Окладников, 1955).

Эллипсоидная бусинка из кости (погребение № 25; рис.34 - 2) - плоская с круглым биконическим отверстием. Диаметр бусинки 0,6х0,3 см. Украшение, видимо, пришивалось к одежде.

Кольца из нефрита представлены семью экземплярами (погребения № 37, № 7, № 20, № 41, № 9; рис.53 - 1; 8 - 1,2; 27 - 7,8; 62 - 2; 9 - 5). Украшения изготовлены из светлого, почти белого нефрита. Диаметр колец от 2,9 до 8 см. Отверстия биконические. В сечении - шестигранные.

Подобные нефритовые изделия найдены в размытых погребениях № 8, № 35 (рис.8 - 5; 50 - 3).

Диски из нефрита - 4 экз. (погребение № 9 - 3 экз., № 41 - 1 экз.; рис.9 - 2,3,4; 62 - 3) овальной формы, с биконическими отверстиями. Диаметр дисков от 2,5 до 3,3 см.

Наряду с нефритовыми изделиями в сидячих погребениях могильника Шумилиха обнаружены подобные украшения из мрамора, которые, очевидно, вследствие дефицита полудрагоценного камня, заменяли нефрит. Обнаружено одно кольцо и два диска (погребение № 32). Диаметр кольца - 0,7 см; диаметры дисков - 2,9 см. Отверстия биконические, расположены несколько эксцентрично (рис.46 - 2,3,4).

Браслеты из металла - 2 экз. (погребения № 25, № 31; рис.34 - 3; 45 - 3) - в форме овала, концы незамкнутые. Украшения покрыты темно-зеленой патиной. Изготовлены способомковки. В сечении браслеты - четырехгранные (толщ.0,4 см). Диаметры браслетов - 3,5 и 3,3 см. Малый размер диаметров позволяет предположить, что они служили не как обычные браслеты, а в качестве украшений головного убора или одежды (Окладников, 1955).

Трубочки из металла (погребения № 32, № 36). Изготовлены из тонких листков способомковки (в месте соединения концов сохранился шов). Украшение из погребения № 36 напоминало по форме усеченный, сильно удлиненный конус; в сечении - неправильная окружность. Диаметр одного конца - 1,2 см, другого - 0,8 см. Длина изделия - 9 см (рис.50 - 5). Трубочка из погребения № 32 - в виде цилиндра, диаметр которого на концах меньше, чем в середине (рис.46 - II). Функциональное назначение предметов определить трудно. Трубочки могли служить в качестве украшения на одежду (как подвески, широко распространенные у северных народов), игольника (Хороших, 1957) либо футляра для хранения амулетов (Окладников, 1955).

Украшения из погребения с горизонтальным трупоположением,
вытянутым на спине, с частичным сожжением (№ 28)

Подвески из костяных пластин - 10 экз. (рис.40 - 3). Плоские, щитовидной формы. На внутренней поверхности сохранилось губчатое вещество. В верхней широкой части подвесок - отверстие. Вследствие хрупкости подвески, вероятнее всего, пришивались к одежде.

Пастовые бусины — 2 экз. (рис. 40 - 5). Цилиндрической формы, диаметром 0,2-0,3 см. Ширина бусинок — 0,1-0,2 см. На внешней поверхности видны следы продольных граней. В изломе имеет мелкокомковатую структуру. Основа, на которую они были нанизаны, распалась, поэтому восстановить первоначальное расположение бусинок невозможно.

Украшения из погребения с горизонтальным труположением (№ 27)

и во вторичных (№ 2, № 22)

Подвески из клыков марала с биконическим отверстием — 7 экз. (рис. 39 - 3, 4, 5; 4 - 5, 6). В погребении № 27 обнаружена плоская круглая бусина из кости (рис. 39 - 2).

Скульптура малых форм представлена 13 экземплярами из шести погребений и одним — из размытого захоронения (подъемный материал). Все изображения (за исключением трех фигурок медведя, обнаруженных в погребении № 22 с расчлененным труположением) найдены в сидячих мужских захоронениях.

По сюжету скульптуры делятся на антропоморфные и зооморфные.

Группа антропоморфных фигур представлена четырьмя экземплярами, которые по трактовке образа делятся на две подгруппы: фигура в полный рост, в фас — 3; изображение лица (маска) — 1.

1. Скульптура (погребение № 24; рис. 32 - 2). Фронтальное, плоскостное изображение человека в полный рост, без рук. Фигура изготовлена из кости; в сечении — треугольная (с внутренней стороны — плоская, с внешней — выпуклая). Наибольшая выпуклость приходится на медиальную линию, разделяющую скульптуру на правую и левую половины. Голова — в форме овала, занимает 1/3 длины всей скульптуры. Лицо передано схематично. Поверхности шеи западают (образованы срезами). Округлые надбровные дуги переходят в прямой нос. Губ несколько выдается над плоскостью лица. Глаза и рот переданы круглыми ямками. Голова отделена от туловища двумя неглубокими выемками, видимо, изображавшими шею. Плечи покатые. Продолговатое, сужающееся книзу туловище и плоские ноги, отделенные друг от друга параболической выемкой, оформлены по бокам мелкими вырезами в виде зубчиков (по 30 — с каждой стороны). В районе плеч — биконические отверстия, видимо, для подвешивания. Туловище в районе груди, пояса и бедер украшено наклонными насечками в виде елочек, сходящимися под определенным углом на медиальную линию. Орнамент на груди отличается большей плотностью. Ноги оформлены аналогичными насечками, нанесенными горизонтально. Длина скульптуры — 8,2 см, ширина в районе плеч — 2 см.

2. Скульптура (погребение № 38; рис. 58). Фронтальное, объемное изображение женщины в полный рост. Изделие полностью передает конфигурацию рога, из которого оно изготовлено. Обработка двусторонняя. Голова занимает 1/5 часть всей длины скульптуры, имеет форму овала. В изображении лица четко моделированы широкие скулы и острый подбородок. Поверхности шеи и рта западают, глаза и рот не обозначены. Округлые надбровные дуги переходят в прямой удлиненный нос. Плечи отсутствуют. Туловище изогнуто, образует с правой стороны резкую выпуклость. Ниже передана женская половая принадлежность. Руки у скульптуры отсутствуют. Прямые объемные ноги отделены друг от друга параболической выемкой. Длина фигуры 20,5 см, ширина в районе предполагаемых плеч — 3,6 см.

3. Скульптура (из размытого погребения; рис. 72). Фронтальное изображение человека в полный рост, без рук. Голова обломана. Фигура объемная; обработка рога, из которого изготовлена скульптура, — двусторонняя. Внешняя поверхность сохраняет естественную выпуклость. Тильная сторона изделия пришлифована в районе спины и талии. Форма таза передана схематично. Туловище продолговатое, сужается книзу. Плечи покатые, несколько выдаются над остальной поверхностью туловища. Часть левого плеча (с тыльной стороны) обломана. В районе правого плеча — сквозное биконическое отверстие. Схематично передана грудь, живот, женская половая принадлежность. Данные части подчеркнуты рельефом. Плоскость ромбического живота несколько вдавлена по отношению к груди. Ноги прямые. Отделены друг от друга параболической выемкой; концы ног обломаны (левая на 1,3 см короче правой). Длина скульптуры 14,9 см, ширина в районе плеч — 6,3 см.

На груди в 0,9 см от правого плеча — барельефное зооморфное профильное (повернутое левой стороной) изображение в полный рост. Голова зверя отслесилась, поэтому определить вид животного затруднительно. По общей конфигурации изображения (характерный наклон головы, выпуклость живота и спины) вероятнее предположить медведя.

Изображение антропоморфного лица — маски (погребение № 38; рис. 59). Изготовлено из крупного позвонка животного. Лицо в форме овала (подбородок несколько приострен). Рельефные надбровные дуги переходят в узкий нос, заканчивающийся прямым поперечным срезом, вскрывающим губчатую поверхность позвонка. Срез образует так называемый носо-губной треугольник, на котором вырезан

рот в виде трапецевидного углубления. Естественная форма позвонка передает впалые щеки. Глаза показаны круглыми вдавлениями; в районе предполагаемых ушей - сквозные круглые отверстия. Третье отверстие находится на небольшом выступе, вырезанном с противоположной стороны скульптуры (как бы на затылке). Высота лица - II см, ширина в районе расположения глаз (наибольшая) - 9,5 см.

Группа зооморфных фигур по сюжету делится на подгруппы: изображение лося - I; изображение медведя - 4; изображение змеи - I; изображение рыб - 4.

Стилизованное изображение лося (погребение № 38; рис.57) изготовлено из бедренной кости сибирского носорога (головка кости удалена). Скульптура полая. Морда животного несколько удлинена, выпуклая верхняя губа плавно переходит в лоб. Уши отсутствуют. Рот раскрыт. Ноздри переданы глубокими срезами, глаза - в виде маленьких сужающихся отверстий (диаметр - 0,8 см). Длина скульптуры - 29 см, ширина в районе глаз животного - 9,5 см, высота (сохранившейся части эпифиза) - 3,5 см.

Скульптурное изображение лося крупных размеров встречено в Прибайкалье впервые. Для данной территории характерны небольшие фигурки головок лося из кости и рога. Крупный размер, полость фигуры из погребения № 38 позволяет предположить ее использование в качестве наконечника жезла.

Скульптурное изображение медведя

I-3. Скульптуры (погребение № 22; рис.31). Фигуры выполнены в одной манере. Стилизованные, профильные изображения медведей в полный рост из ветвей челюсти козы (?). Моделированы самые существенные черты головы: характерный выпуклый лоб, длинная и тупая передняя часть морды. Уши переданы небольшим выступом, рот и глаза не обозначены. На выпуклой спине животных - отверстия для подвешивания. Длина скульптуры № 2 - 7 см, высота - 2,8 см; длина скульптуры № 3 - 7,3 см, высота - 2 см; скульптуры № 4 - 4,7 см и 2,3 см соответственно. По сюжету, трактовке образа и используемому поделочному материалу скульптуры медведей из погребения № 24 и № 22 аналогичны.

4. Скульптура (погребение № 24; рис.32 - 3). Стилизованное, профильное изображение медведя в полный рост. Выполнено из плоской кости (вероятно, из ветвей нижней челюсти животного). Морда несколько удлинена (конец ее обломан), уши переданы выступом. Глаза и рот не обозначены. Четко переданы характерные черты: выпуклая спина и наклон головы. В районе живота - отверстие для подвешивания. Длина изображения - 4 см, высота - 1,4 см.

Изображение змеи (погребение № 38; рис.54-12)

Фронтальное, выпуклое изображение на костяном стерженьке. Широкая полукруглая голова отделена от узкого прямого туловища полукруглыми вырезами. Глаза, находящиеся в разных плоскостях, обозначены круглыми ямками. Конец туловища обломан. Длина скульптуры - 8,2 см, ширина - 0,8 см.

Скульптурные изображения рыб

Налицообразные (погребения № 14, № 29, № 45).

1. Скульптура (погребение № 14; рис.18 - 2). Рыбка каплевидной формы с большой стилизацией образа. Голова приостренная. Спинка выпуклая. Хвост веретенообразный. В районе жабер, хвоста и спинного плавника - биконические отверстия. Длина скульптуры - 8,9 см, ширина в районе жабер - 3 см.

2. Скульптура (погребение № 29; рис.44 - I). По технике исполнения и трактовке образа аналогична вышеописанным рыбкам, отличается только размерами. Длина фигуры 31,5 см, ширина в районе жабер - 9,3 см.

3. Скульптура (погребение № 45; рис.71 - I). Стилизованная фигура каплевидной формы. Голова широкая, закругленная, слегка сужается к концу. Хвост веретенообразный. Рот и глаза переданы схематично. В районе жабер и хвоста - биконические отверстия. Две пары подобных отверстий - на месте спинного плавника. Длина изделия - 25 см, ширина в районе жабер - 8 см.

Хариусообразное скульптурное изображение (погребение № 14; рис.18 - I). Рыбка отличается большой стилизацией образа, передачей лишь общих рыбообразных очертаний. Форма обтекаемая, удлинённых пропорций. На месте жабер, хвоста и спины - сквозные отверстия. В головной части - круглое отверстие диаметром 0,6 см. По линии спинного плавника, на животе и по бокам проходит ряд мелких углублений, очевидно, декоративного назначения. Длина скульптуры - 10,2 см, ширина в районе предполагаемых жабер - 2,8 см.

Изображение хариусообразной рыбы встречено в Прибайкалье впервые и является уникальным. Наличие большого отверстия в головной части этой скульптуры позволяет говорить о выполнении данным изображением, помимо культового назначения, функции рыбки-приманки и стержня составного рыболовного крючка.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНОЛОГИЯ И ДАТИРОВКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Определение времени существования могильника Шумилиха имеет особое значение, поскольку это новый и своеобразный памятник, включавший в себя комплексы погребений с различными способами и деталями захоронения. Поэтому, при анализе всей суммы фактов, полученных в результате раскопок, и, в особенности, состава сопровождающего инвентаря, необходимо сравнение внутри каждой выделенной группы, а также и с ранее известными погребальными комплексами Прибайкалья.

Комплекс сидячих захоронений

В первую очередь обращает на себя внимание наличие в погребальных комплексах изделий из металла (меди) и белого нефрита, не встречаемых в других группах могильника Шумилиха. Приведенные данные, согласуясь между собой, указывают на эпоху металла (энеолит-бронза) как на время, в пределах которого лежит вероятная дата исследуемых могил. Однако, слабая и неравномерная изученность эпохи палеометалла на территории Прибайкалья ограничивает наши возможности при сопоставлении погребальных комплексов. Помимо могильника Шумилиха в литературе по Прибайкалью известно шесть погребений с трупомещением сидя, в скорченной позе (Ленковка - погребение № 3, Пономарево - № 14, пады Частые - № 2, Обхой - № 13, Усть-Белая - № 1, 2) (Окладников, 1974, 1975).

Анализ сопровождающего инвентаря из захоронений с сидячим трупомещением позволяет прийти к выводу, что по субстрату, номенклатурному набору, форме и технике обработки орудия из могильника Шумилиха аналогичны глазковским памятникам Прибайкалья. Это прежде всего наблюдается в орудиях рыбной ловли: гарпуны из могильника Шумилиха подобны орудиям из могильников Семеново - погребение № 8, Нохой - № 4, пады Глубокая - № 1 (Окладников, 1975, табл. 31, 84, 73); цельнорезный крючок - находке из Верхне-Середкино - погребение № 2 (Окладников, 1975, табл. 102 - 3), а стерженьку составного рыболовного крючка соответствует орудие из Семеново - погребение № 8 (Окладников, 1975, табл. 22 - 4). Найденные в могильнике Шумилиха нефритовые ножи сходны с ножами в Усть-Уде - погребения № 6, № 7 (Окладников, 1975, табл. 141 - 5; 143 - 1), топорами и теслами из пады Нохой - погребение № 3, Святая - № 1 и Усть-Уды - № 7 (Окладников, 1975, табл. 68 - 2, 8; 141 - 7), лавролистными наконечниками из Усть-Уды - погребение № 7 (Окладников, 1975, табл. 143 - 3) и Ленковки - № 1 (Окладников, 1975, табл. 159; 160).

Таким образом, сравнение каменного, костяного и металлического инвентаря комплексов сидячих захоронений могильника Шумилиха с глазковскими памятниками показывает их сходство. Различия заключаются в уменьшении размеров шумилихинских изделий (в 1,5-2 раза) в сравнении с энеолитическими.

В скульптуре малых форм сохраняется обычный для энеолита сюжет и мотив. Некоторые изменения наблюдаются в трактовке образа. Для антропоморфных скульптур - имитация одежды (погребение № 24), выделение половых признаков (погребение № 28). Для зооморфной скульптуры - большая стилизация образа и появление новых сюжетов (изображение медведя - погребение № 24, змея - № 26).

В комплексе сидячих погребений впервые в Прибайкалье найден бронзовый кельт (погребение № 37 - Шумилиха). Нехарактерны находки бронзовых топоров и кельтов и для других типов захоронений энеолитического времени на территории юга Средней Сибири и сопредельных районов. Данный предмет по его морфологическим признакам находит ближайшие аналогии в памятниках сейминско-турбинской культуры, датируемой IX-VIII вв. до н.э. (Косарев, 1963). По форме орнамента и наличию валика вокруг втулки кельт из Шумилихи близок к поясковым кельтам карасукского времени - второму типу по классификации М.П.Грязнова (1941), что также дает основание для датировки нашего кельта IX-VIII вв. до н.э.

Вышеизложенные особенности - необычный способ помещения покойного в могильную яму, появление втульчатых орудий и новых сюжетов в изобразительном искусстве - позволяют выделить захоронения с сидячим трупомещением из комплекса энеолитических погребений и датировать их IX-VIII вв. до н.э.

Комплексы вторичных или расчлененных захоронений (№ 22 и № 4)

Инвентарь из погребения № 22 по номенклатурному набору, технике обработки, форме орудий, сюжету и манере исполнения зооморфной скульптуры аналогичен сопровождаемому материалу комплексов сидячих захоронений (№ 24, № 29). Поэтому данное погребение мы склонны отнести к группе сидячих

и датировать тем же временем. Говорить о возрасте погребения № 4 крайне затруднительно из-за отсутствия в последнем сопровождающего инвентаря.

Комплекс вторичного или расчлененного
коллективного захоронения (№ 2)

Инвентарь захоронения своеобразен. Костяной кинжал, наконечник из кости, иглы, подвески из клыков марала находят аналогии в инвентаре сидячих погребений. Кремневый ретушированный нож подтреугольной формы близок ножам из исаковских и серовских погребений на Ангаре и Байкале (Окладников, 1950, 1974, 1975; Базалийский, Свинин и др., 1978). Каменный стержень рыболовного крючка "байкальского типа" встречается в комплексах многослойных поселений от финального мезолита до энеолита (Хлобистин, 1964; Медведев, 1971; Свинин, 1966). Костяные игольники с "гофрированным" орнаментом сходны с таким-же "гофрированным" игольником из Шиверского погребения № 1 на Ангаре (Окладников, 1975, с.123, табл.115 - 3). Зигзагообразный ("змеинный") орнамент на одном из "гофрированных" игольников в погребении № 2 можно сопоставить с зигзагообразным орнаментом на бронзовом изображении "змея" из Шиверского погребения № 5 (Окладников, 1975, с.126, рис. 35). Таким образом, данное погребение мы также можем датировать шиверским временем (т.е. развитой бронзой) и считать одновременным группе сидячих погребений.

Остатки кострища, разведенного над погребением, относятся к более позднему времени и непосредственно с данным погребением не связаны. Они датируются 768±100 г.н.э. (R1-71), т.е. средневековьем, когда на Ангаре и Байкале были распространены хорошо изученные древнебурятские захоронения (Окладников, 1937; Хороших, 1924; Казанцев, Хороших, 1929, 1962; Седякина, 1965; Саркисов, Свинин, 1978).

Комплексы захоронений с труположением
вытянутым на спине (погребения № 12, № 26, № 27)

Подобный способ погребения принадлежит к наиболее распространенному в Прибайкалье. По форме наконечников стрел, имеющих аналогии в ангарских энеолитических погребениях - Нохой, № 4, Усть-Уда, № 6 (Окладников, 1975, табл.71 - I; I31) - данные погребения можно отнести к глазковскому (или более позднему) времени.

Погребение с горизонтальным положением костяка,
вытянутым на спине, и с последующим частичным
сожжением (№ 28)

Подобный обряд фиксируется в Прибайкалье в позднеглазковское время (Окладников, 1955), что позволяет ориентировочно принять данную дату для захоронения № 28.

Комплекс погребения с горизонтальным положением
костяка, вытянутым на спине и покрытым берестой
(№ 1)

Погребальные комплексы с такой деталью захоронения встречены в низовьях р.Селенги (Окладников, 1950а) и на острове Ольхон (Грязнов, 1959; Конопацкий, 1973) и датируется неолитом - шиверским периодом. Наиболее поздние погребения в берестяной обертке-пакете отмечены у курьян (Свинин, 1970, 1974; Свинин и др., 1978, 1980). Обнаруженный в захоронении сосуд по композиции, элементам и технике нанесения орнамента аналогичен керамике I культурного горизонта многослойного поселения Улан-Удла, датируемой шиверским периодом (Хлобистин, 1964).

Погребение с горизонтальным положением костяка,
вытянутым на спине и с полной засыпкой охрой (№ 42)

Подобный обряд, а именно полная засыпка костяка охрой, характерен для китойских комплексов Прибайкалья, однако, встречается также и в более ранних серовских, и в более поздних погребениях энеолита и эпохи бронзы. Отсутствие сопровождающего инвентаря в погребении № 42 затрудняет более точную его датировку.

В заключение следует остановиться на вопросе о культурной преемственности населения, оставившего шесть групп погребений на могильнике Шумиха. Как видно из изложенного выше, они практически укладываются в хронологические рамки ранней - развитой бронзы и, видимо, не имели значительного хронологического разрыва. В то же время отмечаются различия в важнейших чертах матери-

альной и духовной культуры данных групп погребений: форма могильной ямы, помещение погребенного, его ориентация, детали захоронения, набор и, поров, типология инвентаря.

Прежде всего отчетливо вырисовывается весьма своеобразный археологический комплекс, представленный погребениями с сидячим трупомещением. Данная группа погребений характеризуется сочетанием традиционных, раннебронзовых типов сопровождающего инвентаря с новыми способами захоронения — трупомещение сидя, в скорченной позе и вторичные. Первый способ захоронения, очевидно, являлся общим для всего населения, независимо от полово-возрастных различий. Наличие расчлененного (вторичного) захоронения, вероятно, необходимо объяснить особым положением в обществе, занимаемым погребенным при жизни, условиями или обстоятельствами смерти. Интересно отметить присутствие в могиле с расчлененным костяком зооморфных скульптур.

Известно, что погребальный обряд наиболее устойчив и консервативен, поэтому появление новых способов и деталей захоронения обычно связывают с проникновением на данную территорию нового населения, либо с контактными влияниями извне. Говорить о прямом вторжении в I тысячелетие до н.э. на территории Прибайкалья пришлого населения не представляется возможным, так как в инвентаре сидячих захоронений явно прослеживаются генетические связи с глазковскими комплексами Прибайкальского энеолита (ранней бронзы). Вероятнее предположить некоторые влияния извне, надолжившие отпечаток на духовные представления данного населения. Воздействием извне следует, видимо, объяснить появление в комплексе кельта карасукского типа и новых сюжетов изобразительного творчества, широко распространенных в Западной Сибири.

Различия в погребальных обрядах, особенностях захоронений и сопровождающем материале в комплексе сидячих погребений и могилы № 2 позволяет говорить о локальных особенностях развития культуры в развитом бронзовом веке Прибайкалья, генетически связанной с глазковской культурой. В этом плане несколько выделяется захоронение № 1, сопровождающий инвентарь и обряд которого не находит прямых аналогий в погребальных комплексах энеолита Прибайкалья.

Дальнейшие исследования в этой области помогут найти достоверные ответы на поставленные вопросы и тем самым прольют свет на древнюю историю Прибайкалья бронзового века, данные о котором до сих пор фрагментарны.

Н.Ф.Сергеева

К ХИМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕТАЛЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА ШУМИЛИХА

Характерной чертой бронзовых культур Прибайкалья является не только их слабая изученность, но и скудность документированных "закрытых" комплексов. Поэтому трудно преувеличить значение металлических изделий, найденных в погребениях на Шумилихе. Весьма интересен кельт, по форме имеющий аналогии в сейминско-турбинских (Косарев, 1963) и карасукских бронзах (Грязнов, 1941; Горюнов, 1975). В разных погребениях найдены два браслета. Остальные находки, в виду их фрагментарности, не могут быть охарактеризованы с очевидной определенностью.

Привлекая спектро-химическое исследование металла, мы стремились расширить сведения о данном памятнике. Методом полного спектрального анализа был установлен химический состав найденных металлических изделий, который показан в таблице.

Все изученные предметы можно отнести к одной из пяти химических групп, выделенных на территории Прибайкалья, а именно — Присаянья (Сергеева, 1974, 1961). Геохимическая характеристика этого меденосного района отличается широким набором микропримесей с повышенным содержанием таких легирующих элементов как олово, мышьяк, сурьма и свинец (Наркелли, 1972). Весь этот комплекс микропримесей с характерными для него пропорциональными отношениями содержания элементов мы находим в металле. Для шумилихинского металла, также как и для всего исследованного прибайкальского металла, характерно отсутствие примесей кобальта, титана, цинка и частично золота (в отличие от минусинского и забайкальского металлов).

Металлургически рассматриваемый металл не однороден. Можно выделить оловянистую и мышьяковистую бронзу, также "чисто" медную группу.

Игольник (508) из погребения № 36 и "нож" (512) выполнены из оловянистой бронзы. "Нож" (513) и браслет (511) — из мышьяковистой меди. Остальные изделия изготовлены из "чистой" меди, в том числе и кельт, который анализировался дважды. Интересно отметить, что медные изделия Шумилихинского могильника химически близки глазковским листовидным ножам. Медный кельт отличается от сейминско-турбинских повышенным содержанием свинца (0,5%), а от карасукских также и набором микропримесей (Черных, 1970).

Т а б л и ц а
Химическая характеристика металла из погребений Шумилихи

Лабо- ратор- ный номер	Наимено- вание пред- мета	Х и м и ч е с к и е э л е м е н т ы											
		Cu	Sb	Sn	Pb	Co	Au	As	Bi	Ni	Ti	Ag	Zn
508	Игольник	основной	0,018	1,5	0,29	-	-	0,2	0,004	0,0025	-	0,057	-
509	Обломок изделия	- " -	0,022	0,022	-	-	-	0,17	0,0079	0,0048	-	0,019	-
510	Кельт	- " -	0,026	-	0,54	-	0,00015	0,25	0,0093	0,015	-	0,057	-
511	Браслет	- " -	0,14	0,2	0,95	-	-	1,0	0,03	0,021	-	0,3	-
512	Нож (?)	- " -	0,079	0,91	0,01	-	0,00023	0,4	0,0057	0,1	-	0,057	-
513	Нож (?)	- " -	0,56	-	0,029	-	-	1,1	0,035	0,055	-	0,016	-
514	Браслет	- " -	0,055	0,5	0,018	-	0,0021	0,11	0,0022	0,014	-	0,036	-
568	Трубочка	- " -	0,031	0,014	0,16	-	0,00017	0,15	0,055	0,031	-	0,014	-

Исследуемый металл вписывается в металлургические группы, выделенные на территории Предбайкалья. Не оставляет сомнения местное производство найденных изделий на базе самородной меди и зон халькозино-борнитового оруденения в медистых песчаниках Иркутского амфитеатра.

И. Н. Иванов

САУНА ПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ ИЗ МОГИЛЬНИКА ШУМИЛИХА

Описываемые ниже остатки млекопитающих и других позвоночных животных, найденные при раскопках названного могильника, представлены главным образом различными изделиями человека, и лишь незначительная часть костей находится в естественном виде. Вполне понятно, что такое состояние останков животных значительно затрудняет определение их видового состава. Представителем наиболее древнего вида млекопитающих являются остатки сибирского шерстистого носорога, остальные кости представляют современные виды позвоночных и, по-видимому, домашних животных, в систематическому описанию которых мы переходим (по Бобринскому и др., 1944).

Д р е в н и е в и д ы

Отряд: Perissodactyla. Непарнопалые.
Семейство: Rhinocerotidae, Owen, 1845.
Подсемейство: Dicerorhinae, Simpson, 1945.
Род: Coelodonta, Bronn, 1831. Целодонта.
Coelodonta antiquitatis Blum, 1807.

Погребение № 28. Тело большой берцовой кости ископаемого сибирского шерстистого носорога. Дистальный конец кости путем обработки превращен в морду лося (рис. 57), в верхней части просверлены отверстия, по-видимому, изображавшие глаза. В этом же погребении найдена и вторая кость носорога — нижняя часть шейного позвонка, из которой изготовлено антропоморфное изображение (рис. 59). Несомненно, что обе кости этого вымершего в конце плейстоцена животного были найдены человеком более поздней эпохи на поверхности земли, скорее всего на речном бичевнике, и использованы для своих нужд. О древности обеих костей свидетельствуют их тяжелый вес и полная фоссилизация. В Иркутской области это уже не первый случай использования человеком более поздних эпох костей вымерших млекопитающих. Три подобных случая описаны П. П. Хороших (1967). Названный автор считал, что кости использовались человеком неолитического времени.

С о в р е м е н н ы е в и д ы

Класс: Pisces (рыбы)

Погребение № 32. Фрагментарные обломки черепных костей рыбы, не поддающиеся определению.

Класс: Aves (птицы)

Погребения № 19, № 2, № 43, № 14, № 28, № 29, № 6, № 12. Игольники и остря-проколки (рис. 23 - 3; 5 - 5.6, 12; 66 - 3; 21 - 2; 40 - 6; 41 - 2; 7 - 3, 4; 14 - 3), изготовленные из трубчатых костей птиц крупного размера (цапли или журавля). Игольники покрыты гофрированным орнаментом, а проколки в значительной степени срезаны вдоль всей поверхности кости и заостре-

ны с одного конца; эти обстоятельства затрудняют определение вида птиц.

Отряд: Carnivora. Хищные.

Подсемейство: Caninae, Gill. 1872.

Род: Canis, Linnaeus, 1758.

Canis sp.

Погребение № 32. Второй метакарп собакообразного. Размеры кости (в мм): полная длина - 101,5; ширина верхнего конца - 10; поперечник его же - 19; ширина нижнего конца - 13,7; поперечник его - 12,5; ширина диафиза - 8,9. Судя по размерам, кость принадлежала крупной собаке, по-видимому, домашней.

Род: Vulpes Frisch, 1775. Лисицы.

Vulpes vulpes, Linnaeus. Лисица.

Погребение № 45. Нижняя челюсть с полным рядом зубов. По своим размерам и пропорциям (табл. I) челюсть значительно меньше, чем у волка, но превышает размеры современного корсака и мелких домашних собак. От енотовидной собаки отличается присутствием M_3 и более плавным перегибом заднего отдела челюсти. Кроме того, у енотовидной собаки зубы более сближены между собой и часто заходят друг за друга. У обыкновенной лисицы зубы расположены более разряженно. Больше всего сходства у рассматриваемого экземпляра в размерах и строении - с современной лисицей, а несколько меньшие размеры и нестертые зубы свидетельствуют о его принадлежности к молодым особям.

Семейство: Ursidae Gray, 1825.

Род: Ursus Linnaeus, 1758.

Ursus arctos Linnaeus, 1758.

Погребение № 32. Метакарпальные, метатарсальные кости и фаланги бурого медведя несколько крупнее, чем у современного. Размеры костей показаны в табл. 2 и 3.

Описываемые кости медведя принадлежали не менее, чем двум особям, одна из которых относилась к молодому медведю.

Семейство: Felidae Gray, 1821. Кошачьи.

Род: Felis Linnaeus, 1758. Кошки.

Linx Linx Linnaeus, 1758. Рысь.

Погребение № 14. Две подвески из третьих (коготных) фаланг пальцев рыси. Кости субфоссиального типа.

Отряд: Perissodactyla (Непарнопалые).

Семейство: Equidae Gray, 1821. Лошадные.

Род: Equus Linnaeus, 1758. Лошади.

Equus caballus Linn., 1758.

Погребение № 14. Слабостертый нижний зуб (P_3 или P_4). Размеры коронки зуба: длина 34 мм, ширина 16 мм. Свежесть кости и слабая ее фоссилизация дают возможность считать, что зуб принадлежал домашней лошади.

Отряд: Artiodactyla (Парнопалые).

Семейство: Suidae, 1821. Свиные.

Род: Sus Linnaeus, 1758. Свиньи.

Sus scrofa Linn., 1758.

Погребения № 37, № 19, № 32. Расщепленные клыки дикого кабана современного типа (рис. 5 - 4; 24 - 4; 46 - 10; 53 - 3).

Подотряд: Ruminantia, Жвачные.

Подсемейство: Cervinae Baird, 1875. Настоящие олени.

Род: Cervus Linnaeus, 1758.

Cervus elaphus L., 1758.

Погребения № 24, № 27, № 37, № 20, № 2, № 5, № 41, № 38, № 32, № 22, № 8. Молочные зубы благородного оленя современного типа (рис. 4 - 5, 6; 6 - 3-5; 8 - 3; 27 - 4; 32 - 4; 39 - 3, 4, 5; 46 - 5-9; 51 - 2-5; 54 - 2-3, 10; 62 - 4, 5).

Род: Alces Gray, 1821.

Alces alces Linn., 1758.

Погребение № 2. Острия-шила, изготовленные из боковых метаподий лося (рис. 3 - 3, 4).

Кроме того, имеются изделия, по-видимому, из лопаток домашнего быка (погребения № 22, № 25; рис. 30 - 1; 41 - 4, 5) и подвески, изготовленные из восходящих ветвей нижней челюсти до-

Т а б л и ц а I

Нижние челюсти собакообразных

Промеры, мм	Лисица Погресене №45 Шумилиха	Волк. Иркутский університет	Лисица Иркутский противочумный ин-т	Корсак, Домашняя собака. Иркутский противочумный ин-т	ИИ4	ИИ4	82	100
Полная длина челюсти	109	180	114	82	100			
Длина зубного ряда	63,2	90,4	56,5	46,5	51			
Длина M ₁ - M ₂	26	36,6	21,5	18,5	24,8			
Толщина челюсти сзади: P ₂	6	13,5	6,3	4,5	-			
" P ₄	7	12,2	7,5	5	9			
" M ₁	6,2	13,6	7,2	5	8,5			
Высота челюсти сзади: P ₂	13	22	14,1	9	13,6			
" P ₄	14,2	26	15,7	10,5	15,5			
" M ₁	15,2	27,5	17	11	14,5			
Зубы:								
P ₁ длина	-	4,1	-	4	4			
P ₁ ширина	-	3,8	-	2	3			
P ₂ длина	9	10,2	9	7	-			
P ₂ ширина	3,9	5,8	3,3	2,5	-			
P ₃ длина	9	12,6	9,7	7	9,3			
P ₃ ширина	4	8,2	4	2,5	4			
P ₄ длина	10	13,9	10,6	7,5	11			
P ₄ ширина	4,5	7,6	4,8	3,2	5,6			
M ₁ длина	18	25,5	15,5	13	17			
M ₁ ширина	6,9	10,5	7	4	6,9			
M ₂ длина	-	5	4	3,1	-			
M ₂ ширина	-	4,8	3,5	2,5	-			
M ₂ ширина	8,5	10,9	7,2	6,3	8,5			
M ₂ ширина	5,5	8,5	5,3	4	5,5			
Расстояние между венечными отростками	58,8	99	57,5	52	61,7			
Расстояние между угловыми отростками	47	81	46	43	54,6			

Т а б л и ц а 2
Метакарпальные и метатарсальные кости

Промеры, мм	Фаланги						
	II	III	IV	У П III IV			
Длина кости	-	79	71	-	90,5	82,5	84
Ширина проксимального конца	-	16,7	11,2	17	16	17	13,5
Поперечник его же	-	21,6	22	18	26	26,8	24,9
Ширина дистального конца	17	17,2	16,7	-	19,8	18,2	20,5
Поперечник его же	14,8	16,2	14	-	17	16,6	14
Ширина в середине диафиза	9,5	10,2	11,6	10	14	12,2	12

Т а б л и ц а 3
Фаланги пальцев бурого медведя

Промеры, мм	Фаланги		Задние фаланги
	Передние фаланги	Средняя	
Длина кости	31,5 - 39	(средняя 35,2)	46; 43
Ширина проксимального конца	16 - 18,3	(" 17,3)	21; 18
Ширина дистального конца	12 - 13,3	(" 12,6)	17; 14
Ширина диафиза	10,2 - 12	(" 10,8)	14,2; 11,8

машней козы или барана (погребения № 22, № 24). Более точное определение видов затруднительно из-за неполноты материала. (рис. 31; 32 - 3).

М.М. Герасимова

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ШУМИЛИХА
(Предварительные данные)

Остеологический и краниологический материал, пригодный для антропологического изучения, получен из 35 вскрытых могил, в которых находились кости скелета и черепа от 38 погребенных. Материал распределяется следующим образом: детских и подростковых черепов - II, мужских - I5, женских - I2.

В обработку были включены черепа из погребений, совершенных по одному обряду, характерной чертой которого является сидячая поза погребенного. Условия захоронения и сохранность костей не оставляют сомнений в правильности реконструкции позы погребенных. До раскопок этого могильника сидячие погребения составляли исключение на территории Сибири. Они известны в Пономаревском могильнике (№ I4), в пали Частые (№ 2) и в Ленковке (№ 3) (Окладников, 1955). Есть сведения о неолитических погребениях в Забайкалье, где погребенным так же была придана сидячая поза, с ногами, подтянутыми к животу и согнутыми в коленях, и головой, опущенной на сложенные руки (Окладников, 1970). Этнографические параллели мы находим у гилаков, ульчей, тунгусов и на Алеутских островах.

Некоторые особенности в обряде погребения, а именно лежа, в остресте, с частичной кремацией и т.д., заставляют исключить из общей совокупности исследуемых могил погребения № 27, № 26, № I2, № I, № 2, № 28, № 4, № 42.

Таким образом, собственно энеолитический могильник Шумилиха представлен I5 мужскими, 8 женскими, 5 детскими черепами.

Как известно, Прибайкалье представляет собой очаг неолитического этногенеза. В долине Ангары от Байкала до Братска широко распространены погребения неолитического и энеолитического времени. Из раскопок этих погребений накоплен большой краниологический материал. По сводке Н.Н. Мамоновой общее число "неолитических" черепов из Приангарья достигает I49, однако численность черепов при распределении по отдельным хронологическим группам с учетом позы оставляет желать лучшего:

Культура	мужские	женские	детские
Исаковская	4	I	3
Серовская	22	IO	5
Китойская	23	IO	I
Глазковская	32	3I	I
Шиверская	2	-	I
?	I	I	I

Еще менее отрадная картина получается при распределении имеющихся материалов по отдельным могильникам. Вот наиболее представительные серии черепов из Прибайкалья: Верхленский могильник, серовская культура - девять мужских, четыре женских, три детских черепа; могильник Улярба II, глазковское время - восемь мужских, два женских и шесть детских черепов; Фофановский могильник, глазковское время - девять мужских и три женских черепа. Таким образом, могильник Шумилиха занимает первое место по числу добытого краниологического материала. Из вышеизложенного становится ясной значимость вновь поступивших материалов.

Мужские черепа из могильника Шумилиха (табл. I) характеризуются большим продольным, средним поперечным и малым височным диаметрами мозговой коробки. Высота и ширина лица средние, нос высокий и широкий. Средние величины признаков, характеризующих уплощенность лица и носа, позволяют отнести эту группу к кругу монголоидных форм. Уплощенность лица у изучаемых черепов на верхнем уровне не меньшая, чем у наукавских эскимосов, нивхов, ульчей, тункинских бурят, якутов. Высота лица - меньше, чем у любой из современных монгольских групп, кроме орочей, селькупов, манси. По сравнению с суммарными данными Г.А. Дебена (1930) и Н.Н. Мамоновой (1973, 1980) по Средней и Верхней Ангаре черепа из Шумилихи отличаются большей величиной назомялярного угла, меньшими размерами ширины и высоты лица, более высоким и широким носом, меньшими размерами всех основных диаметров мозговой коробки (табл. 2).

График сигмальных отклонений от суммарной средней для всех неолитических черепов Прибайкалья демонстрирует положение изучаемой серии среди различных хронологических, территориальных групп и отдельных могильников (рис.1; табл.1-6).

Череп из Шумилихи отличается повышенной вариабельностью измерительных признаков, что часто является показателем гетерогенности группы. Анализ на неоднородность группы можно начать с сопоставления черепов из погребений № 7 и № 45, которые выделяются визуально как морфологически крайние варианты (табл.3). По форме черепной коробки черепа долихокраничные, но первый отличается значительно меньшими размерами основных диаметров мозговой коробки, продольного, поперечного, высотного, и наименьшей шириной лба. Еще большие различия - в размерах лицевого скелета. Возникает предположение, что мы имеем дело с крайними вариантами одного типа, но этому противоречит различие в профилировке лица и носа: череп из погребения № 7 имеет более плоский лицевой и носовой скелет (табл.3). На неоднородность серии указывает анализ коэффициентов корреляции. Большинство коэффициентов завышено. Так, например, между продольными и поперечными диаметрами существует положительная связь порядка 0,2-0,4; в изучаемой серии этот коэффициент равен 0,7, между продольным диаметром и высотой черепа положительная корреляция 0,55. Обращает на себя внимание большие значения и знак минус коэффициентов корреляции назомаллярного угла с продольным диаметром и высотой и шириной лица:

продольный диаметр x поперечный	+ 0,74
продольный диаметр x высота черепа	+ 0,55
продольный диаметр x назомаллярный угол	- 0,34
модуль мозговой коробки x скуловой диаметр	+ 0,56
модуль мозговой коробки x высота лица	+ 0,65
модуль мозговой коробки x назомаллярный угол	- 0,17
полусумма диаметров x высота лица	+ 0,58
полусумма диаметров x высота черепа	+ 0,58
полусумма диаметров x назомаллярный угол	- 0,21
высота черепа x скуловой диаметр	+ 0,18
высота черепа x высота лица	+ 0,47
высота черепа x назомаллярный угол	+ 0,09
скуловой диаметр x высота лица	+ 0,77
скуловой диаметр x назомаллярный угол	- 0,48
высота лица x назомаллярный угол	- 0,73

Таким образом, в изучаемой серии черепов можно выделить два варианта. Один - со средними размерами мозговой коробки, небольшой высотой и шириной скелета лица, выраженным комплексом признаков, характеризующих уплощенность лица и носа. Второй вариант - более крупный и высокоголовый, с менее плоским лицом. Наличие в серии промежуточных форм, невозможность визуального разделения на две группы черепов отвергает возможность механического смешения и свидетельствует о длительном процессе биологического смешения. Подобные варианты были в свое время выделены Г.Ф. Дебецом (1930) на основании изучения суммарной серии черепов из Прибайкалья.

Характер морфологических особенностей черепов из Шумилихи вновь ставит нас перед основной проблемой палеоантропологии Сибири: чем же собственно можно объяснить специфичность "неолитических" черепов из Прибайкалья: их протоморфность, близость к исходному американо-азиатскому типу или их смешанным происхождением, наличием европеоидной примеси (Дебец, 1930, 1932, 1948, 1951, 1956; Левин, 1950, 1953, 1956, 1958). Для имеющегося палеоантропологического материала характерна большая степень генерализации при его изучении. Суммарное изучение населения данного района продолжает оставлять нерешенной проблему места этой древней группы в рамках существующей расовой систематики. Результаты анализов материалов по отдельным территориально-хронологическим группам не могут рассматриваться как достоверные из-за их малочисленности. Представлялось перспективным рассмотреть материал по отдельным могильникам. Особенности жизни прибайкальских племен были связаны с тесным ландшафтом Восточной Сибири, что сказалось на изолированности групп, их малочисленности. Это обстоятельство должно было увеличить частоту резких колебаний признаков и способствовать формированию более целостного типа на одной территории. Как показали материалы из Шумилихи, давшие не меньшую вариабельность признаков, чем материалы, организованные по территориальному или хронологическому признаку, основной вопрос о характере морфологических особенностей прибайкальских черепов не может быть решен альтернативно. Наиболее вероятная гипотеза сводится, по-видимому, к следующему. На физическом облике

прибайкальских черепов, наряду с европеоидной примесью, которая в различное время и на различных территориях проявлялась различно, сказались морфологические особенности протомонголоидов, которые отличались от современных монголоидов рядом признаков: более высоким переносьем, более выступающим носом, менее плоским лицевым скелетом. Большие размеры лицевого скелета могли сохраниться с древности и были характерны как для древних монголоидов, так и европеоидов. Примером сохранения такого древнего нейтрального типа, сходного с типом современных американских индейцев, может служить тип, зафиксированный на китойских черепах из Прибайкалья (Мамонова, 1973), черепах китойского времени из Фюфановского могильника в Забайкалье (табл. 4), на черепе из Довлеканово (Матюшин, 1970). Картина усложняется тем, что население лесных массивов, в частности в Якутии, отличалось тенденцией к уменьшению лицевых размеров (Дебец, 1956). Эта же тенденция проявляется в глазковское время на Селенге (Гохман, 1954). При настоящем состоянии антропологических знаний меньшая высота лица прибайкальских черепов в равной мере может быть объяснена как наличием европеоидной примеси, так и проявлением своеобразия монголоидного компонента.

Т а б л и ц а I
Могильник Шумилиха. Мужские черепа

Признак	n	Min-Max	\bar{x}	m(\bar{x})	S	m(S)
1. Продольный диаметр	15	180-205	187,7	1,79	6,94	1,27
8. Поперечный диаметр	15	132-149	139,9	1,02	3,93	0,72
17. Высотный диаметр	15	124-135	130,5	0,78	3,03	0,55
9. Наименьшая ширина лба	15	89-105	94,8	1,68	6,52	1,19
10. Наибольшая ширина лба	15	111-125	119,0	1,03	3,98	0,73
11. Ушная ширина	15	122-136	128,4	1,59	6,17	1,13
12. Ширина затылка	15	105-120	112,3	1,36	5,27	0,96
40. Длина основания лица	14	93-112	101,5	1,40	5,28	0,99
45. Скуловой диаметр	15	132-150	140,5	1,39	5,37	0,98
48. Верхняя высота лица	15	66-82	73,5	1,27	4,95	0,90
54. Ширина носа	15	23-32	26,8	0,64	2,48	0,45
55. Высота носа	14	52-61	56,7	0,75	2,79	0,53
51. Ширина орбиты	13	40-45	42,4	0,38	1,38	0,27
52. Высота орбиты	14	31-36	33,9	0,44	1,64	0,31
Максиллофронтальная хорда	13	14,5-24,5	19,2	0,81	2,90	0,57
Максиллофронтальная высота	13	4,7-9,5	6,4	0,39	1,41	0,28
Дакриальная хорда	11	20,0-26,5	22,3	0,67	2,23	0,48
Дакриальная высота	11	7,0-14,5	10,3	0,67	2,22	0,47
Симотическая хорда	14	3,5-11,0	7,34	0,55	2,05	0,39
Симотическая высота	14	1,5-4,9	3,5	0,32	1,19	0,22
Биорбитальная хорда	15	95,5-108,0	100,6	1,14	4,40	0,80
Высота назиона над биорбитальной хордой	15	11,5-21,0	15,6	0,67	2,59	0,47
Зигмаксиллярная хорда	15	95,0-111,0	102,2	1,29	4,99	0,91
Высота субспинале над зигмаксиллярной хордой	15	18,9-24,0	21,6	0,40	1,56	0,28
Назомалирный угол	15	135-154	145,6	1,33	5,15	0,94
Зигмаксиллярный угол	15	128-140	134,1	0,81	3,12	0,57

Т а б л и ц а 2
Сравнение мужских черепов из могильника Шумилиха с черепами
глазковского времени со Средней и Верхней Ангары

Признак	Шумилиха Герасимова	Средняя Ангара Дебец (1930)	Средняя и Верх- няя Ангара Дебец (1930), Мамонова (1973)	σ
77. Назомаларный угол	145,6	142,7	143,9	5,2
75(I). Угол носа	-	-	24,4	5,6
45. Скуловой диаметр	141,2	143,0	142,4	5,7
48. Высота лица	73,5	76,5	74,9	4,2
55. Высота носа	56,7	55,7	55,6	3,2
54. Ширина носа	26,8	26,7	26,2	1,9
17. Высота черепа	130,5	134,0	131,8	5,9
1. Продольный диаметр	187,7	191,9	191,7	5,9
8. Поперечный диаметр	139,9	144,5	145,2	4,9
n	15	17	29	-

Т а б л и ц а 3
Сравнение черепов из погребений № 7 и № 45

Признак	№ 7	Погребение № 45	σ Дебец (1964)
1. Продольный диаметр	180	205	5,8-6,4
8. Поперечный диаметр	137	149	4,7-5,3
17. Высотный диаметр	127	132	4,6-5,2
9. Наименьшая ширина лба	90	105	4,2-4,6
11. Ширина основания черепа	122	136	4,5-5,1
12. Ширина затылка	106	120	4,3-4,7
45. Скуловой диаметр	132	150	4,7-5,5
48. Высота лица	66	81	3,9-4,3
55. Высота носа	54	61	2,7-3,1
54. Ширина носа	25	27	1,7-1,9
77. Назомаларный угол	152	143	4,2-4,6
57. Симметрическая ширина	7,0	7,4	1,7-1,9
- Симметрическая высота	4,9	3,3	0,6-0,9

Т а б л и ц а 4
Некоторые данные о мужских черепах из китайских погребений
Ангара, Лены, Селенги

Признак	Ангара Дебец (1930)	Лена Мамонова (1973)	Селенга Герасимова
I	2	3	4
1. Продольный диаметр	187,6(18)	193,0(3)	189,0(3)
8. Поперечный диаметр	143,8(16)	146,0(4)	147,0(3)
17. Высотный диаметр	127,4(13)	137,7(4)	134,3(3)
5. Длина основания черепа	101,3(13)	104,7(3)	101,3(3)
9. Наименьшая ширина лба	93,2(21)	91,8(3)	90,7(3)
40. Длина основания лица	103,4(11)	102,0(3)	99,0(3)
45. Скуловой диаметр	140,6(13)	141,3(3)	147,0(3)
48. Верхняя высота лица	75,1(14)	72,5(4)	76,7(3)
55. Высота носа	56,0(14)	53,5(4)	52,3(3)
54. Ширина носа	26,2(15)	27,5(4)	25,0(3)
51. Ширина орбиты	42,8(15)	41,0(3)	42,3(3)

Окончание таблицы 4

1	2	3	4
52. Высота орбиты	34,0(15)	30,8(4)	33,3(3)
Назосмальный угол	147,5(11)	152,0(1)	152,3(3)
Зигмаксиллярный угол	136,3(8)	133,0(1)	143,0(3)
32. Угол лба	79,9(13)	79,7(3)	76,3(3)
72. Общий угол лица	86,1(13)	83,5(2)	88,3(3)
75(1). Угол носа	20,1(8)	25,0(2)	22,0(1)

Таблица 5
Верхоленский могильник. Серовское время. Мужские черепа

Признак	n	Min-Max	\bar{x}	m(\bar{x})	s	m(s)
1. Продольный диаметр	9	181-191	185,3	1,05	3,15	0,74
8. Поперечный диаметр	9	136-147	142,3	1,22	3,67	0,86
17. Высотный диаметр	9	124-135	129,6	1,09	3,28	0,77
20. Ушная высота	9	96-108	101,2	1,22	3,77	0,89
9. Наименьшая ширина лба	8	92-100	96,0	1,00	2,82	0,71
10. Наибольшая ширина лба	9	111-123	118,1	1,21	3,62	0,85
11. Ушная ширина	9	123-132	127,7	1,15	3,46	0,82
12. Ширина затылка	9	103-120	110,8	1,95	5,86	1,38
40. Длина основания лица	9	99-104	101,4	0,73	1,89	0,45
45. Скуловой диаметр	9	132-146	139,6	1,44	4,33	1,02
48. Верхняя высота лица	9	67-76	72,0	1,14	3,43	0,81
54. Ширина носа	9	23-29	26,1	0,61	1,83	0,43
55. Высота носа	9	41-55	50,4	1,34	4,03	0,95
51. Ширина орбиты	9	41-45	43,1	0,54	1,61	0,38
52. Высота орбиты	9	31-36	33,3	0,53	1,58	0,37
Максилло-фронтальная хорда	9	17,7-21,3	19,4	0,46	1,38	0,32
Высота над максилло-фронтальной хордой	9	4,8-7,6	6,5	0,89	2,66	0,63
Дакриальная хорда	8	19,1-23,5	21,6	0,47	1,34	0,34
Дакриальная высота	8	9,7-13,4	11,7	0,53	1,49	0,37
Симметрическая хорда	9	5,7-12,3	8,3	0,88	2,64	0,62
Симметрическая высота	9	1,8-7,2	4,0	0,65	1,94	0,46
Биорбитальная хорда	8	93,7-102,5	99,6	0,64	3,07	0,77
Высота назиона над хордой	8	14,8-20,9	16,7	0,72	2,05	0,51
Зигмаксиллярная хорда	8	99,4-107,5	99,3	1,44	4,02	1,02
Высота субспинале над зигмаксиллярной хордой	8	17,1-24,8	19,5	0,90	2,71	0,64
Назосмальный угол	8	136-148	143,1	1,35	3,83	0,96
Зигмаксиллярный угол	8	127-141	137,1	1,77	5,02	1,25
72. Угол профиля лица	8	80-88	84,5	1,19	3,36	0,84
74. Альвеолярный угол	8	62-77	72,6	1,83	5,17	1,29
75(1). Угол носа	6	18-27	21,6	1,91	4,67	1,35

Т а б л и ц а 6
Могильник Улярба II. Глазковское время. Мужские черепа

Признак	n	Min-Max	\bar{x}	m(\bar{x})	s	m(s)
I. Продольный диаметр	8	176-197	188,4	2,51	7,11	1,78
8. Поперечный диаметр	7	135-155	146,9	2,60	6,87	1,84
17. Высотный диаметр	6	116-127	120,7	1,75	4,07	1,23
9. Наименьшая ширина лба	8	86-103	94,5	1,91	5,40	1,35
10. Наибольшая ширина лба	8	108-126	116,5	2,27	6,43	1,61
11. Ушная ширина	7	124-140	132,1	1,90	5,04	1,35
12. Ширина затылка	7	108-126	117,6	2,38	6,29	1,68
40. Длина основания лица	5	98-107	101,6	1,86	4,16	1,32
45. Скуловой диаметр	6	128-149	138,8	3,08	7,52	2,17
48. Верхняя высота лица	6	62-76	69,2	2,32	5,67	1,64
54. Ширина носа	6	22-28	26,0	0,93	2,28	0,66
55. Высота носа	6	47-56	52,1	1,65	4,02	1,16
51. Ширина орбиты	5	41-44	42,2	0,59	1,30	0,41
52. Высота орбиты	5	33-37	35,0	1,05	2,34	0,74
Максилло-фронтальная хорда	6	15,1-21,5	17,9	0,85	2,08	0,60
Высота над максилло-фронтальной хордой	6	4,7-11,9	6,61	1,10	2,69	0,78
Дакриальная хорда	2	19,0-24,5	21,7	-	-	-
Дакриальная высота	2	11,0-13,0	12,0	-	-	-
Виорбитальная хорда	6	95,4-99,4	97,4	0,38	1,31	0,54
Высота назиона над хордой	6	10,0-15,0	12,8	0,84	2,96	0,59
Зигомаксиллярная хорда	5	92,7-109,7	99,2	3,08	6,89	2,18
Высота субспинале над зигомаксиллярной хордой	5	16,5-23,0	18,4	1,35	3,02	0,96
Назомаллярный угол	6	145-155	149,7	1,56	3,81	1,10
Зигомаксиллярный угол	5	129-145	138,6	2,46	6,50	2,09
72. Угол профиля лица	6	78-85	81,3	1,38	3,38	0,97
74. Альвеолярный угол	6	66-81	74,3	2,53	6,18	1,79
75(I). Угол носа	6	14-24	19,8	1,41	3,43	0,99

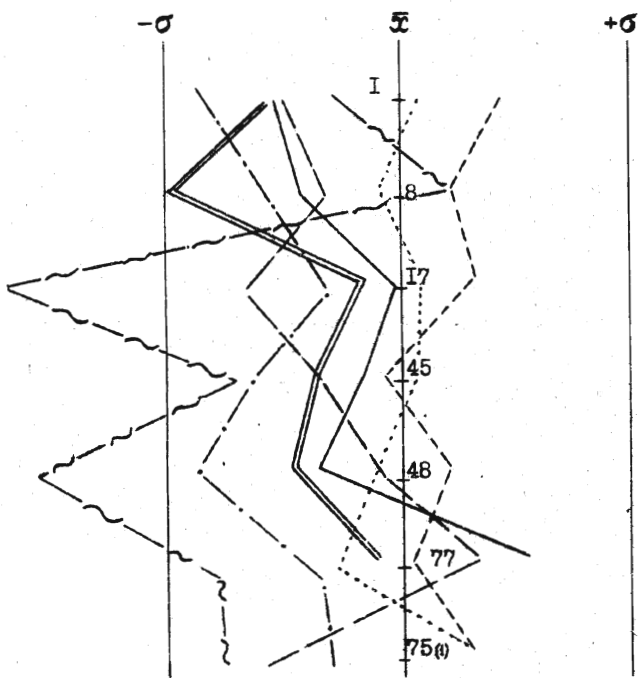

Рис. I. График сигмальных отклонений некоторых черепных серий от суммарной серии черепов неолитического и энеолитического времени из Прибайкалья.

I - продольный диаметр, 8 - поперечный, 17 - высотный, 45 - скуловой, 48 - верхняя высота лица, 77 - назомаллярный угол, 75(I) - угол носа.

Серии: серовская, ---- глазковская, — китойская из Приангарья, — из могильника Улярба II, — из Верхоленского, — из Софановского, — из Шумилихи.

СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА БЕРИНЕЙ АНГАРЕ

(По материалам могильника Шумилиха)

Раскопки могильника Шумилиха дали большую серию новых материалов по мелкой пластике эпохи ранней бронзы. Эти находки позволяют еще раз обратиться к ряду вопросов, связанных с искусством древнего населения Приангарья, вопросов, теснейшим образом переплетающихся с проблемами выделения этнокультурных областей. На современном этапе уже можно говорить об определенных закономерностях развития первобытного искусства, в частности скульптуры, у прибайкальских племен. Они проявляются в устойчивости отбора сюжетов и в традиционности манеры исполнения. Накопленный изобразительный материал позволяет также в значительной степени расширить и уточнить ряд представлений об истории первобытных верований. В одной статье невозможно охватить весь круг этих вопросов, и мы попытаемся лишь реконструировать по произведениям древнего искусства некоторые стороны идеологии их создателей и в отдельных случаях определить социальный статус погребенных в тех могилах, где были найдены эти произведения.

Обзор предметов мелкой пластики из могильника Шумилиха мы начинаем с изображений рыб, составляющих специфическую черту прибайкальской древней скульптуры. Всего их было обнаружено четыре экземпляра (погребения № 45, 14, 29; рис. 18 - 1, 2; 44 - 1; 71-1). Все фигурки сделаны из мрамора и, несмотря на различия в размерах (от 8,5 до 28 см), образуют однородную серию стилизованных изображений рыб, относимых нами ко второй подгруппе большой группы "налимообразных" (Студзицкая, 1976). Стилизация реального образа идет здесь в направлении превращения его в фигуру падающей капли, которая характеризуется максимальным обобщением и упрощением формы (Окладников, 1955; Студзицкая, 1976). Аналогичное изображение рыбы было найдено и в слое I стоянки Усть-Белая. Находки подобных изделий в хорошо датированных комплексах раннего бронзового века полностью подтверждают их датировку глазковским временем, предложенную А.П. Окладниковым на основании стилистического анализа. В трактовке "налимообразных" этой подгруппы четко прослеживается развитие стилистической традиции, существовавшей в серовское время. Археологические материалы показывают, что в начале II тысячелетия до н.э. у охотников-рыболовов Приангарья количество скульптурных изображений рыб резко сокращается, но тем не менее они образуют устойчивую группу древней скульптуры, где передача образа отличается предельной лаконичностью. Наличие сквозных отверстий, устойчиво расположенных на фигурках, позволяет рассматривать их по аналогии с серовскими как приманки, применявшиеся при рыбной ловле с гарпуном (Студзицкая, 1976).

Несколько подробнее следует остановиться на одной фигурке из погребения № 14 (рис. 18 - 1). Ее длина 9,8 см. Вдоль спины, по бокам и на животе она орнаментирована точечными углублениями. На хвосте - нарезка. Фигура тщательно заполирована. Судя по довольно широкому отверстию на голове (диаметр - 0,5 см), она могла одновременно служить и приманкой, и стержнем рыболовного крючка.

Среди зооморфных скульптур очень интересны три костяные профильные фигурки из погребения № 22, выполненные плоской резьбой (рис. 29). По определению автора раскопок О.И. Горюновой, они представляют собой сильно стилизованные изображения медведей. Две фигурки имеют длину около 7 см и наибольшую ширину 2,5 см. Длина третьей - около 5 см. Овальные сквозные отверстия в спине позволяют думать, что фигурки прикреплялись к одежде. Подобные изображения встречены в Прибайкалье впервые и прямых аналогий не имеют. Стилистический анализ этих предметов показывает, что считать их изображениями медведей можно лишь условно.

Напряженность и настороженность позы двух первых фигур достигается с помощью вытянутых пропорций в моделировке общего контура. Выброшенные вперед передние лапы создают иллюзию бегущего зверя. Создается впечатление, что древнему мастеру, изготовляющему эти фигурки, важнее

р всего было показать движение. Морда зверя не детализирована, показаны лишь глаза с одной стороны. Уши даны треугольным выступом. У первой скульптурки голова вытянута вперед и немного наклонена вниз (рис. 29 - 1). Морда обломлена. Эту фигурку в большей степени можно сопоставить с изображением медведя. Неуклюжее тяжелое туловище, массивная задняя часть, отвислое брюхо позволяет считать, что перед нами "хозяин тайги". Передние ноги, обозначенные выступами, разделены между собой. Задние - слегка намечены.

Что касается второй фигурки (рис. 29 - 2), то она, несмотря на сходство в общей моделировке образа, может считаться "медведем" лишь по аналогии с первой. Задняя часть пропорционально заметно меньше, чем у первой фигурки, шея вытянута, морда заострена. По своему оформлению голова сильно напоминает звериную голову фантастического существа из Серовского могильника (Окладников, 1976, табл. 65). Похожа эта фигурка и на изображение животного, выгравированное на одной из сторон янусовидной рыбы, найденной у горы Монастырской близ Братска (Хороших, 1958, рис. 2; Студзицкая, 1976, табл. III - 1). Все эти изображения передают скорее всего образ какого-то животного типа куницы, соболя и т.п. Поскольку вторая фигурка обнаруживает сходство с ними, но в то же время явно близка к первой, вопрос об определении вида изображаемого животного остается открытым.

Третья, меньшая фигурка отличается наибольшим схематизмом и обобщенностью в трактовке образа (рис. 29 - 3). Вытянутая голова опущена вниз, по ее верхнему краю сделаны насечки. В нижней части она отделена от отвислого брюха выемкой. Туловище зверя массивное, особенно его задняя часть.

Найденная в погребении № 24 миниатюрная зооморфная фигурка, вырезанная из тонкой костяной пластинки, по общей схеме изображения может быть сопоставима с уже описанными (длина ее - 4 см, наибольшая ширина - 1,5 см; рис. 32 - 3). У нее выпуклая спина, тупая морда с округлым выступающим ухом, слегка обозначены задние и передние лапы и опущенный живот. На фигурке имеется отверстие, позволяющее сопоставить ее с предыдущими и по назначению.

Как известно, в пластическом искусстве прибайкальских племен образ медведя не получил широкого воплощения, в то время как у населения Западной Сибири и Среднего Енисея он занимает ведущее место (Студзицкая, 1969а). Особенно ярко культ этого зверя отразился в скульптуре племен бассейна р. Томи, где, возможно, медведь уже во II тысячелетии до н.э. выступал в качестве племенного тотема. В Прибайкалье два наиболее ранних изображения медведя происходят с Нижней Ангары - территории, входящей в контактную зону со Средним Енисеем. Стилистически обе фигурки относятся к одной группе с западносибирскими изображениями (Окладников, 1950а, рис. I, 2; Студзицкая, 1969а). Реалистические изображения медведей известны и на писаницах в низовьях р. Ангары (Окладников, 1966, табл. I 73 - 4; табл. 3). Однако, они единичны по сравнению с изображениями лосей. Очень схематичная и, очевидно, недоделанная фигурка медведя была встречена в одном из погребений могильника "Локомотив". Изображения из могильника Шумилиха резко отличны от всех упомянутых прибайкальских скульптур по оформлению и назначению и не могут быть сопоставлены с ними.

Отдаленной аналогией шумилихинским "медведам" в плане передачи динамичного образа зверя можно привести фигурку "бегущего" медведя из могильника у Мусульманского кладбища под Томском (Matjuststenko, 1963, рис. 2) и костяное профильное изображение медведя из погребения Окуневской культуры могильника Карасук II (Студзицкая, 1973, рис. I, 8). С шумилихинскими эти фигурки сближает то, что животные изображены в профиль и что для передачи отдельных деталей использованы сходные приемы. Сквозное отверстие на спине медведя из могильника Карасук II позволяет предположить и их функциональное сходство. Но присущая западносибирским изображениям тщательность в оформлении зверя полностью отсутствует на фигурках из Шумилихи.

Еще более отдаленную аналогию для третьей фигурки из погребения № 22, главным образом по общей композиции изображения и его назначению, можно усмотреть в двух профильных зооморфных фигурках с парными сквозными отверстиями в верхней части, найденных в сидячем погребении в местности Норовлин Уула в Восточной Монголии (Волков, 1975, рис. 2)¹. Норовлин-Уулинские изображения сделаны из крупной раковины и очень схематично передают внешние облики громоздкого

¹ Как отмечает автор раскопок, это погребение по обряду захоронения, разнообразию и облику находок - памятник, редкий для Монголии. Среди многочисленного инвентаря - каменное изображение головы человека с тщательной моделировкой лица, которое В.В. Волков сопоставляет с глазковскими антропоморфными фигурками.

неуклюжего животного с отвислым животом и короткими ногами. "Обтекаемая" голова опущена вниз. Таким образом, новые находки на Ангаре, хотя и имеют отдельные аналогии, существенно расширяют наши представления о сюжетах мелкой пластики древних прибайкальских племен.

Сибирская этнография дает богатейший материал по верованиям и представлениям о медведе как о священном животном, о родоначальнике. Наибольшее количество древних изображений медведя происходит с территории, где во II тысячелетии до н.э. жили далекие предки угорских и самоедских народов (Чернецов, 1969, 1970, 1971). Очень существенно, что у хантов и манси культ медведя отличается наибольшей архаичностью. Центральное место в нем занимает "праздник голов", а также ритуальное захоронение костей скелета и черепа медведя (Васильев, 1948). По словам В.И. Матющенко, на поселении Самусь IУ близ Томска были археологически зафиксированы скопления медвежьих костей и черепов. Черепа были обнаружены и на илимских стоянках, откуда происходит костяная фигурка медведя (Окладников, 1938).

В нашу задачу не входит подробный анализ общесибирских этнографических материалов о представлениях, связанных с образом медведя. Остановимся лишь на некоторых аспектах этой проблемы, которые нашли свое отражение в мировоззрении тунгусских народов, в частности, эвенков.

Еще в 40-х гг. А.П. Окладников достаточно убедительно показал нити, связывающие культуру глазковских племен II тысячелетия до н.э. с культурой эвенков (Окладников, 1941, 1950, 1955, 1974). Его точка зрения поддержана рядом исследователей-этнографов (Василевич, 1951, 1969; Токарев, 1958 и др.). Вот почему особое значение при интерпретации памятников древнейшей прибайкальской культуры приобретает эвенкийское изобразительное творчество, связанные с ним представления и эвенкийская мифология.

Вопрос о назначении древних фигурок можно решать, если сопоставить их с подвесками эвенкийского шаманского костюма, среди которых встречаются изображения как медведя, так и других животных. Обычно это плоские профильные изображения с отверстием для прикрепления к одежде. Можно предполагать, что сходным образом использовались и шумилихинские фигурки. Это не обязательно шаманские подвески, но трактовка их как амулетов, обеспечивающих охотнику удачу в промысле, кажется вполне вероятной. В.Г. Богораз-Тан подчеркивал, что создание изображений зверя рассматривалось как дело магически полезное, ибо, привлекая таким образом животное, человек подчинял его своей власти (Богораз-Тан, 1919).

Медведь - центральная фигура древней охотничьей мифологии западносибирских племен - в искусстве прибайкальского населения практически не представлен. На писаницах Приангарья медвежьих изображений нет совсем (Окладников, 1966). Скульптурные изображения единичны, отличаются схематизмом и крайне невыразительным оформлением головы зверя. Эти факты позволяют предполагать, что в мировоззрении охотников Прибайкалья эпохи неолита и ранней бронзы культ медведя не получил широкого распространения. Такое предположение в известной мере подтверждается и этнографическими данными. Так, Г.М. Василевич полагает, что медвежьи обряды появились у тунгусоязычных народов позже охотничьих мистерий, связанных в первую очередь с образом лося, и что "в создании медвежьих мифов и ритуала приняли участие и оказали на них влияние нетунгусоязычные группы, которые соседствовали с пратунгусами в разных районах горной тайги" (Василевич, 1971). Отсутствует у эвенков и миф о медведе - родоначальнике людей. Что касается эвенкийской скульптуры, то все изображения медведей связаны здесь с атрибутами шаманов и выступают в качестве их духов-помощников (Иванов, 1970, рис. 189, 190). Совершенно не изображался медведь в скульптуре, делавшейся специально для шаманского чума и во время обряда икэнипкэ (подражание жизни). А ведь именно скульптура связана, по мнению С.В. Иванова, с древнейшими пластами идеологии эвенкийского общества, в котором еще сильны были пережитки родовых инстинктов (Иванов, 1970).

Таким образом, археологические свидетельства о том, что образ медведя не характерен для искусства прибайкальских племен II тысячелетия до н.э., полностью подтверждают данные этнографии о более позднем появлении культа медведя у эвенков, в то время как у угорских народов он являлся одним из древнейших.

В погребении № 24 могильника Шумилиха вместе с зооморфным изображением была найдена костяная антропоморфная фигурка, выполненная плоской резьбой (рис. 32 - 2; Лежненко, Михнюк, 1973). Длина ее - 9,2 см, наибольшая ширина в плечах около 2 см. Фигурка заполирована и представляет собой полное в рост изображение человека в фас с тщательной проработкой деталей лица. Плоскостность и одновременность, строгая геометричность, сквозные отверстия на плечах, оформление ног и весь стиль, без сомнения, позволяют включить эту фигурку в I-ю группу прибайкальских антропоморфных изображений (Студзицкая, 1970). Овальная голова как всегда у скульптур этой группы занимает треть общей длины. На лице акцентированы дуги бровей, переходящие в длинный нос, ко-

торый образован ребром, идущим посредине пластины. Внизу он срезан. Лоб выступает над плоскостями щек. Глаза и рот обозначены. Подбородок не выделен. Боковые грани туловища фигурки оформлены зубчатыми линиями. Тело покрыто тончайшими насечками, идущими наискось от ребра. Такие же насечки, расположенные параллельно, покрывают и ноги. Возможно, что этот орнамент имитирует одежду и обувь. Ближайшая аналогия шумилихинской фигурке — антропоморфное изображение из погребения № I у с. Братский камень (Окладников, 1955, рис. 141). Оба изделия одинаковы по своим размерам (около 9 см), безруки. Правый бок братской фигурки тоже оформлен зубчатой линией. Общность композиции изображения заставляет предполагать и их функциональное сходство, несмотря на некоторые различия в деталях моделирования. Значительная близость этих фигурок указывает на то, что в пластическом искусстве прибайкальских племен эпохи бронзы не только усиливается значение изображения человека, но и вырабатывается строгая иконография этого образа. Устойчивость трактовки свидетельствует о единстве его восприятия всем первобытнообщинным коллективом и отражает тем самым его социальную значимость.

Это обстоятельство становится особенно важным при сопоставлении всей первой группы фигурок с деревянными антропоморфными изображениями, известными у народов севера Сибири еще в XIX — начале XX в. Фигурки обнаруживают большое сходство с пятым ("западносибирским") типом антропоморфных скульптур по классификации С. В. Иванова. Этот тип распространен у эвенков, южных хантов, нганасан и кетов. Сходство проявляется как в трактовке всей фигуры в целом, так и в пластической разработке лица (Иванов, 1970, рис. 152, 153, 159).

Устанавливаемое стилистическое единство позволяет, на наш взгляд, говорить о времени появления этого типа антропоморфных изображений в сибирском искусстве. То обстоятельство, что все эти фигурки происходят из Прибайкалья, указывает на эту территорию как его возможную родину. В эвенкийской антропоморфной скульптуре этот тип преобладает над всеми остальными как в дереве, так и в металле. Значительная часть железных антропоморфных изображений, изготовлявшихся эвенками для шаманских костюмов, по своей моделировке очень сходна с древними фигурками (Иванов, 1970). Их сближает поза, всегда строго фронтальная, с симметрично расположенными руками и ногами, непропорциональная по отношению ко всей фигуре голова и, наконец, передача деталей лица. Среди подвесок встречаются изображения, у которых боковые грани полностью или частично оформлялись зубчиками (Иванов, 1970, рис. 175).

Подвески на шаманских костюмах омыслились как духи-помощники шамана. Это позволяет предположительно раскрыть и семантику шумилихинской антропоморфной фигурки, а сочетание зооморфного и антропоморфного изображений на одежде, очевидно, должно было по представлению древнего охотника способствовать удачному промыслу. Следует вспомнить слова И. П. Георги, который писал, что "тунгусы благоговейные и суеверные носят на нагрудниках, а летом просто на груди жестяного идола в образе человека, зверя или птицы и проч. представленного и уповают на его покровительство, ожидают от него счастья в зверином промысле" (цит. по Окладникову, 1955, с. 162).

В непосредственной связи с религиозными представлениями древних охотников находится комплекс погребения № 38 могильника Шумилиха (Горюнова, 1974). Не отличаясь от большинства погребений по обряду захоронения, оно необычно по инвентарю, включавшему уникальный набор костяной скульптуры. Здесь были найдены: антропоморфная фигурка, голова лося, схематическое изображение змеи и маска-личина. Изделия выразительны по форме и интересны по своей семантике. Поражает необычность и древность материала, из которого сделаны две фигуры: первая — маска из позвонка сибирского носорога, вторая — голова лося из бедренной кости этого животного.

Форма лосиной головы обусловлена формой самой кости (рис. 57). Древний мастер лишь слегка подправил ее. Скульптура достаточно условна, но главные признаки лосиной морды выступают отчетливо. Особо акцентирована открытая пасть зверя, сделанная в виде глубокой расщелины. На вытянутой морде обозначены глаза и ноздри. Сзади голова срезана.

При всей индивидуальности этой скульптуры ее, несомненно, можно сопоставить с известными изображениями лосей из китойских и глазковских комплексов (Студзицкая, 1969а; Георгиевская, 1974). Все они входят в одну группу изобразительных памятников, объединенную реалистическим воспроизведением наблюдаемого объекта и единством технических приемов при передаче его деталей.

В памятниках китойской культуры образ лося занимает ведущее положение, что связано, очевидно, с той огромной ролью, которую он играл у китойцев. Несомненно, культ этого животного занимал ведущее место в их мировоззрении. Устойчивость представлений, связанных с этим культом, отразилась в однообразии трактовки образа, приведшего к определенной стилизации. В пластике глазковских племен изображения лося встречаются реже, чем у китойцев, причем в трактовке

образа наблюдается отказ от реалистического воспроизведения природы, и порой весь образ приобретает несколько фантастический облик, что особенно хорошо видно на фигурке из Улан-Хады (Студзикая, 1969а).

Анализ наскальных рисунков на р.Ангаре по прекрасно сделанным художником П.Н.Рябовым копиям показал, что среди реалистически выполненных изображений лося можно выделить группу фигур или отдельных голов, в которой четко прослеживается тенденция к удлинению пропорций морды и гипертрофированию верхней губы животного. Ее форма утрируется, вытягиваясь и загибаясь вниз и тем самым нарушая реальные пропорции (Окладников, 1966, табл.64 - 2; 87 - 2,3,4; 19 - 1; 144 - 5; 67; 71). Совпадение приемов стилизации образа лося в этой группе наскальных рисунков и на скульптурках из глазковских комплексов позволяет предположить их одновременность и датировать описанную группу петроглифов началом бронзового века.

Еще одна характерная черта этой группы - увеличенная за пределы реальности открытая пасть животного. Именно с такими изображениями можно сопоставить лосиную голову из погребения № 38 Шумилихи, что в свою очередь подтверждает датировку этой группы изображений.

Отголоски древнего культа лося прослеживаются в тунгусском фольклоре и предметах эвенкийской пластики. Хотя в XIX - начале XX в. значение лося в хозяйстве упало, и количество его изображений резко сократилось, в материалах, связанных прежде всего с эвенкийскими шаманскими верованиями и самой фигурой шамана, его одеждой и атрибутами, мы находим многочисленные отголоски былого господства этого образа в мировоззрении эвенков. В свою очередь истоки шаманской идеологии уходят к тотемическим культам, которые выступали в ней уже в значительно измененном виде (Анисимов, 1951).

На бытовую роль лося в мировоззрении лесных племен указывает, в частности, и оформление некоторых шаманских посохов, которые осмысливались как ездовые животные шамана. Иногда их находили в могиле последнего. В этом плане интересны две парные трости забайкальских эвенков, сделанные из дерева (Иванов, 1970, рис.144). На одном конце такой трости вырезана голова лося, на другом - лосиное копыто. Эти изображения выполнены в лучших традициях древней скульптуры, когда оформлению головы уделялось основное внимание. У северобайкальских и забайкальских эвенков известны также же трости из железа (Иванов, 1970). Головки лося на этих тростях наводят на мысль о сходном использовании китайских "наверший" на предметах типа жезла.

Как в китайских, так и глазковских погребениях "навершия" в виде лосиной головы находились только при мужских костяках. Эту закономерность подтверждает и находка головы лося в могильнике Шумилиха. Интересно, что аналогичная картина была зафиксирована и в Ол. неостровском могильнике на Онежском озере (Гурина, 1956). Такая постоянная связь скульптурных изображений лосей с захоронениями мужчин на различных территориях позволяет считать ее стадийным явлением в развитии первобытных верований охотничьих племен.

При анализе семантики наскальных изображений лося А.П.Окладников, основываясь на этнографических и фольклорных данных, подробно останавливается на центральном для древней религии эвенков культе "Бугады" - родового святилища и вместе с тем материализованного в нем родового божества, внешний облик которого чаще всего связывается с образом лося (Окладников, 1950, 1959). Зарождение этого культа он относит к неолитической эпохе, а в монументальных фигурах лосей на петроглифах склонен видеть образ матери рода и матери зверей, уходящий к истокам тотемизма (Окладников, 1950). А.Ф.Анисимов, специально изучавший первобытные верования, также указывал на то, что у эвенков обобщенный образ хозяйки тайги и их матери отождествлялся с лосем или диким оленем, и возник он в родовом культе предков как обобщение первичных представлений о мифических прародителях зверей - тотемах (Анисимов, 1949). Родовые духи-охранители также чаще всего изображались в виде фигурок лося, которые хранились у шамана.

Связь образа лося с представлениями о матери-звере, хозяйке тайги и данного рода может найти свое объяснение только в почитании этого зверя предками эвенков как тотемного животного. Несомненным доказательством существования подобных представлений у прибайкальских племен в начале II тысячелетия до н.э. и служат находки скульптурных изображений лосей в китайских погребениях. Устойчивость этого образа, его связь с погребальными комплексами позволяет, на наш взгляд, видеть в этих скульптурах материализованное отражение мифологического образа матери-лосихи. То, что фигурки найдены в мужских захоронениях с яркими особенностями погребального ритуала, еще сильнее подчеркивает их связь с людьми, занимавшими особое положение в роде. В свою очередь, находка в погребениях изображения "прародительницы" позволяет считать, что именно эти люди являлись хранителями древних родовых традиций. В этом отношении как раз Шумилихинское погребение представляет исключительный по своей значимости материал. Сочетание в одном

комплексе лосиной головы и изображения женщины, несомненно, должно было иметь семантическую связь.

Женская фигура вырезана из рога в полный рост (рис.58). Высота ее - 20,5 см. Общая композиция подчинена конфигурации рога. Скульптура тщательно заложена. Для моделировки лица, на котором акцентированы крутые уступы надбровий и массивный нос, использован специфический прием выделения щек западающими плоскостями, особенно глубокими на месте глаз. Подчеркнуты скулы, выделен подбородок. Туловище непропорционально вытянуто и заканчивается разделенными между собой ногами-колышками. Изогнутость торса, наличие сильной выпуклости и женского символа на правом боку делают эту скульптуру уникальной. Но при всей своей внешней индивидуальности эта фигурка обнаруживает удивительное стилистическое сходство с роговым же изображением человека из погребения № 5 Усть-Удинского могильника (Окладников, 1975, табл.141; Студзицкая, 1970, рис. 2 - 4). Оно проявляется как в общей композиции изображений, так и в использовании одних и тех же технических приемов для передачи отдельных деталей. Туловище у обеих фигурок непропорционально вытянуто, ноги разделены выемкой, лицо моделировано в одной манере. По трактовке лица обе они напоминают идолов из Горбуновского торфяника (Эдинг, 1937). Нужно отметить, что такая специфическая манера передачи лица в виде единой плоскости, уходящей под выступы надбровий, получила широкое распространение в антропоморфной скульптуре лесных племен. Она зафиксирована от Прибайкалья до Северной Европы. Примитивность этого приема, по мнению некоторых исследователей, позволяет предположить, что первоначально он возник в дереве, а затем был перенесен на рог и кость (Мошинская, 1976). Шумилихинская находка еще раз убеждает нас в том, что в антропоморфной пластике прибайкальских племен эпохи бронзы, помимо ведущего "западносибирского" типа, можно уловить ряд черт, свойственных изображениям человека "уральских" типов по классификации С.В.Иванова (Иванов, 1970). Дополнительным аргументом в пользу этого предположения может служить и отсутствие рук у шумилихинских антропоморфных фигурок (обычно на глазковских скульптурах они не изображаются). Изображения, подобные только что описанным, встречены и на писаницах Ангары (Окладников, 1966, табл.26 - 3). Интересно, что так же, как в Шумилихинском погребении, антропоморфная фигурка из погребения № 5 Усть-Удинского могильника обнаружена вместе с костяной головкой лося. Среди найденных в этом погребении зубов и челюстей животных оказался и сломанный зуб носорога.

Шумилихинская женская фигурка, на которой точно зафиксирован символ пола, уникальна по своему исполнению. Но она не единственная, если рассматривать ее в плане отражения образа женщины в древней скульптуре Прибайкалья вообще. А.П.Окладников усматривал в парных фигурах Усть-Удинского могильника изображения мужчины и женщины. Основанием для этого ему служили уменьшенные размеры одной из них. Он писал: "меньшая величина и подчеркнута тонкие черты второй фигуры дают право предполагать, что она изображает женщину" (Окладников, 1955, с.290). В одной из последних работ он высказывал, однако, предположение о том, что в парных фигурках глазковского времени материализуются представления лесных охотников, связанные с близнецным культом (Окладников, 1976). Первоначальная точка зрения представляется нам более справедливой. Подтверждение ей мы находим как в археологическом, так и в этнографическом материале. Так, например, у парных антропоморфных фигурок из Кодицкого погребения на Средней Ангаре зафиксировано то же соотношение размеров (Дроздов, 1974, рис.4). Близкие аналогии таким изображениям мы находим и в культовой скульптуре сибирских народов.

Среди "нитарна"-изображений предков в ненецкой деревянной скульптуре, имеются фигурки мужа и жены, вырезанные в честь предка охотника (Иванов, 1970, рис.74). Длина каждой из них - 21 см, но голова одной значительно крупнее. С.Б.Ивановым опубликована также пара железных антропоморфных фигурок, "помощников" долганского шамана, находившихся на его нагруднике (Иванов, 1970, рис.235). Это - изображения мужчины и женщины в фас, причем одна из этих фигур значительно крупнее другой. Интересно, что оформление внешнего края головы глубокими насечками у этих скульптур полностью совпадает с оформлением головы у антропоморфной фигурки № 5 из Усть-Уды. Присутствие этой детали на поздних изображениях свидетельствует о ее важности в глазах древнего резчика и о преемственности традиции в моделировке определенных образов. Тем самым еще раз подтверждается правомерность сопоставления древней скульптуры с этнографической как стилистически, так и в плане ее назначения. Вот почему, несмотря на уникальность ряда деталей шумилихинской фигурки, нам представляется возможным рассматривать ее вместе с другими древними изображениями женщины из Прибайкалья на фоне сибирской скульптуры XVIII - начала XX в.

Полисемантизм первобытного мышления позволяет усматривать в этом образе не просто материализованную идею плодородия. Как показывают этнографические источники, значение подобных изображений много шире. Они олицетворяют собой существа, которые влияют на размещение дичи,

на благополучный исход охоты, является семейными и родовыми духами-охранителями. Особенно ярко это прослеживается в культовой скульптуре угорско-самодийского народа, где изображения женщин связываются в основном с представлениями о духах-хозяевах, владельцах животных, способствующих так или иначе удачному промыслу зверя. Таково, например, большинство изображений так называемых вихов у южных хантов (Иванов, 1970, рис. II, 13, 17, 42). Делают их как из дерева, так и металла. Как правило, лица у таких изображений моделированы в той же манере, что и у фигурки из Шумилихи. С. В. Иванов высказывает предположение, что обилие женских вихов у южных групп хантов связано с тем, что у них "сохранились более древние представления о природе различных духов неба и земли, отражавших идеологию давно исчезнувшего у обских угров материнского рода" (Иванов, 1970, с. 27). Известны подобные фигурки и у селькупов (Иванов, 1970, рис. 103). Изготовлены фигурки из дерева, у них обозначены грудь и пол. Детали лица выполнены в той же стилистической манере, что и у хантыйских вихов. Исходя из этих этнографических параллелей, очевидно, можно понять и незначительные женской фигурки из Шумилихи, связав ее с представлениями о женских духах природы.

Очевидно, в семантической связи с женским изображением с одной стороны, и головой лося - с другой, находится и фигурка змеи, найденная в том же погребении № 38. В том, что перед нами именно змея, убеждает трактовка головы, на которой миниатюрными углублениями, находящимися в разных плоскостях, переданы глаза (рис. 54 - 12).

Самое раннее изображение змеи в Прибайкалье относится еще к эпохе палеолита (Герасимов, 1958). В эпоху неолита и бронзы этот образ широко распространяется в творчестве племен всей лесной полосы Евразии (Гурина, 1956, рис. 133 - 1, 2; Эдинг, 1940, рис. 61; Jaanits, 1957, рис. 4; Лозе, 1969, рис. 5), что свидетельствует о его значительной роли в мировоззрении ее древнего населения. Обычно со змеей, особенно в сочетании с женскими изображениями, связываются представления о плодородии. С другой стороны, в идеологии охотничьих племен образ змеи входит в круг космогонических представлений, прежде всего, о нижнем мире (Окладников, 1950). Между образами змеи и лося в древности тоже существовала какая-то, пока неясная семантическая связь. Она прекрасно иллюстрируется сочетанием этих животных на рукоятках двух кинжалов эпохи развитой бронзы, найденных в Приуралье (Эдинг, 1940, рис. 74; Студзицкая, 1969, рис. 1). Изображения змей очень широко представлены в шаманском искусстве народов Южной Сибири и Дальнего Востока (Иванов, 1954). Встречаются они и на наскальных рисунках Приангарья (Окладников, 1966, табл. 93). А. П. Окладников датирует эти рисунки бронзовым веком, очевидно, по аналогии с бронзовым навершием в виде змеи из Шиверского могильника (Окладников, 1975, рис. 35).

Одна из самых интересных находок того же погребения № 38 - костяная маска-личина (рис. 59). Она уникальна, но по ряду стилистических особенностей тесно связана со всем комплексом прибайкальской мелкой пластики эпохи ранней бронзы. Подправив естественную конфигурацию шейного позвонка носорога после удаления остистого отростка, древний мастер придал изображению строго канонический облик. Четко очерчены дуги бровей и длинный нос, заканчивавшийся поперечным срезом. В образовавшемся носо-губном треугольнике обозначен рот. Впасть щек обусловлена строением позвонка, но повторяет западающие плоскости щек на антропоморфной скульптуре. Подчеркнут острый подбородок. Глаза переданы круглыми ямочками. Фигурка имеет три отверстия, два из которых расположены в районе предполагаемых ушей, а третье - на затылке. Очевидно, маска подвешивалась или прикреплялась к одежде.

Стилистически ближайшей аналогией ей может служить лицо меньшей фигурки из Кюдинского погребения (Дроздов, 1974, рис. 4). Моделировка всех деталей практически совпадает. Особенно четко прослеживается единство технических приемов в оформлении нижней части лица. Размеры личины из Шумилихи (высота - 11 см) позволяют считать ее скорее маской, т. е. уменьшенной маской, которая не предназначалась для ношения на лице (Авдеев, 1957).

В начале II тысячелетия до н. э. антропоморфные личины получают широкое распространение в искусстве племен древней Сибири и Дальнего Востока. Этнографические материалы показывают, что маски-личины, маски-головные уборы и маскоиды занимают значительное место и в культовом искусстве народов Сибири конца XIII - начала XX в. (Иванов, 1970, 1975).

Широкое распространение имели маски у эвенков. В ряде случаев они заменялись маскоидами или маленькими маскетками. Как пишет С. В. Иванов: "Их делали из дерева или металла и подвешивали к шаманскому костюму рядом с другими изображениями. После смерти шамана принадлежавшие ему маски, маскоиды и маскетки: обычно хоронили вместе с ним" (Иванов, 1970, с. 235). В моделировке некоторых из этих масок четко прослеживается "западносибирский" облик Усть-Удинских антропоморфных фигурок (Иванов, 1970, рис. 215, 218). Маскетки прикреплялись к одежде шамана у пояса или

на груди и так же, как и маски, олицетворяли собой, по мнению большинства исследователей, шамана-предка. Маски известны и у самодийских народов, в частности у ненцев. С.В.Иванов предполагает, что маски появились у них еще в эпоху "их былой культурной и этнической общности с другими самодийскими племенами", т.е. в очень отдаленные времена (Иванов, 1970, с.94).

Могильник Шумилиха по богатству и выразительности обнаруженной в нем скульптуры наравне с Усть-Удинским может считаться одним из главных источников мелкой пластики Прибайкалья. Найденные здесь изображения раскрывают перед нами специфику древней скульптуры, ее важную роль в жизни охотничьих племен, обнаруживают истоки тех традиций, которые продолжают существовать в творчестве народов Сибири XIX - начала XX в.

Явное преобладание в пластике Прибайкалья эпохи ранней бронзы антропоморфных изображений позволяет говорить о тех изменениях, которые произошли в это время в идеологии древнего населения, о господстве анимистических представлений, нашедших свое отражение в этих образах. Усиление значения образа человека в искусстве отразило, видимо, и определенные социальные сдвиги. Недаром именно в могильниках этого времени среди массы родовых погребений появляются отдельные могилы, качественно отличающиеся от них по составу инвентаря и обилию предметов искусства. Именно к этой категории относится и погребение № 38 в Шумилихе. Тесная связь мелкой скульптуры и других вещей культового назначения именно с этими погребениями позволяет предполагать, что мы имеем дело с захоронениями древнейших служителей культа - родовых жрецов или шаманов. Наличие в погребении № 38 антропоморфной маски-личины значительно усиливает аргументацию в пользу этого предположения.

Комплекс мелкой пластики из Шумилихи является также полноценным источником для решения этнокультурных проблем. Анализ этой скульптуры и прежде всего антропоморфных изображений позволяет установить западное влияние на их стилистику. Это подтверждает наблюдения, которые были сделаны ранее по отношению к целому ряду предметов древнего пластического искусства Прибайкалья (Студзицкая, 1970). Видимо, этим же направлением связей объясняется появление в Шумилихинском могильнике изображений медведя, образ которого был так характерен для искусства Западной Сибири и Среднего Енисея. Все эти факты хорошо укладываются в концепцию В.Н.Чернецова о расселении древних уральцев к востоку (Чернецов, 1973) и служат, таким образом, новым подтверждением справедливости его предположений.

ЛИТЕРАТУРА

- А в д е е в А.Д. Маска: (опыт типологической классификации по этнографическим материалам). - СМАЗ, 1957, т.17, с.232-344.
- А н и с и м о в А.Ф. Представления эвенков о "шингкэн'ах" и проблема происхождения первобытной религии. - СМАЗ, 1949, т.12, с.160-194.
- А н и с и м о в А.Ф. Шаманские души по воззрениям эвенков и тотемистические истоки идеологии шаманства. - СМАЗ, 1951, т.13, с.187-215.
- Б а з а л и й с к и й В.И., С в и н и н В.В. Новое неолитическое погребение на Байзале (остров Ольхон). - В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 5-7 апр. 1978 г. Иркутск, 1978, с.38-39.
- Б о б р и н с к и й И.А. и др. Определитель млекопитающих СССР. - М.: Сов. наука, 1944. - 440 с.
- Б о г о р а з - Т а н В.Г. О так называемом языке духе (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени. - Изв. Рос. АН. Сер. 6, 1919, № 8-11, с.489-495.
- В а с и л е в и ч Г.М. К вопросу о начале становления тунгусских языков: Тез. совещ. по методологии этногенетич. исслед. - М., 1951. - 4 с.
- В а с и л е в и ч Г.М. Эвенки: Ист.-этногр. очерки (XVIII - нач. XX в.). - Л.: Наука, 1969. - 304 с.
- В а с и л е в и ч Г.М. О культуре медведя у эвенков. - СМАЗ, 1971, т.27, с.150-169.
- В а с и л ь е в Б.А. Медвежий праздник. - СЭ, 1948, № 4, с.78-104.
- В а с и л ь е в с к и й Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре: (некоторые предварит. результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967-1974 гг.). - В кн.: Древние культуры Приангарья. - Новосибирск, 1978, с.131-150.
- В о л к о в В.В. Погребение в Норовлин уула (Монголия). - В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1975, с.76-79.
- Г е о р г и е в с к а я Г.М. Неолитический могильник на Усть-Белой. - Изв. СО АН СССР, 1974, № 6, Сер. обществ. наук, вып. 2, с.107-113.
- Г е р а с и м о в М.М. Палеолитическая стоянка Мальта: (Раскопки 1956-1957 гг.). - СЭ, 1958, № 3, с.28-52.
- Г о р ь н о в а О.И. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая П. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск, 1974, вып. 2, с.129-140.
- Г о р ь н о в а О.И. К вопросу о сидячих погребениях в Прибайкалье. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск, 1975, вып. 3, с.171-175.
- [Г о р ь н о в а О.И.] Работы Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (1970-1974 гг.). М.П. Аксенов, О.И. Горьнова, Н.И. Дроздов, И.Л. Леженко, Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск, 1974а, вып. 2, с.166-167.
- Г о х м а н И.И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги. - КСИЭ, 1954, вып. 20, с.59-67.
- Г р я з н о в М.П. Древняя бронза Минусинских степей. - Тр. / Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, 1941, т.1, с.237-271.
- Г у р ь н а Н.Н. Оленеостровский могильник. - М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 431 с. - (ММА; №47).
- Д е б е ц Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита. - Рус. антропол. журн., 1930, т.19, вып. 1-2, с.7-50.
- Д е б е ц Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя: (К вопросу о миграциях в доклассовом обществе). - Антропол. журн., 1932, № 2, с.26-48.
- Д е б е ц Г.Ф. Палеоантропология СССР. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 392 с. - (ТИЭ. Нов. сер. Т.4).
- Д е б е ц Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. - М.: Изд-во АН СССР, 1951. - 264 с. - (ТИЭ. Нов. сер.; Т.17).
- Д е б е ц Г.Ф. Древний череп из Якутии. - КСИЭ, 1956, вып. 25, с.60-63.
- Д и к о в Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. - Улан-Удэ, 1958. - 105 с., 33 табл. рис.
- Д е р ж Д. Неолит Восточной Монголии. - Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1971. - 171 с.
- Д р о з д о в Н.И. Копенское погребение с антропоморфными фигурками из обивки мамонта. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974, вып. 1, с.229-236.
- Д ь я к о в а В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. - Л.: Наука, 1975. - 164 с.
- З а й ц е в И.А. Программа полевого описания погребений. - В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 5-7 апр. 1978 г. - Иркутск, 1978, с.74-75.
- З а й ц е в И.А., С в и н и н В.В. Могильник раннего железного века Хужир-П (о-в Ольхон

на Байкале). - В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 5-7 апр. 1978 г. - Иркутск, 1978, с.39-41.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-нач. XX в.: Сметный рисунок и другие виды изображений на плоскости. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. - 839 с. (Тиз. Нов. сер.; Т.22).

Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX-пер. пол. XX в. - Л.: Наука, 1970. - 296 с.

Иванов С.В. Маски народов Сибири. - Л., 1975. - 47 с.

Казанцев А.И., Хороших П.П. Два бурятских погребения. - Бурятовед. сб., 1929, вып.5, с.65-75.

Казанцев А.И., Хороших П.П. Старинные бурятские погребения на острове Ольхон. - В кн.: Тр. / БКНИИ, 1962, вып.10, с.179-188.

Коновалов И.А. Новые исследования по древним культурам острова Ольхона и их значение для проблемы древних этнических взаимоотношений в Прибайкалье. - В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. всесоюз. конф. 18-21 дек. 1973 г. - Новосибирск, 1973, с.51-52.

Косарев М.Ф. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. - СА, 1963, № 4, с.20-26.

Крижевская Л.Я. Неолит поселения в устье р.Белой: (по материалам раскопок 1957-1959 гг.). - В кн.: Древние культуры Приангарья. - Новосибирск, 1978, с.69-95.

Левин М.Г. К вопросу о древнем заселении Сибири. - СЭ, 1950, № 3, с.157-160.

Левин М.Г. Древний череп с реки Шилки. - КСИЭ, 1953, вып.18, с.69-75.

Левин М.Г. Антропологический материал из Верхленского могильника. - Тиз. Нов. сер., 1956, т.33, с.299-339.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 359 с. - (Тиз. Нов. сер.; Т.36).

Лежненко И.Л., Михнюк Г.Н. Раскопки нового могильника в верхнем Приангарье. - В кн.: Археологические открытия 1972 года. - М., 1973, с.223-224.

Лозе И.А. Костяная и роговая скульптура эпохи неолита на территории Латвии. - Изв. АН Латв. ССР, 1969, вып.11, с.33-48.

Мамонтова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным. - В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. - М., 1973, с.18-28.

Мамонтова Н.Н. Население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии: (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита). - В кн.: Палеоантропология Сибири. - М., 1980, с.64-88.

Матюшин Г.Н. Неолитическое поселение и погребение у г.Давлеканово на Южном Урале. - СА, 1970, № 4, с.160-168.

Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки "Царь-Девича". - Учен. зап. / ВСОУС, Иркут. обл. музей краеведения, 1971, вып.4, ч.1. Вопросы истории Сибири, с.30-44.

Медведев Г.И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий: (номенклатура деталей наглядных моделей). - В кн.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников: Тез. к Вост.-Сиб. регион. совещ. по этногр. и координации археол. исслед. палеолита, мезолита, неолита. - Иркутск, 1972, с.21-42.

Медведев Г.И. Некоторые замечания об эволюции форм наконечников гарпунов в мезолите, неолите и энеолите Приангарья. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири: Межвуз. сб. - Иркутск, 1978, вып.4, с.114-120.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. - М., 1976. - 132 с.

Наркельн Л.Ф. Меденосные осадочные формации южной части Сибирской платформы: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. геол.-минерал. наук. - Иркутск, 1972. - 48 с.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII - XVIII вв.). - Л.: Сопекгиз, 1937. - 428 с.

Окладников А.П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.). - СА, 1937а, т.4, с.319-322.

Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. - ВДИ, 1938, № 1, с.244-260.

Окладников А.П. Погребение бронзового века в ангарской тайге. - КСИИМК, 1940, вып.8, с.106-112.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этногенезу Сибири и Дальнего Востока. - КСИИМК, 1941, вып.9, с.5-14.

- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Ист.-археол. исследование. Ч.1-2. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 412 с. - (МИА; № 18).
- Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги. - КСИИМК, 1950а, вып.35, с.85-90.
- Окладников А.П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири. - СА, 1950б, т.14, с.7-19.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.3 (Глазковское время). - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - 374 с. - (МИА; № 43).
- Окладников А.П. Шенгинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. - Иркутск: Кн. изд-во, 1959. - 211 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Ангары. - М.; Л.: Наука, 1966. - 322 с.
- Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока. - МИА, 1970, № 166, с.172-193.
- Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). - Новосибирск: Наука, 1974. - 319 с.
- Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р.Белой до Усть-Уды). - Новосибирск: Наука, 1975. - 319 с.
- Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). - Новосибирск: Наука, 1976. - 328 с.
- Окладников А.П. Верхоленинский могильник - памятник древней культуры народов Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - 288 с.
- Окладников А.П., Даричев В.Е. Археологические исследования в Монголии в 1968 г. - Изв.СО АН СССР, 1969, № 6. Сер. обществ. наук, вып.2, с.108-115.
- Окладников А.П., Даричев В.Е., Дорж Д. Новые материалы по неолиту Восточной Монголии (по работам 1968 г.). - В кн.: Монголия эртний туух-соёлн зарим асуудал. - Улаанбаатар, 1972, с.5-34.
- Панковская [Смотровая] Г.И. Раскопки могильника Удьяра на Малом море (озеро Байкал). - В кн.: Науч.-теоретич.коэф. Секция археологии: Тез. докл. 29 марта - 1 апр.1977 г. / Иркут. ун-т.-Иркутск, 1977, с.38-40.
- Петрова Н.А. Некоторые проблемы описания древних могильников. - В кн.: Науч.-теорет. коэф. Секция археологии: Тез. докл. 8-10 апр.1976 г. / Иркут. ун-т.-Иркутск, 1976, с.40-41.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. - М.: Наука, 1969. - 402 с.
- Саркисов В.Р., Свинин В.В. Древнебурятское погребение на Байкале (остров Ольхон). - В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. коэф. 5-7 апр. 1978 г.-Иркутск, 1978, с. 43-44.
- Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 гг. - В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 годы.-Иркутск, 1966, с.50-69.
- Свинин В.В. К вопросу о таежной бронзе Прибайкалья. - Изв. / ВСОГО, 1970, т.67, с.65-73.
- Свинин В.В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири.-Иркутск, 1974, вып.2, с.7-24.
- Свинин В.В., Зайцев М.А., Базалийский В.И., Зоробьев А.М., Николаенко С.Н., Саркисов В.Р. Курьканские могильники Харанса-I и Харанса-II на Ольхоне. - В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион коэф. 5-7 апр.1978 г.-Иркутск, 1978, с.41-43.
- Свинин В.В., Базалийский В.И., Зайцев М.А., Николаенко С.Н., Саркисов В.Р. Исследования курьканского могильника Харанса I в 1978-1979 гг. - В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион коэф. 25-27 марта 1980 г.-Иркутск, 1980, с.120-122.
- Седякина Е.Ф. Могильник Усть-Талькин. - Тр. / БКНИИ, 1965, вып.16. Сер. востоковедная. Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып.2, с.196-202.
- Сергеева Н.Ф. К вопросу о характеристике рудной базы Прибайкалья в эпоху бронзы. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири.-Иркутск, 1974, вып.2, с.141-145.
- Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия юга Восточной Сибири: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. - Новосибирск, 1977. - 19 с.
- Сергеева Н.Ф. К вопросу древнейшей металлургии меди юга Восточной Сибири. - В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион, коэф. 5-7 апр.1978 г.-Иркутск, 1978, с.76-77.
- Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1981. - 152 с.

- Смотрова В.И. Погребальный инвентарь могильника Шумилиха. - В кн.: Науч.-теорет. конф. Секция археологии: Тез.докл. 8-10 апр.1976 г. / Иркут. ун-т.-Иркутск, 1976, с.42-43.
- Смотрова В.И. Комплексы сидячих погребений в Прибайкалье. - В кн.: Науч.-теорет. конф. Секция археологии: Тез.докл. 29 марта - 1 апр.1977 г. / Иркут.ун-т.-Иркутск,1977,с.31-33.
- Смотрова В.И.,Смотрова [Панковская] Г.И., Горьнова О.И. Раскопки могильника Улярба на оз.Байкал. - В кн.: Археологические открытия 1976 года.-М., 1977, с.244.
- Смотрова [Панковская] Г.И. Искусство малых форм могильника Шумилиха. - В кн.: Науч.-теорет.конф. Секция археологии: Тез.докл. 8-10 апр.1976 г. / Иркут.ун-т.-Иркутск, 1976, с.43-45.
- Студзипкая С.В. Бронзовый кинжал из собрания ГИМ. - В кн.: Древности Восточной Европы.-М., 1969, с.227-229. - (МИА; № 169).
- Студзипкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. - В кн.: Экспедиции Государственного исторического музея.-М.,1969а, с.39-63.
- Студзипкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика). - СА, 1970, № 1, с.19-33.
- Студзипкая С.В. Искусство енисейских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. - В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири.-М., 1973, с.183-190.
- Студзипкая С.В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб. - В кн.: Из истории Сибири.-Томск, 1976, вып.21, с.74-89.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР: Ист.основы быта и культуры. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - 615 с.
- Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале. - КСИА, 1964, вып.97, с.25-32.
- Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). - Иркутск, 1924. - 50 с.
- Хороших П.П. Энеолитическое погребение на берегу оз.Байкала.-СА,1957,№ 4,с.153-155.
- Хороших П.П. Археологические находки в зоне строительства Братской ГЭС. - Зап. / Иркут. обл. краевед. музей, 1958, [вып.1], с.29-42.
- Хороших П.П. Знаки на костях ископаемых животных. - Изв. / ВСОГО,1967,т.65,с.176-177.
- Чернецов В.Н. О приемах сопоставления наскальных изображений.-СЭ,1969,№4,с.107-113.
- Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита. - В кн.: Тез.докл. на заседаниях, посвящ.итогам полевых исслед.1969 г.-М.,1970,с.67-68.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. - М.: Наука, 1971. - 120 с.- (Археология СССР. САМ. В4-12 /2/).
- Чернецов В.Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. - В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири.-М., 1973, с.10-17.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. - М.: Наука, 1970. - 180 с.
- Эдинг Д.Н. Идолы Горбуновского торфяника. - СА, 1937, № 4, с.133-146.
- Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. - М., 1940.- 104 с. - (Тр. / ГИМ; Вып.10).
- J a a n i t s L. Neue Graberfunde auf dem Spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. - Aikakauskirja Finska Fornminnesforeningens Tidskrift, 58. Helsinki, 1957.
- M a t j u s t s c h e n k o V.I. Zur Kunst der alten Stamme am der Mündung des Tom. - In: Kulonlenyomat a Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Volker.Budapest, 1963.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л. Отчет о полевых исследованиях на новом могильнике Шумилиха в южном Приангарье.-Иркутск,1973. - 28 л. 59 ил. - Архив Лаборатории археологии и этнографии ИГУ; № 550.
- Горьнова О.И. Отчет о полевых исследованиях на древнем могильнике Усть-Белая II в южном Приангарье.-Иркутск,1974.-23 л.44 ил.-Архив Лаборатории археологии и этнографии ИГУ; № 549.
- Грязнов М.П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 г.-Л.,1960.-242 л.- Архив Ин-та археологии АН СССР; Р-1, № 2023. *

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БКИНИИ	- Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР
ВДИ	- Вестник древней истории
ВСОГО	- Восточно-Сибирский отдел Географического общества СССР
ГИМ	- Государственный исторический музей в г.Москве
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
САИ	- Свод археологических источников
СМАЭ	- Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
СА	- Советская археология
СЭ	- Советская этнография
ТИЭ	- Труды Института этнографии АН СССР
Тр.ГИМ	- Труды Государственного исторического музея

НУМЕРАЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

Новая	Старая	Новая	Старая
Погр. № 1	№ 25 (1972)	Погр. № 27	№ 5 (1972)
Погр. № 2	№ 26 (1972)	Погр. № 28	№ 37 (1973)
Погр. № 3	№ 24 (1972)	Погр. № 29	№ 43 (1973)
Погр. № 4	№ 38 (1973)	Погр. № 30	№ 15 (1972)
Погр. № 5	№ 29 (1973)	Погр. № 31	№ 14 (1972)
Погр. № 6	№ 13 (1972)	Погр. № 32	№ 40 (1973)
Погр. № 7	№ 12 (1972)	Погр. № 33	№ 21 (1972)
Погр. № 8	№ 41 (1973)	Погр. № 34	№ 9 (1972)
Погр. № 9	№ 8 (1972)	Погр. № 35	№ 35 (1973)
Погр. № 10	№ 17 (1972)	Погр. № 36	№ 10 (1972)
Погр. № 11	№ 45 (1973)	Погр. № 37	№ 11 (1972)
Погр. № 12	№ 18 (1972)	Погр. № 38	№ 36 (1973)
Погр. № 13	№ 28 (1973)	Погр. № 39	№ 1 (1972)
Погр. № 14	№ 33 (1973)	Погр. № 40	№ 32 (1973)
Погр. № 15	№ 30 (1973)	Погр. № 41	№ 31 (1973)
Погр. № 16	№ 39 (1973)	Погр. № 42	№ 44 (1973)
Погр. № 17	№ 34 (1973)	Погр. № 43	№ 27 (1972)
Погр. № 18	№ 16 (1972)	Погр. № 44	№ 2 (1972)
Погр. № 19	№ 19 (1972)	Погр. № 45	№ 23 (1972)
Погр. № 20	№ 22 (1972)		
Погр. № 21	№ 20 (1972)		
Погр. № 22	№ 42 (1973)		
Погр. № 23	№ 6 (1972)		
Погр. № 24	№ 4 (1972)		
Погр. № 25	№ 3 (1972)		
Погр. № 26	№ 7 (1972)		

ПРИЛОЖЕНИЕ

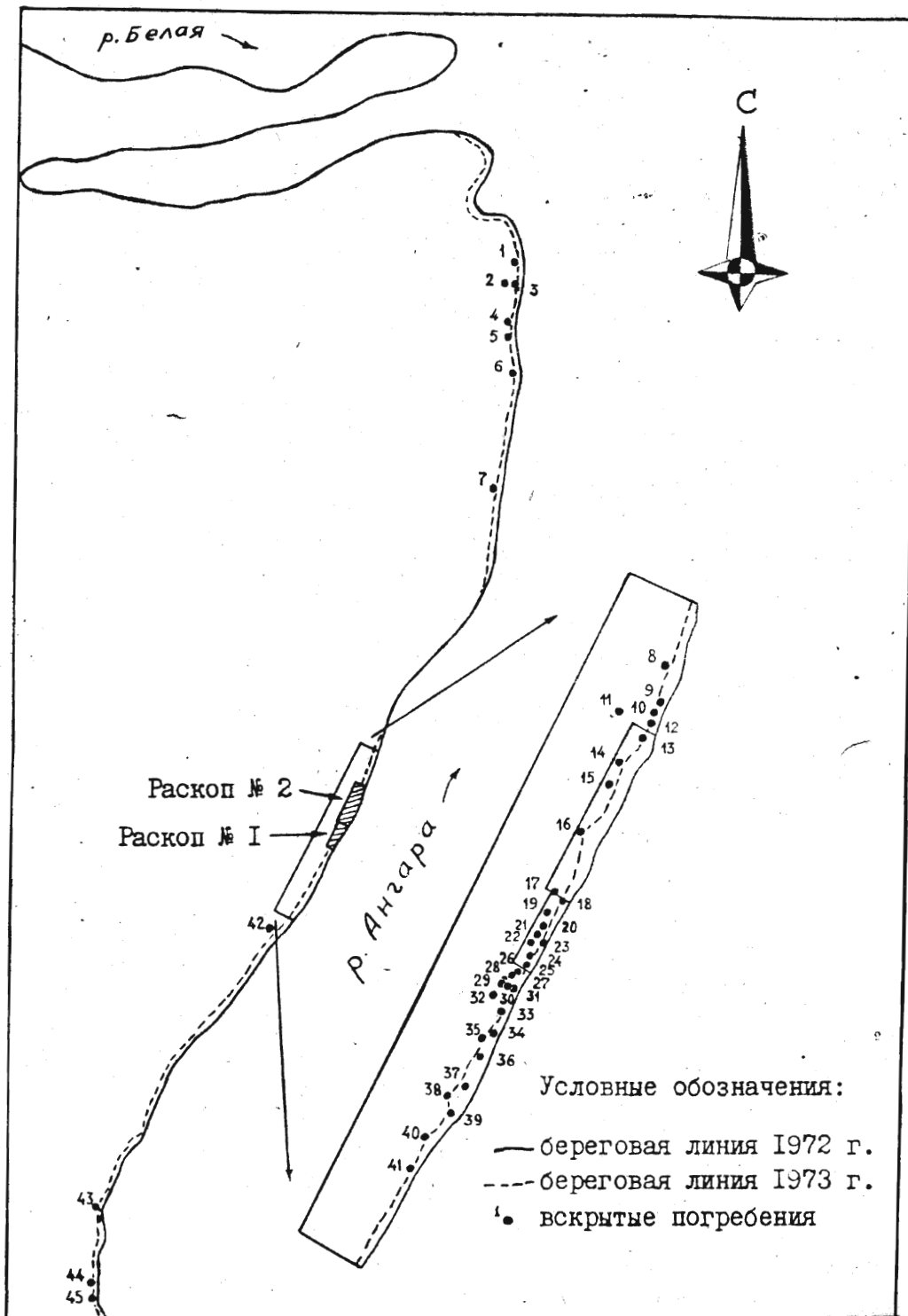

Рис. I. Ситуационный план могильника Шумилиха

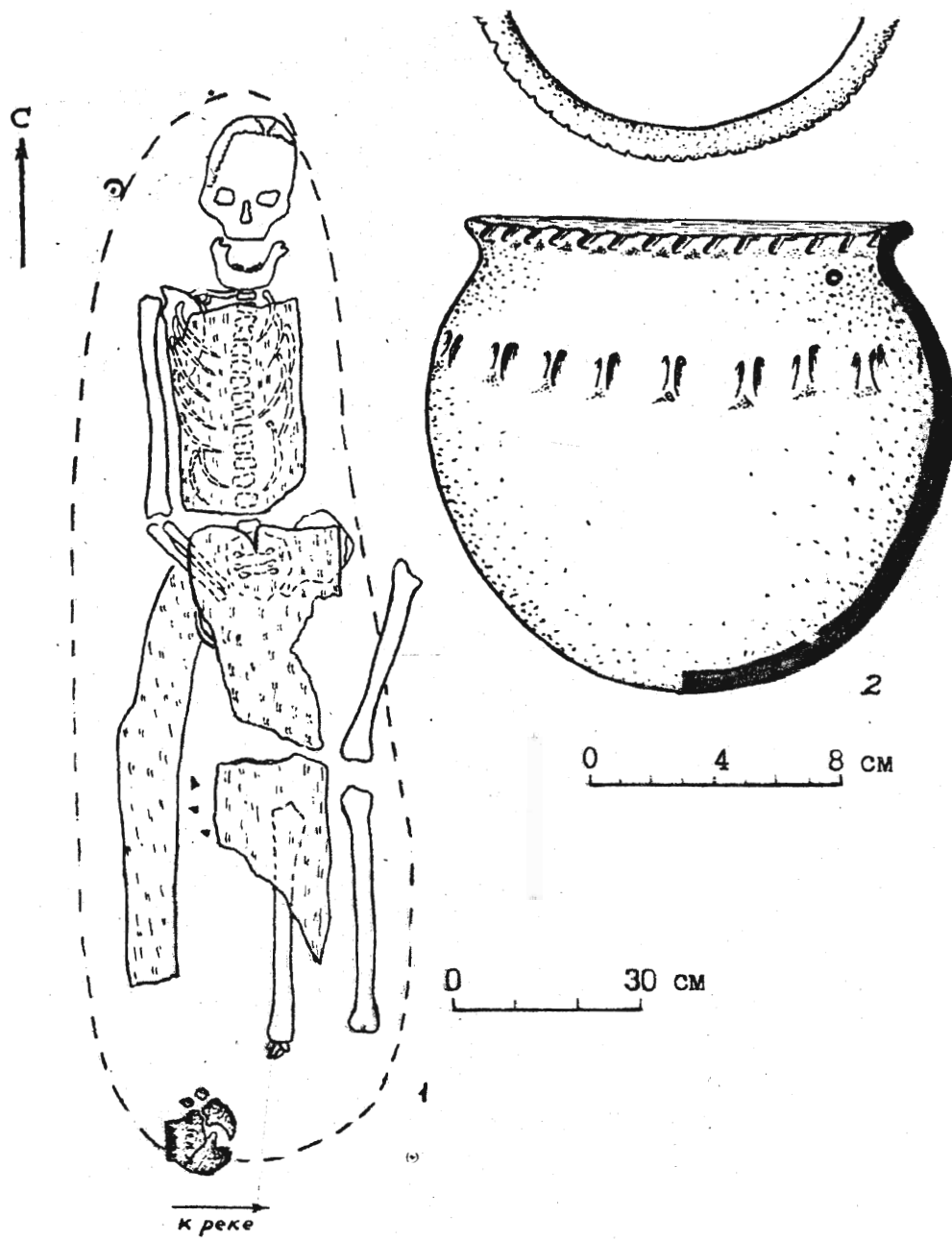

Рис.2. Погребение № I: 1 - план; 2 - глиняный сосуд

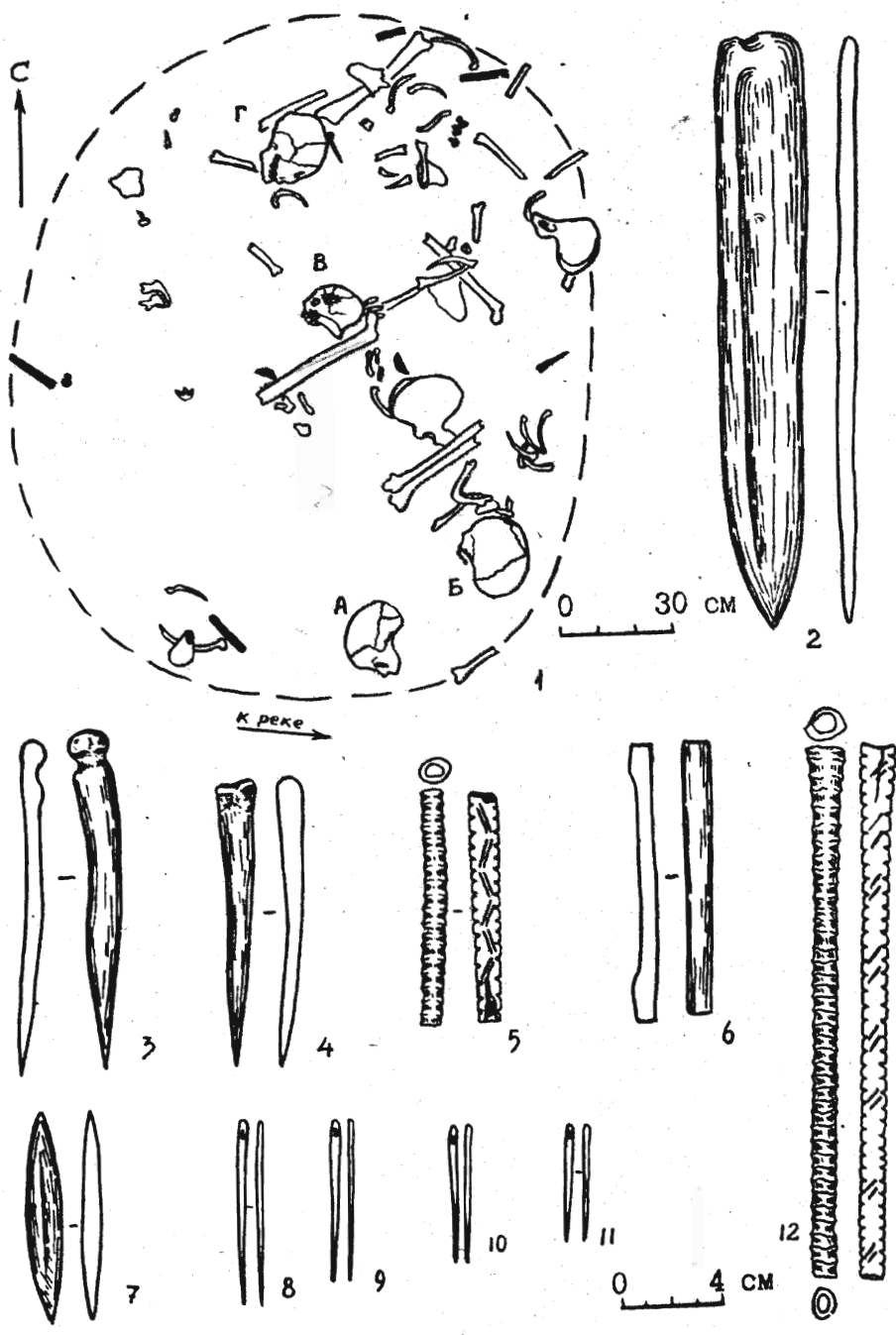

Рис.3. Погребение № 2: 1 - план; 2-12 - инвентарь

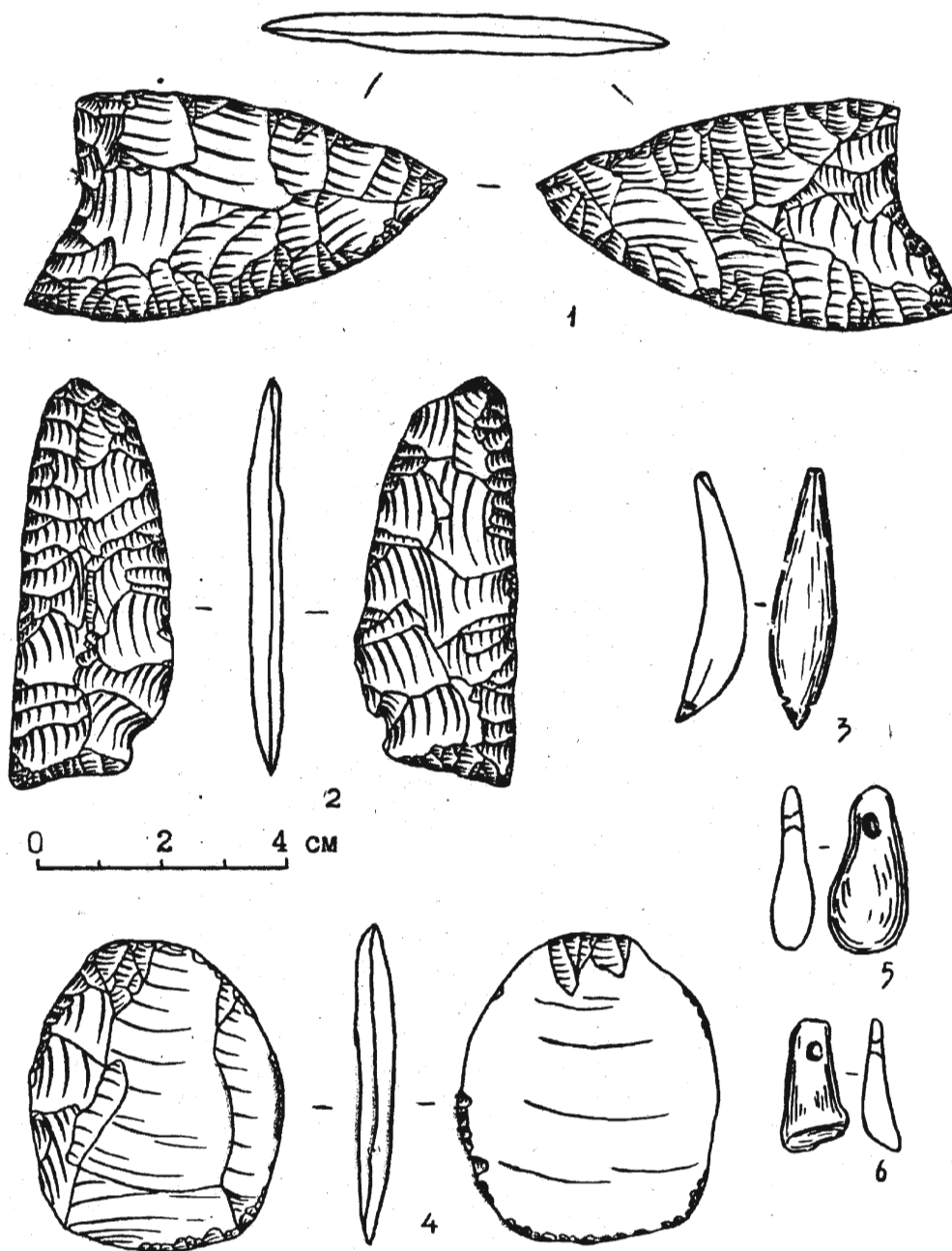

Рис.4. Погребение № 2. Инвентарь

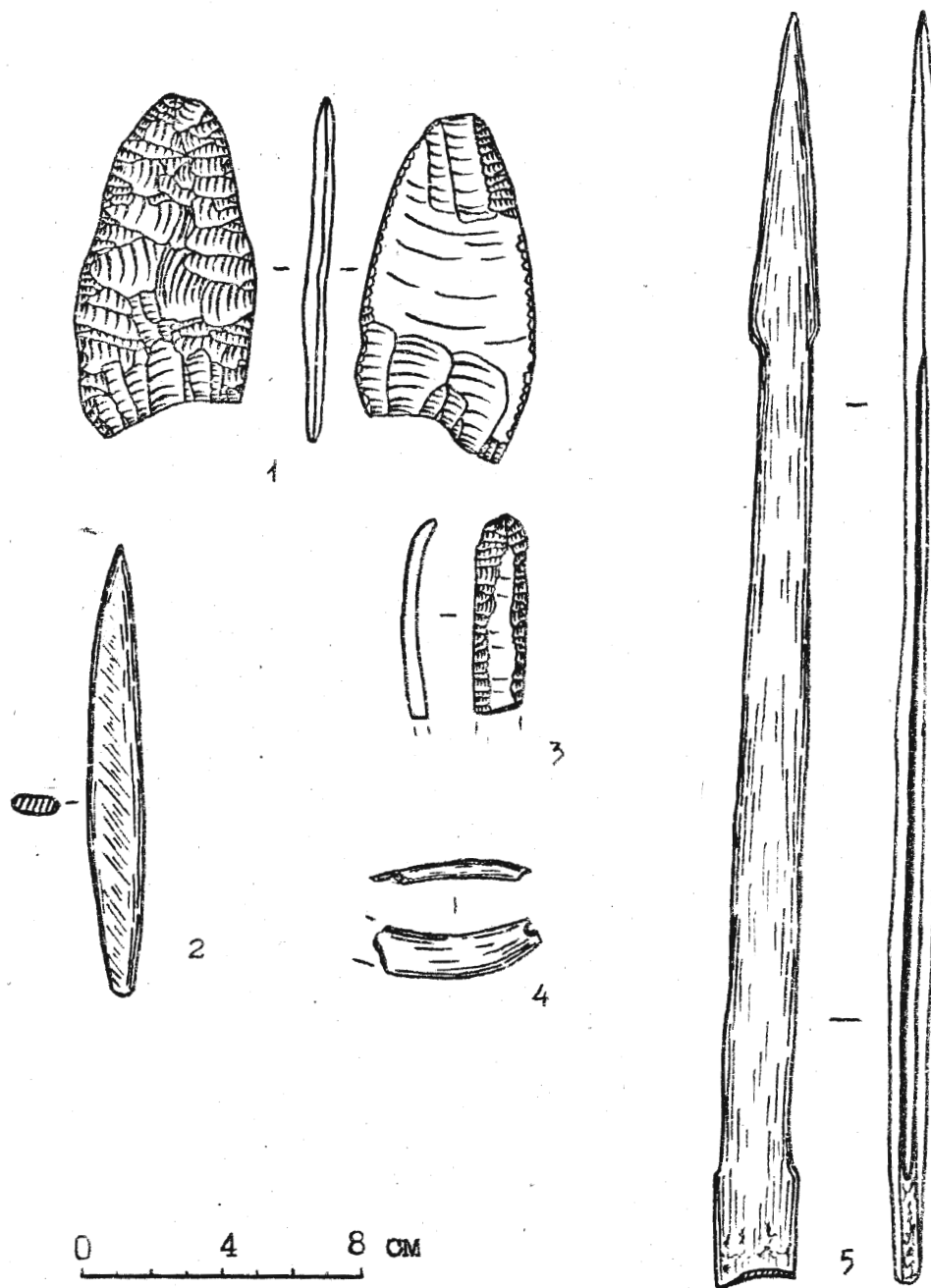

Рис.5. Инвентарь из погребений № 3 (1-2);
№ 18 (3-4); № 13 (5)

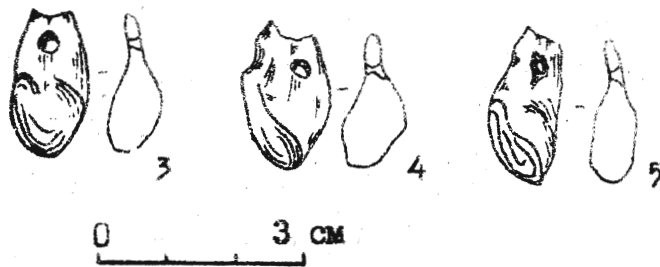
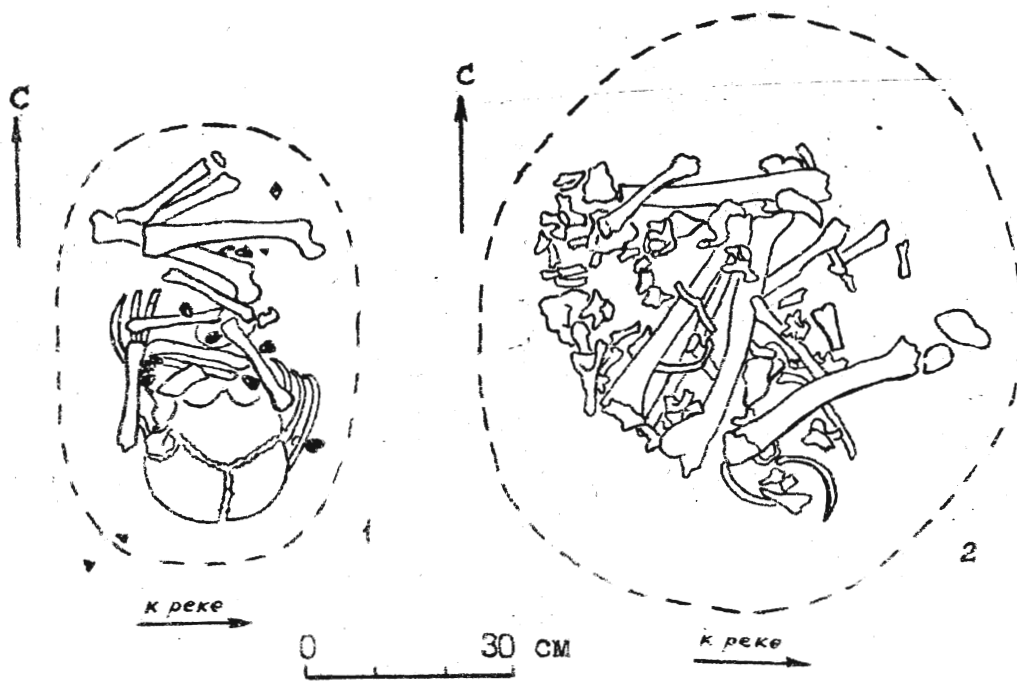

Рис. 6. Планы погребений № 5 (1), № 4 (2).
Подвески из погребения № 5 (3-5)

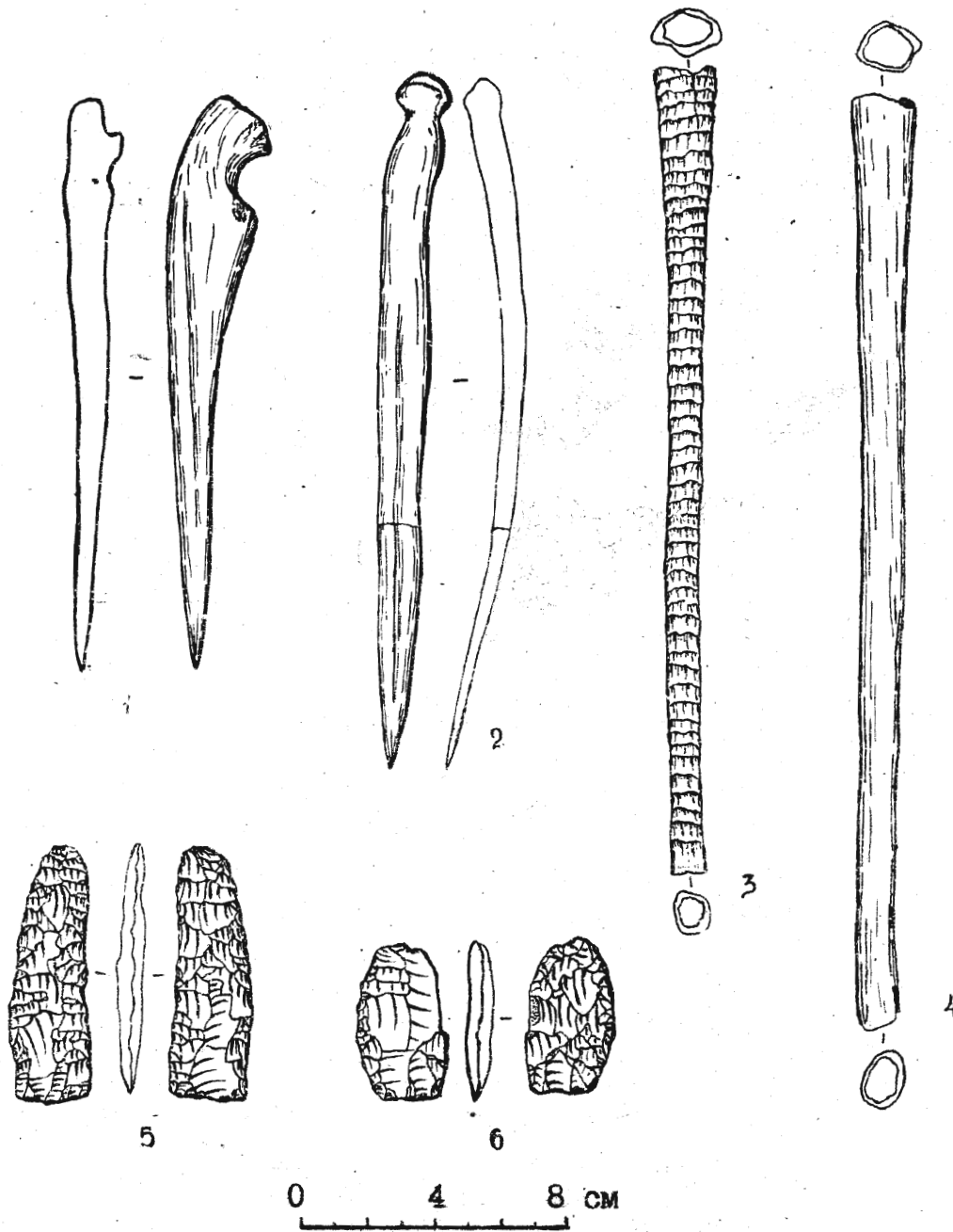

Рис.7. Инвентарь погребения № 6

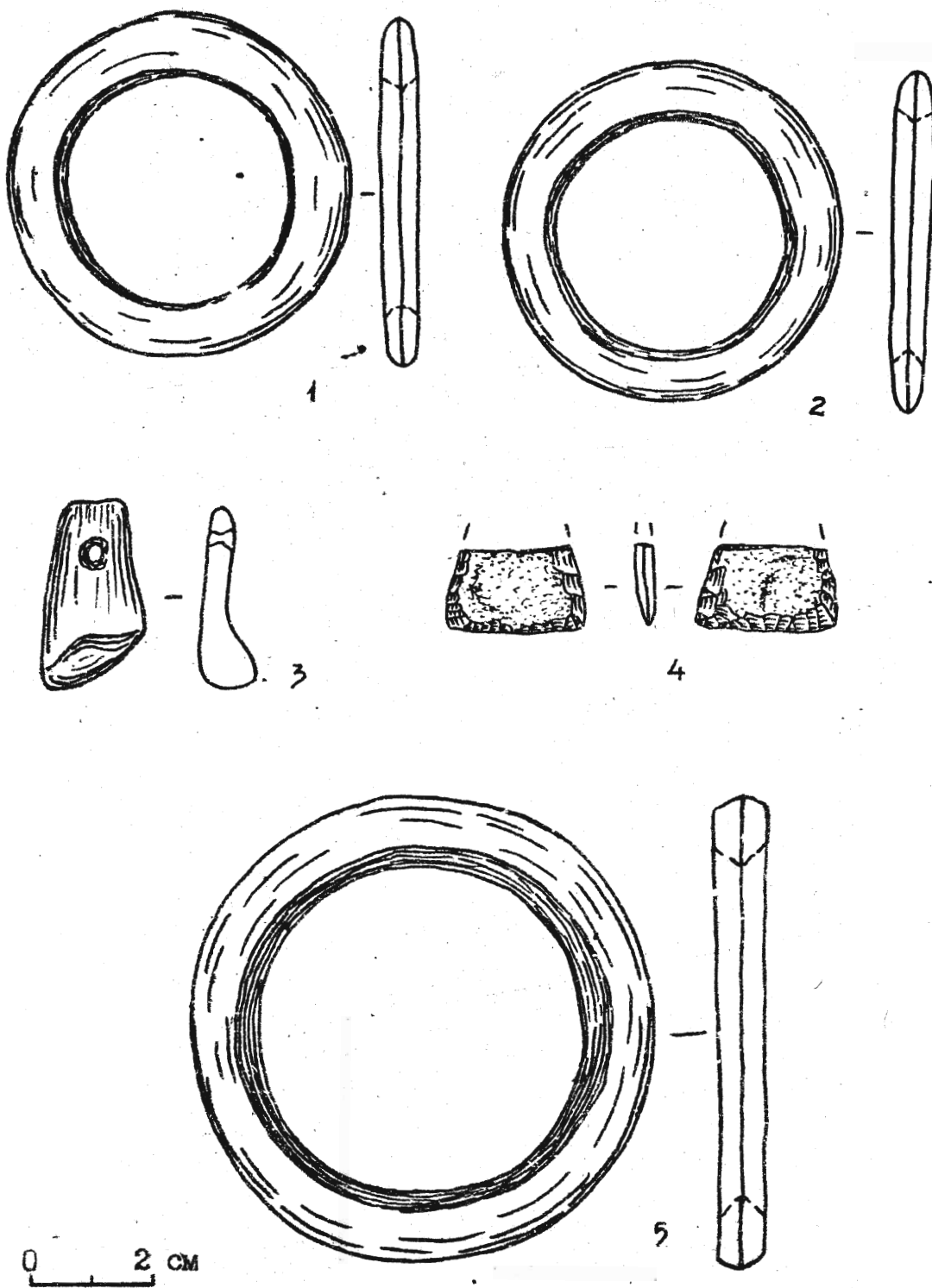

Рис.8. Инвентарь из погребений № 7 (1-2), № 8 (3-5)

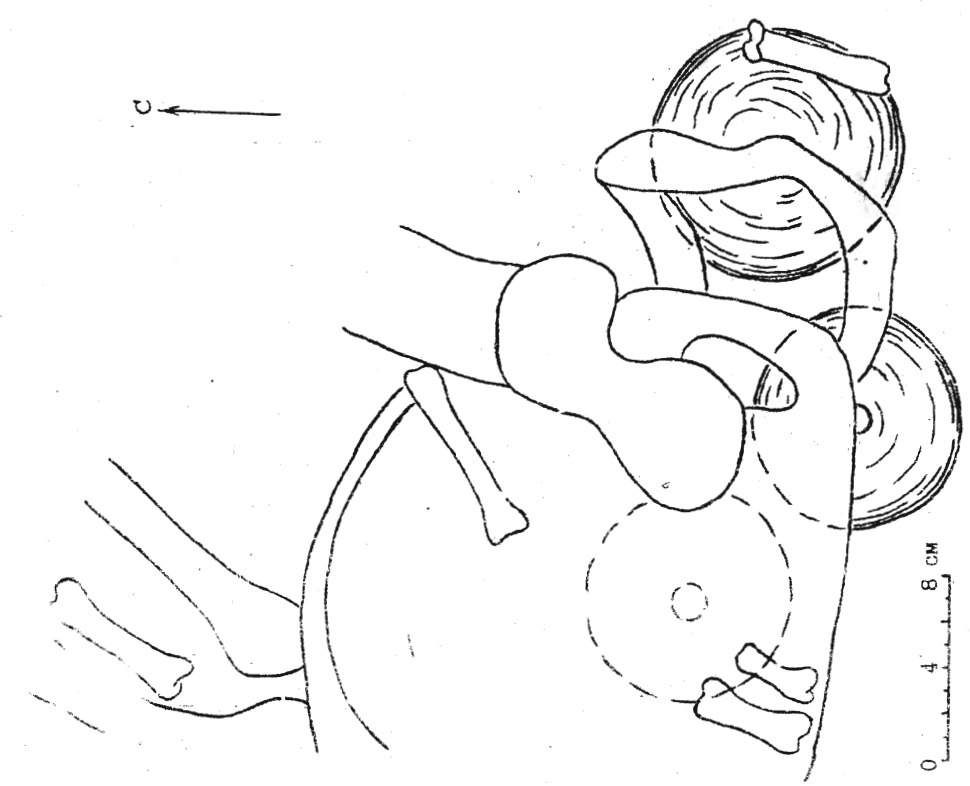

Рис. 10. Деталь погребения № 9

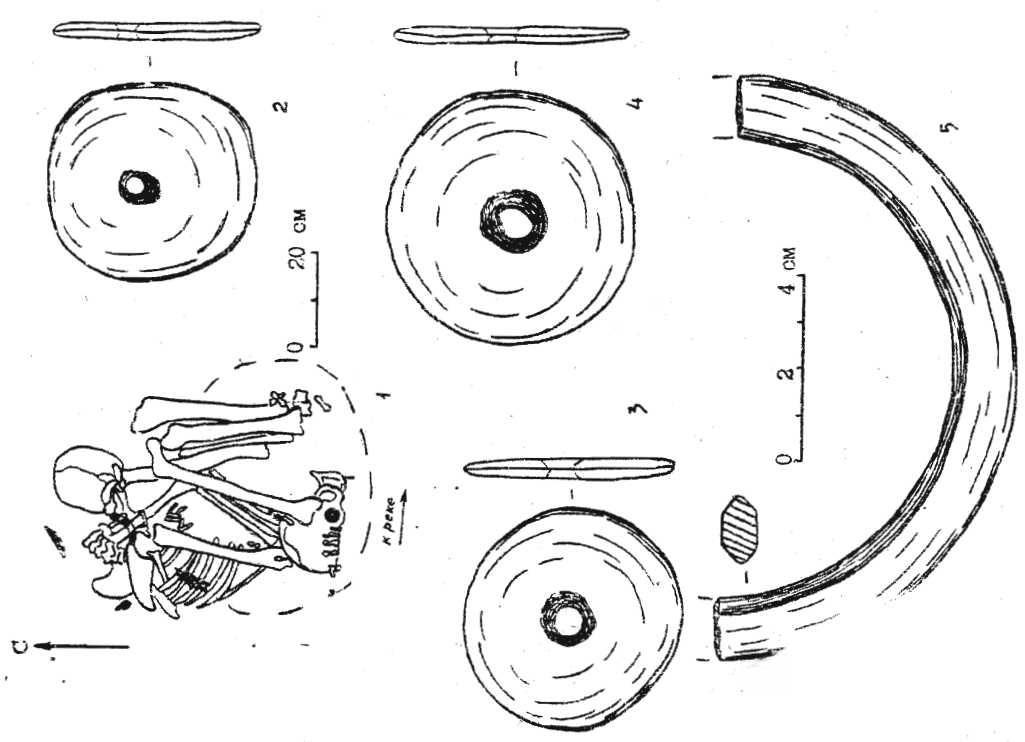

Рис. 9. Погребение № 9: 1 - план; 2-5 - инвентарь

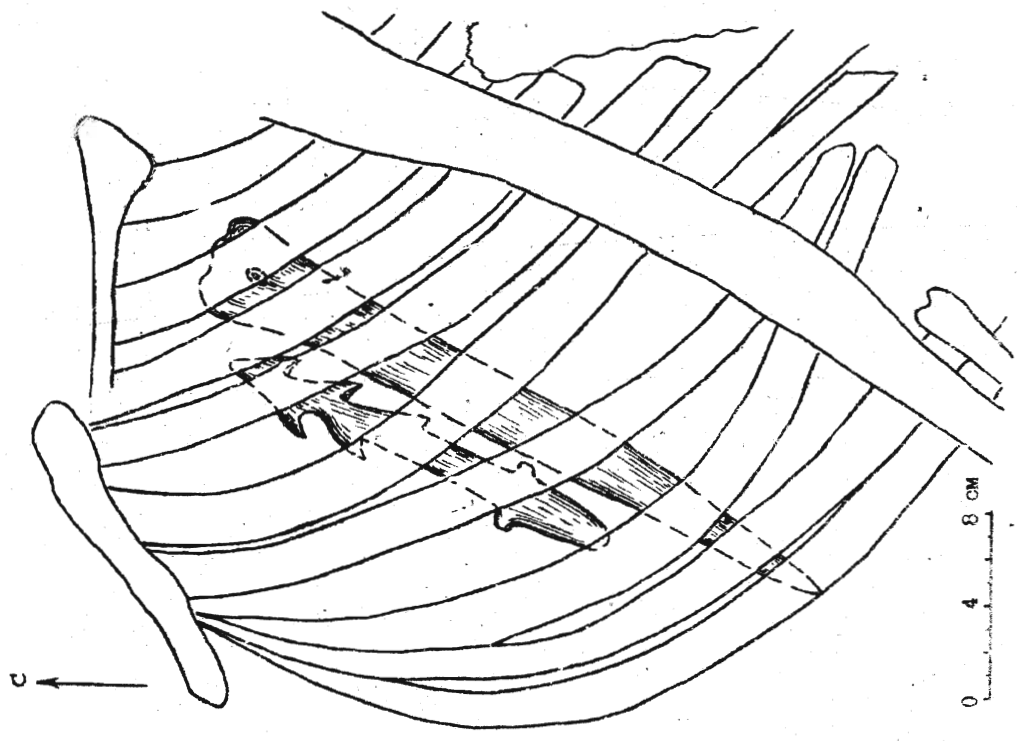

Рис. 12. Деталь погребения № 9

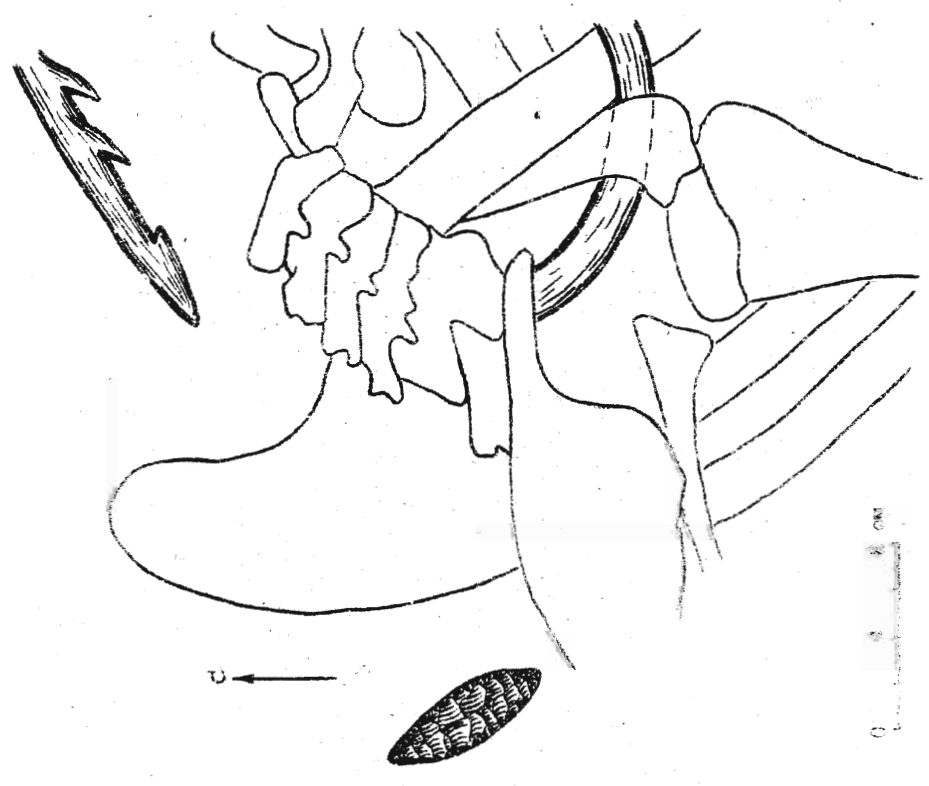

Рис. 11. Деталь погребения № 9

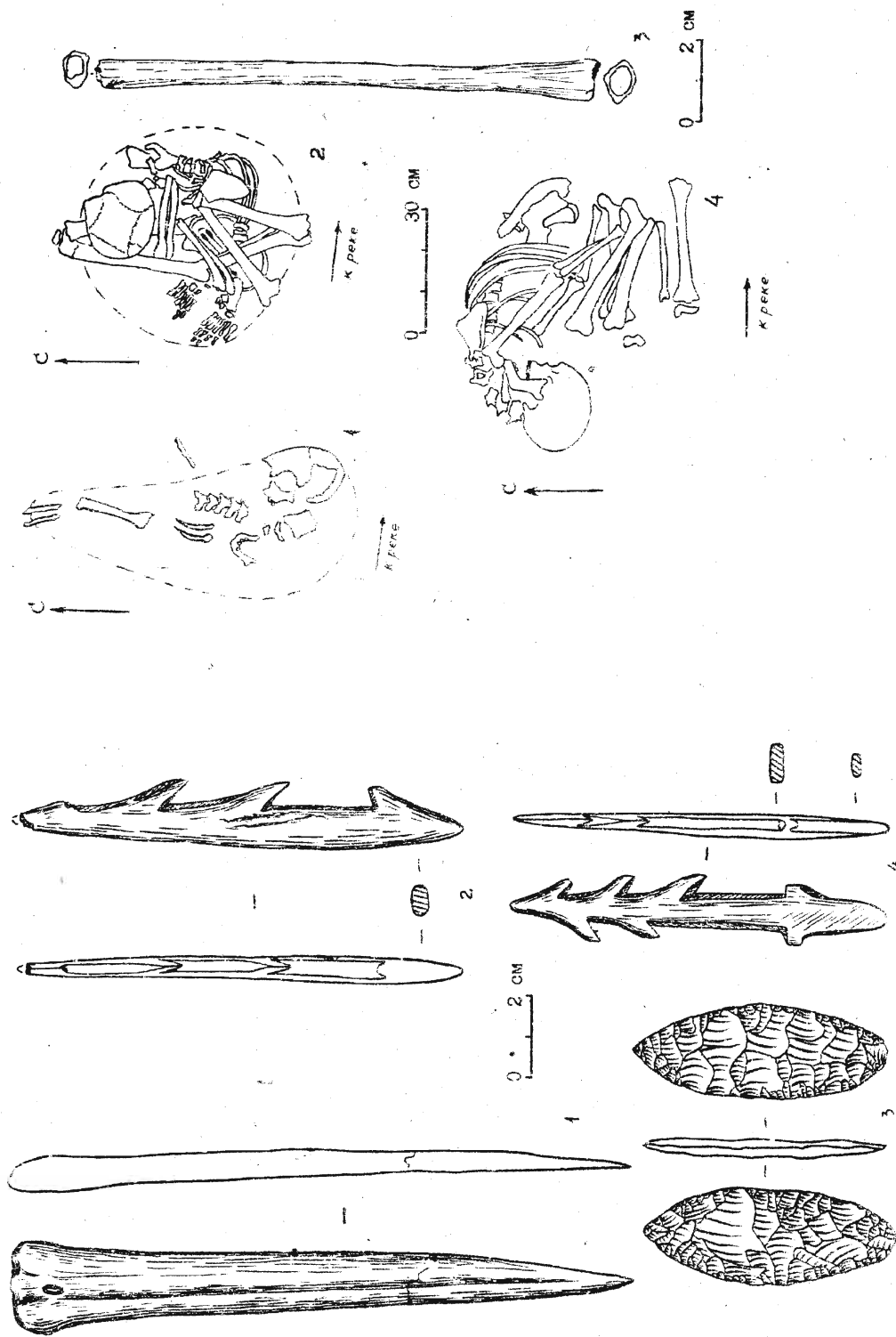

Рис. 14. Планы погребений № 12 (1), № 10 (2),
 № 11 (4), Погребения из погребения № 12 (3).

Рис. 13. Иллюстрация к рис. 14.

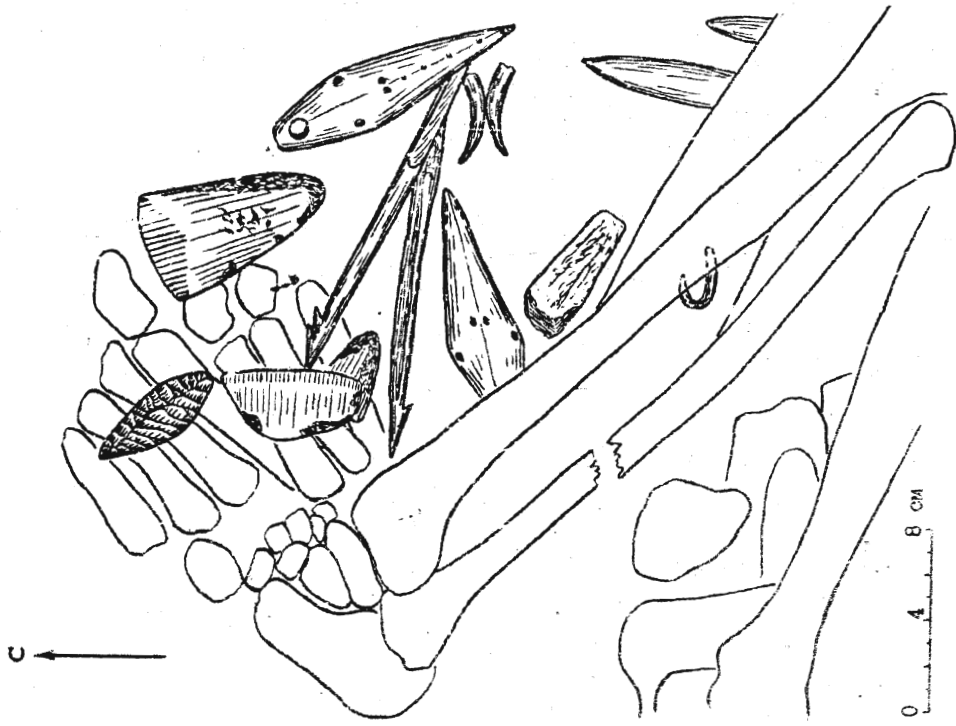

Рис. 16. Деталь погребения № 14

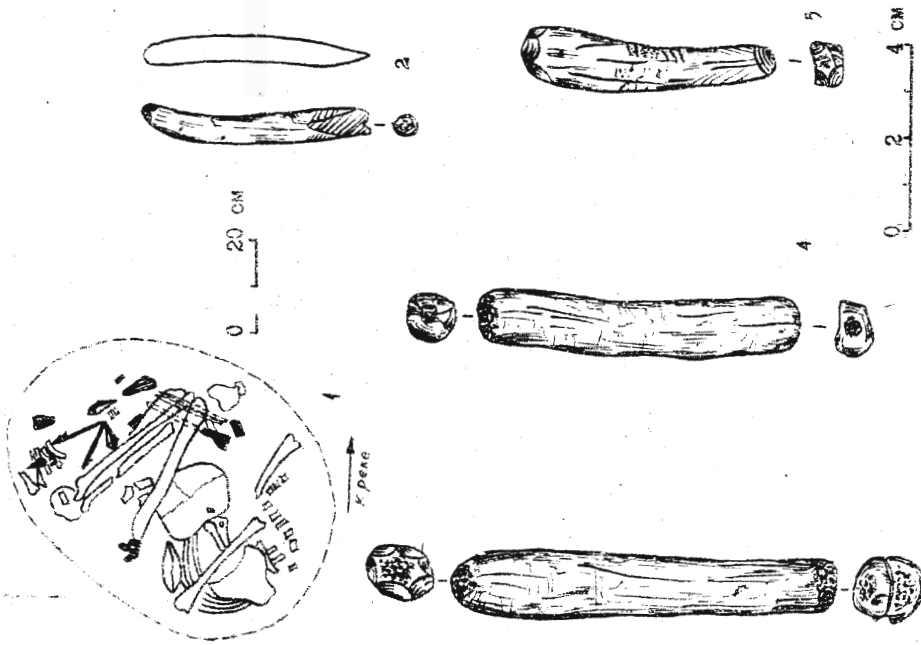

Рис. 15. Погребение № 14: 1 - план; 2-5 - отжимники из кости

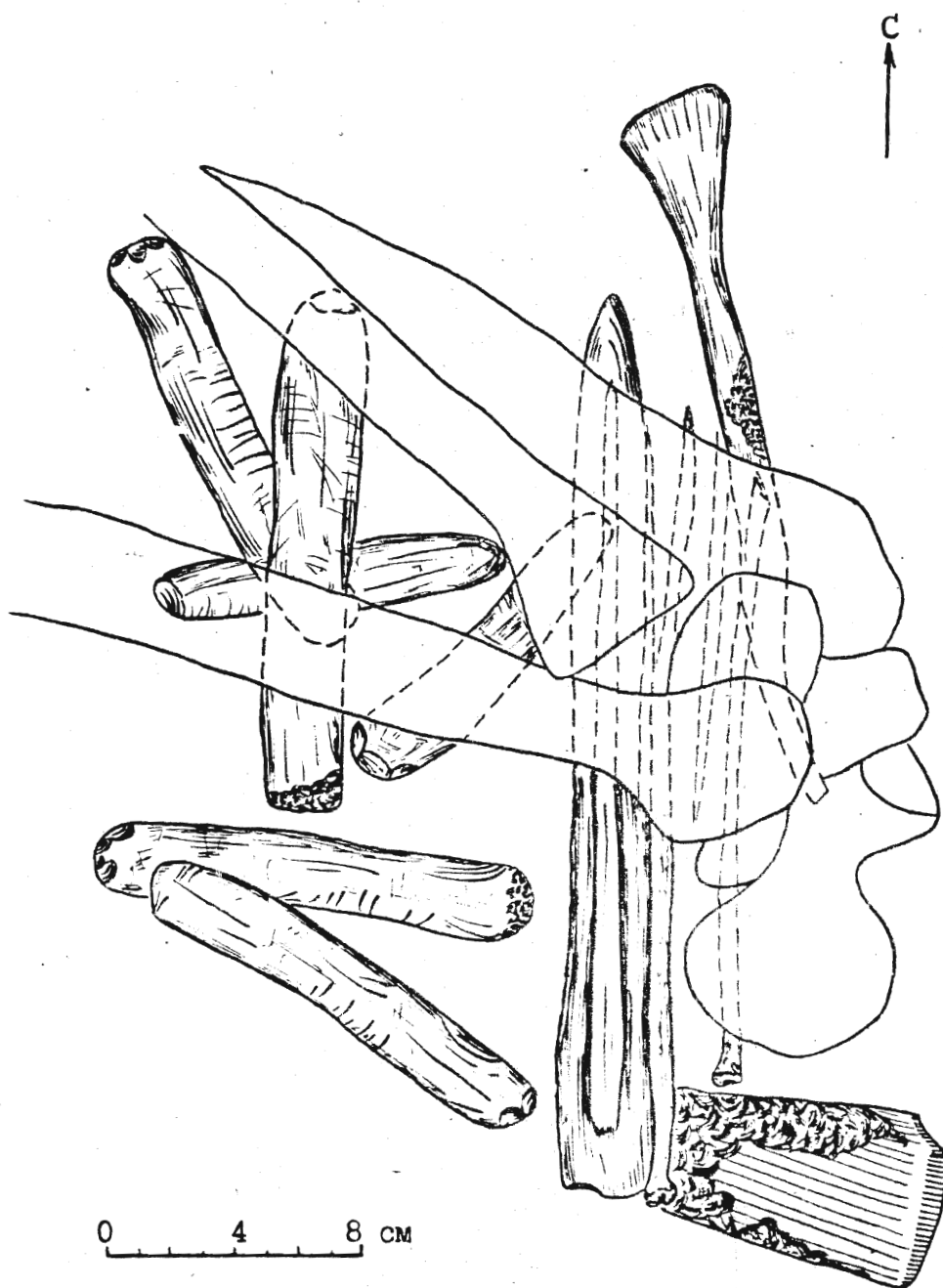

Рис. I7. Деталь погребения № 14

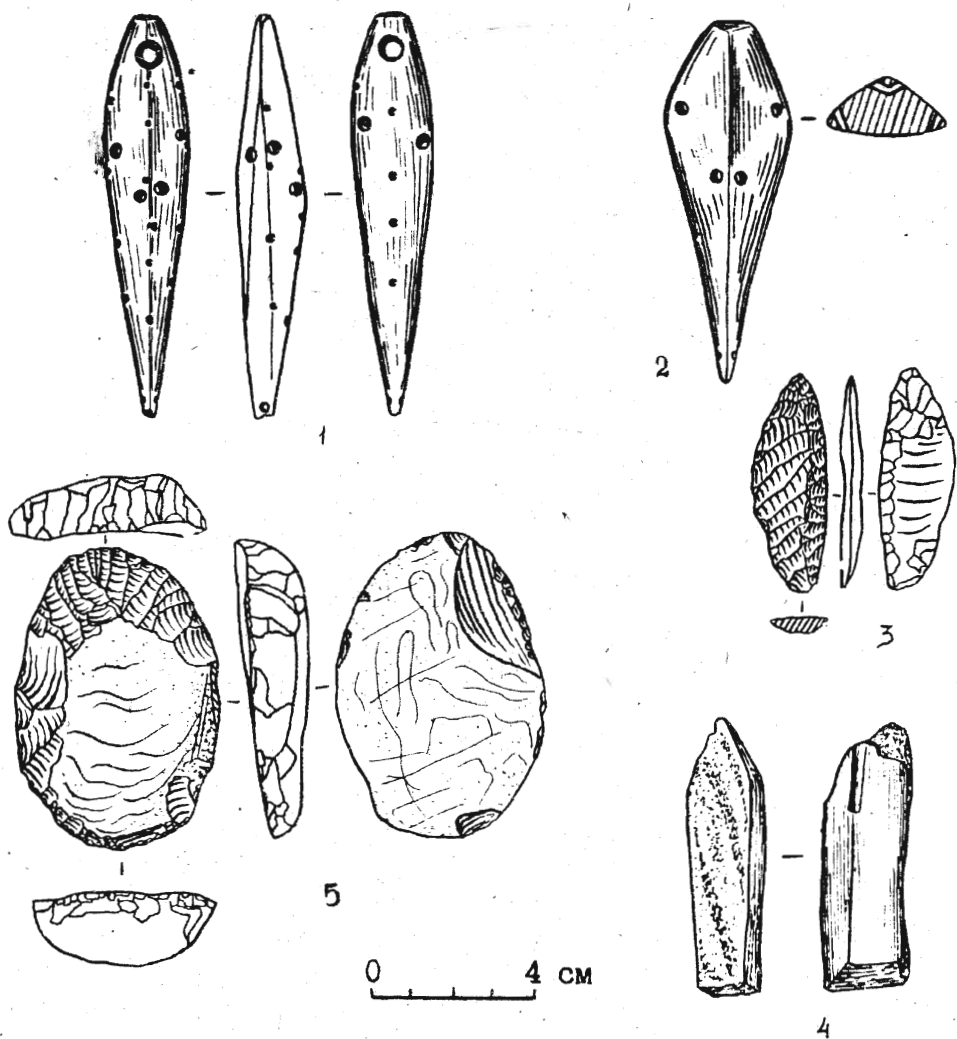

Рис.18. Погребение № 14: 1-4 - инвентарь; 5 - скребок
из засыпки могильной ямы

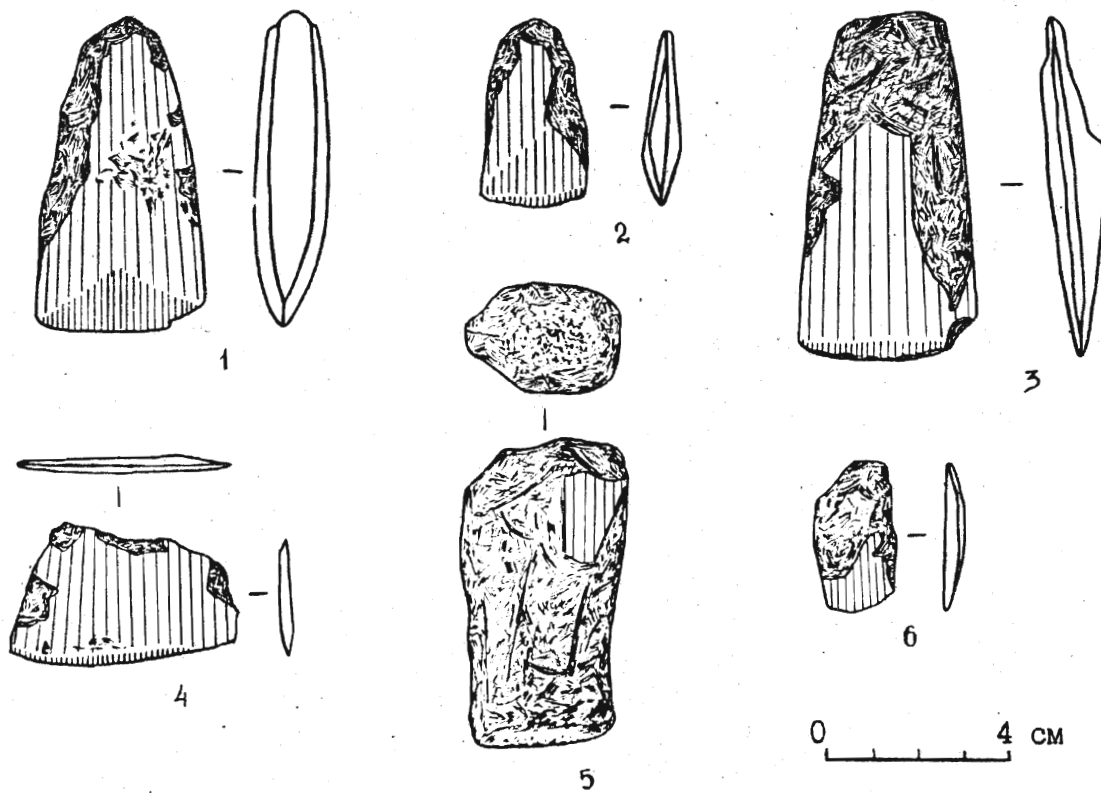

Рис.19. Погребение № 14. Изделия из нефрита

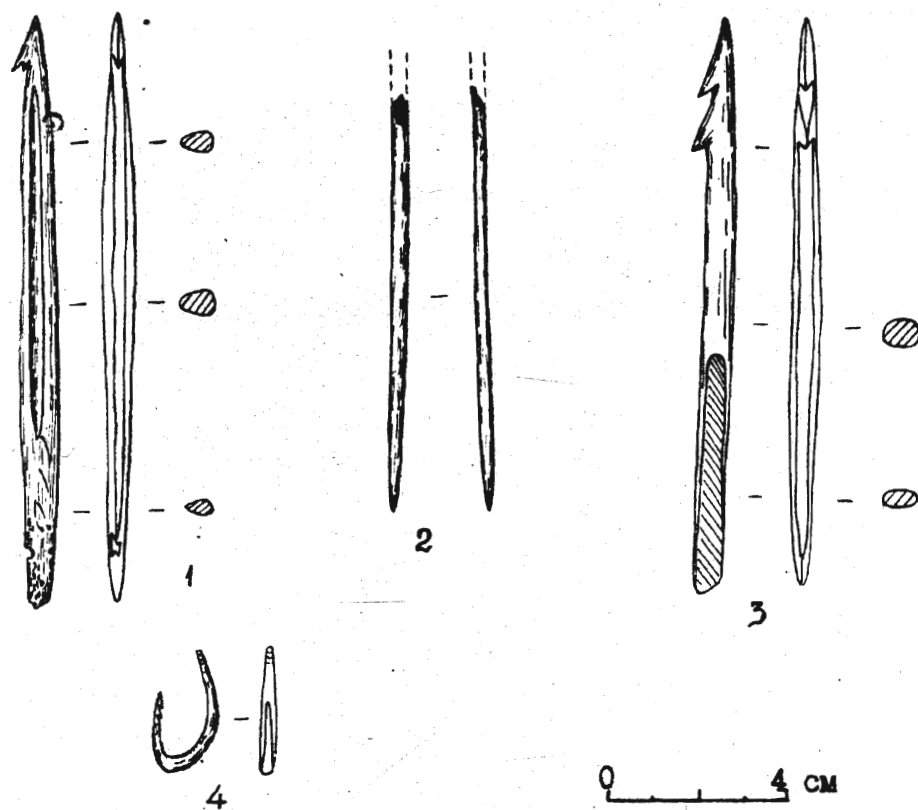

Рис.20. Погребение № 14. Орудия из кости

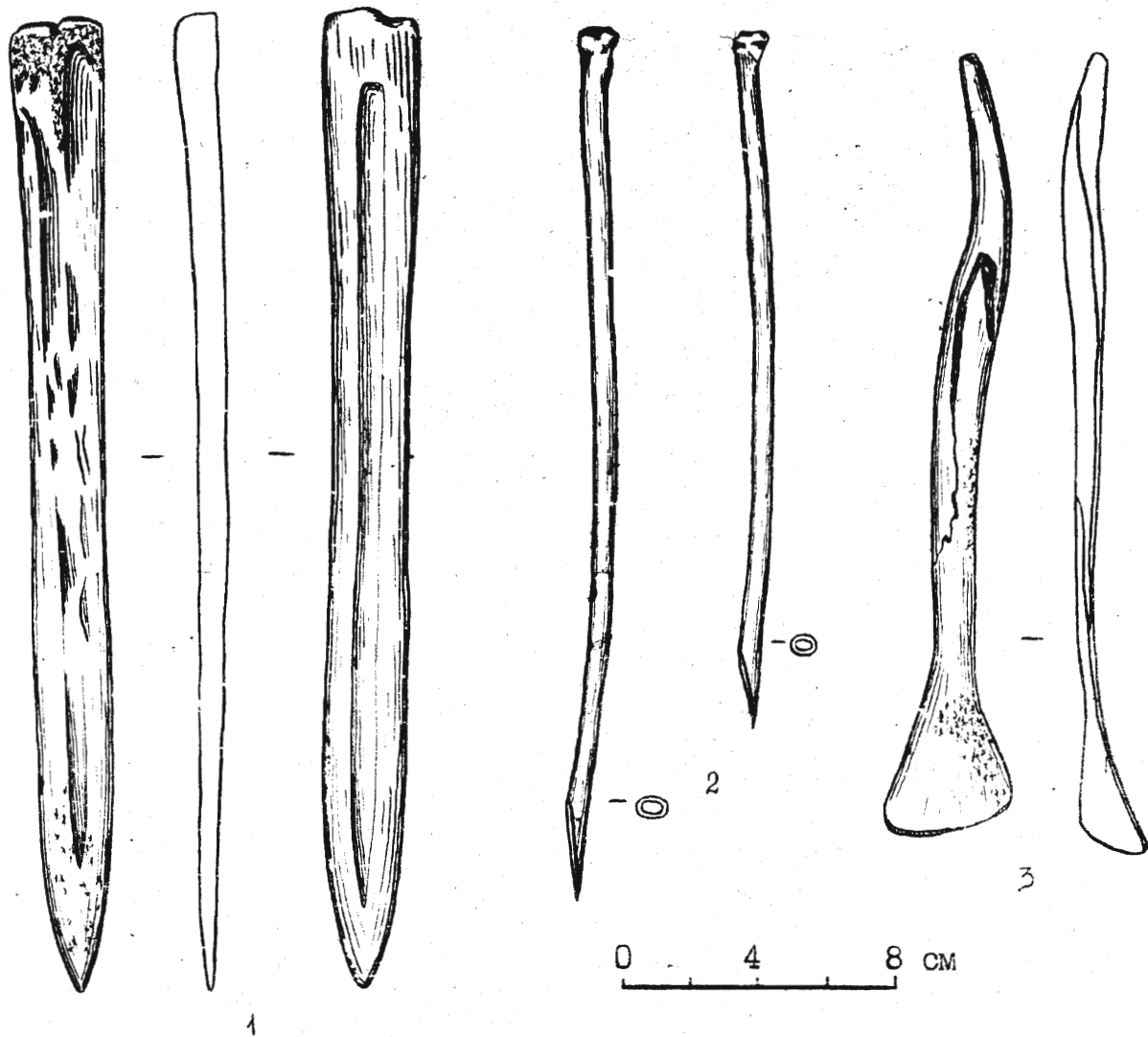

Рис.2I. Погребение № I4. Костяной инвентарь

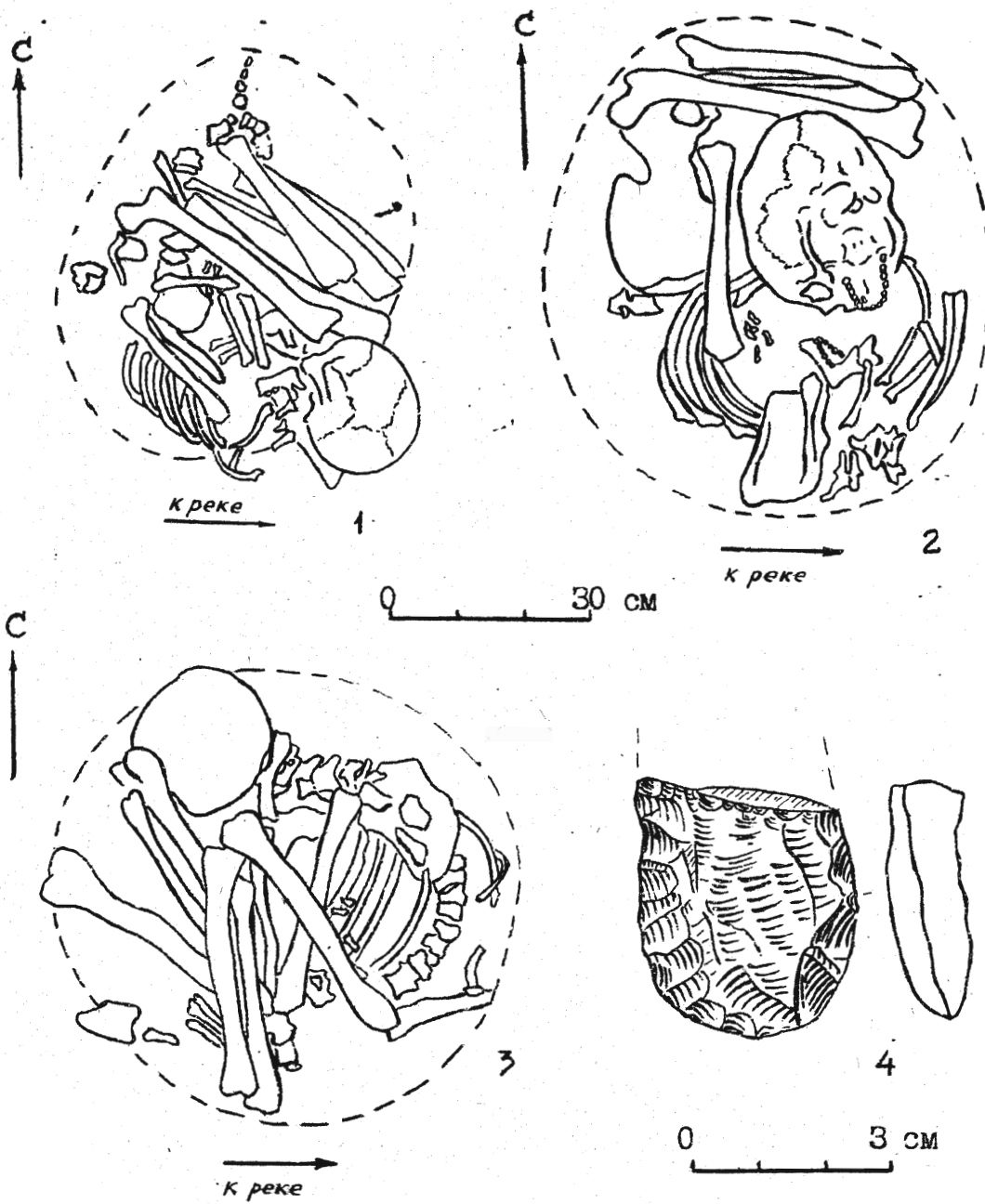

Рис. 22. Планы погребений № 15 (1), № 16 (2), № 17 (3). Инвентарь из погребения № 15 (4)

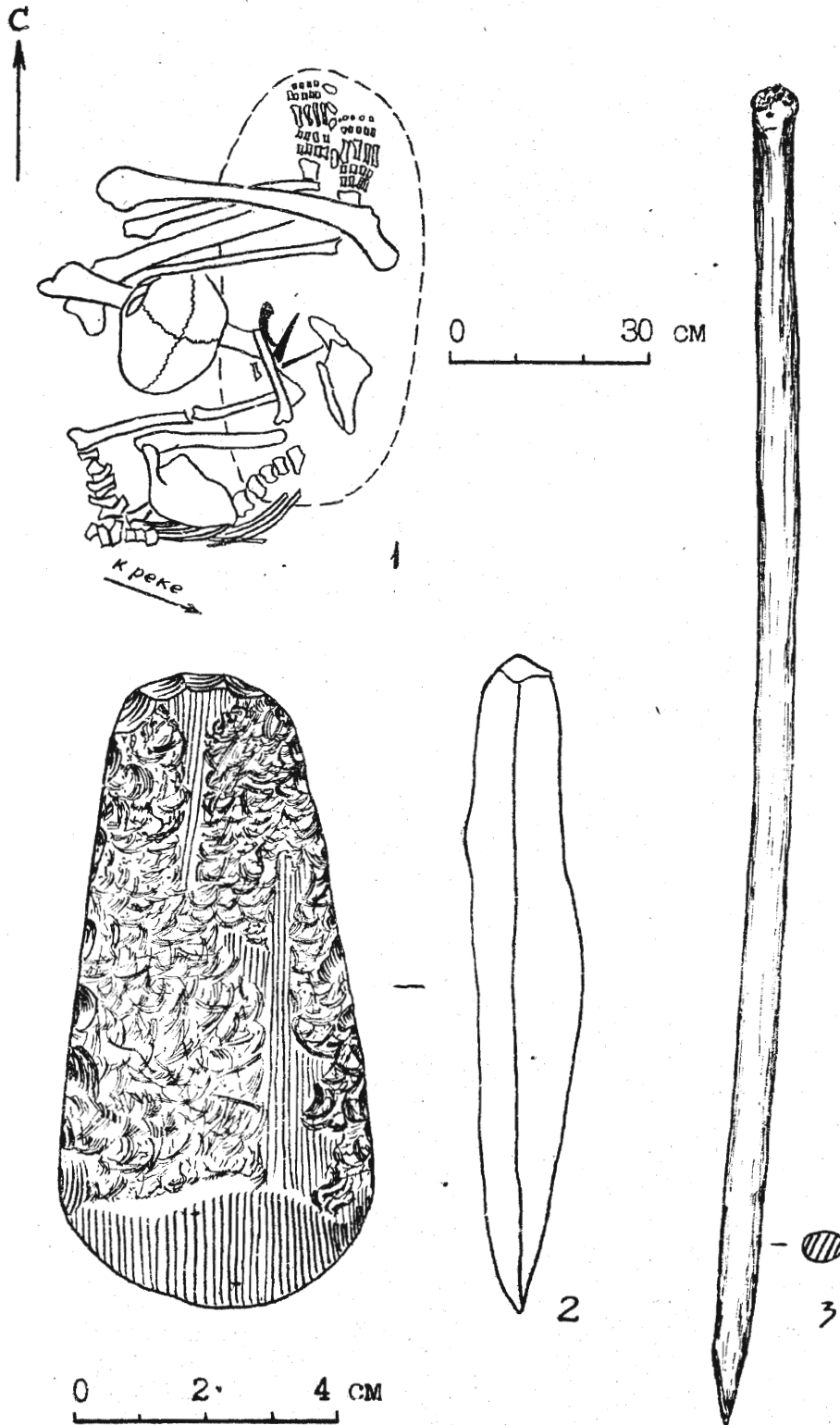

Рис.23. Погребение № 19: 1 - план;
2-3 - инвентарь

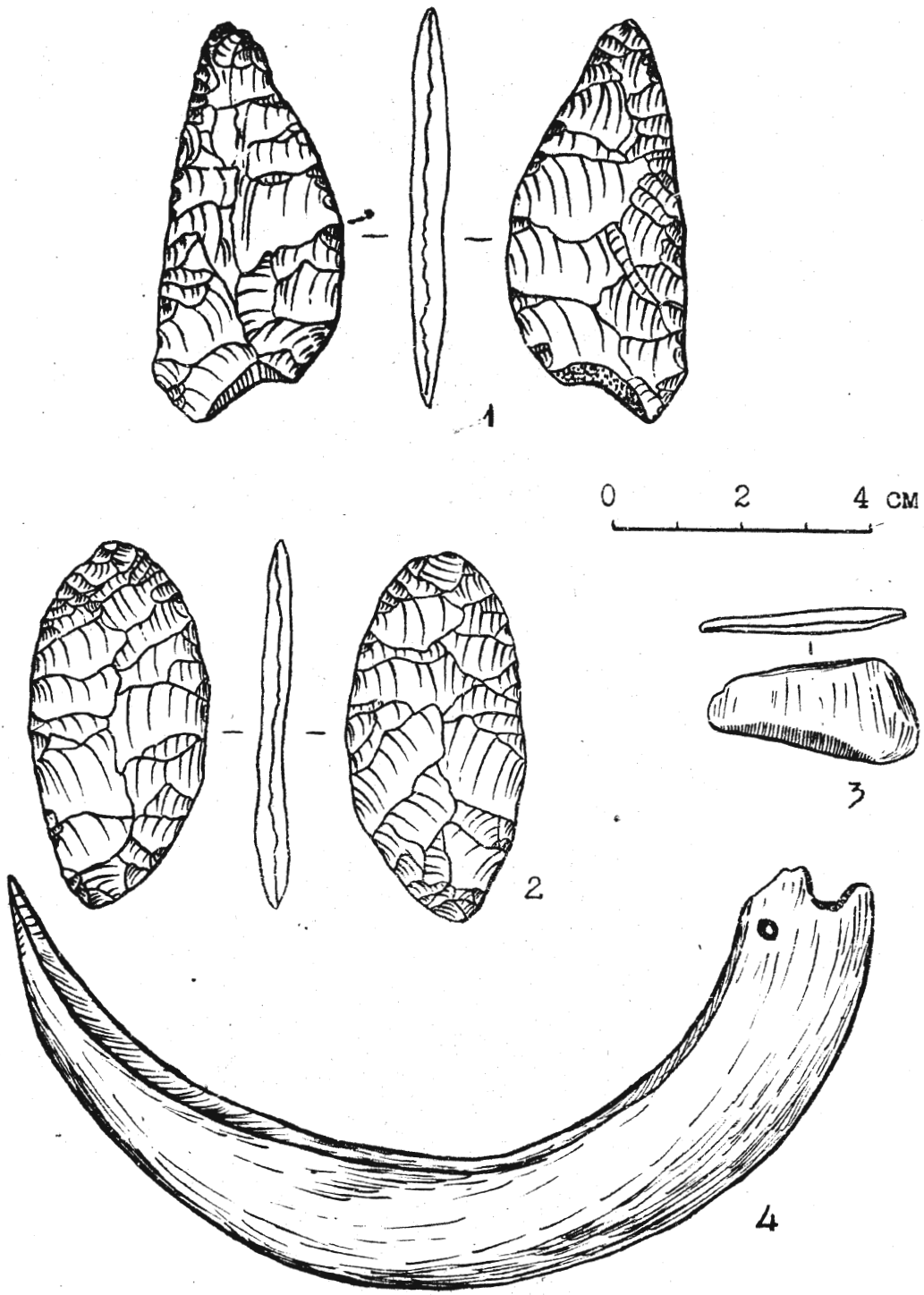

Рис.24. Инвентарь из погребения № 19

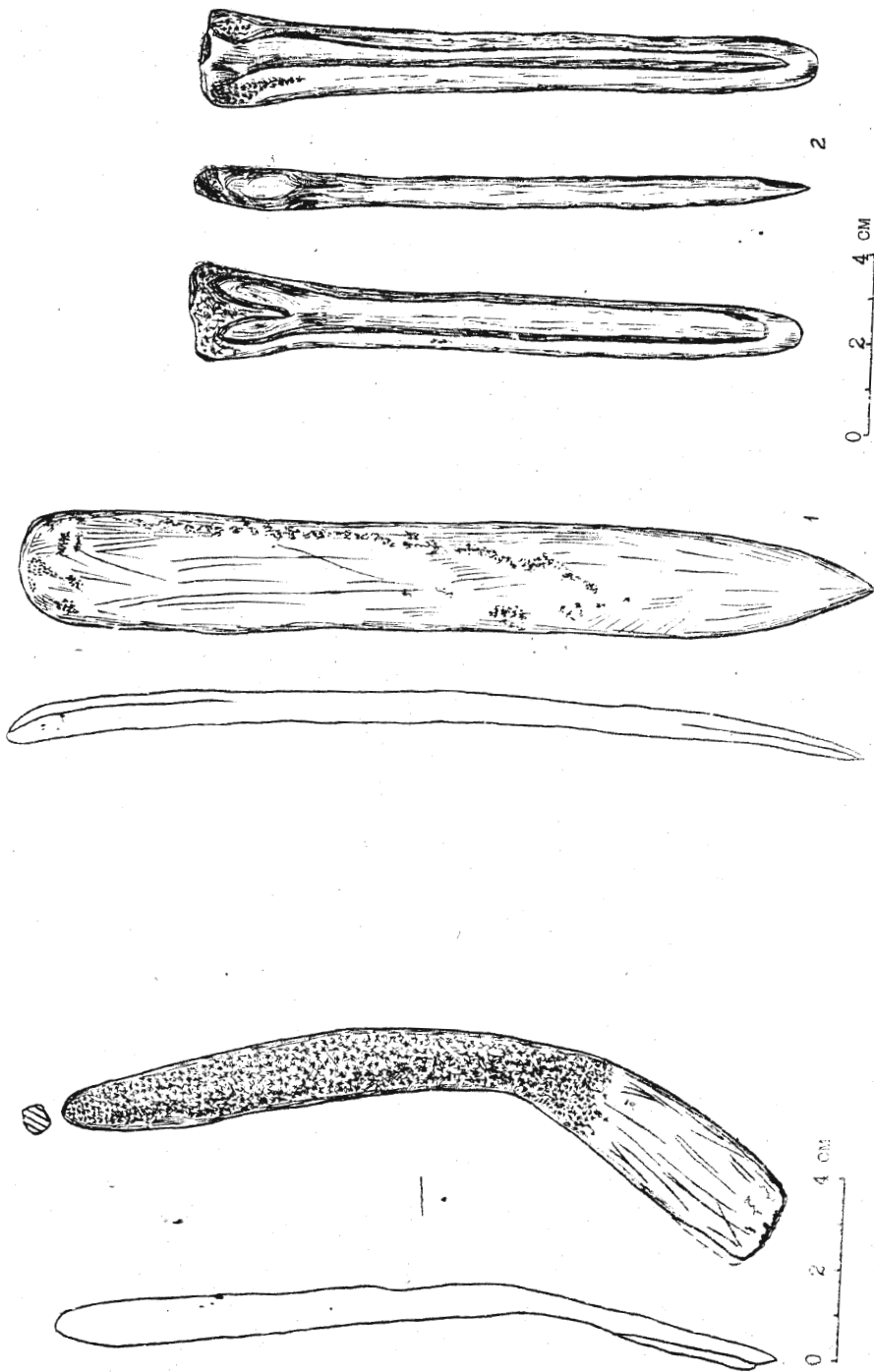

Рис.25. Погребение № 19.
Ложка из кости

Рис.26. Погребение № 19. Изделия из кости

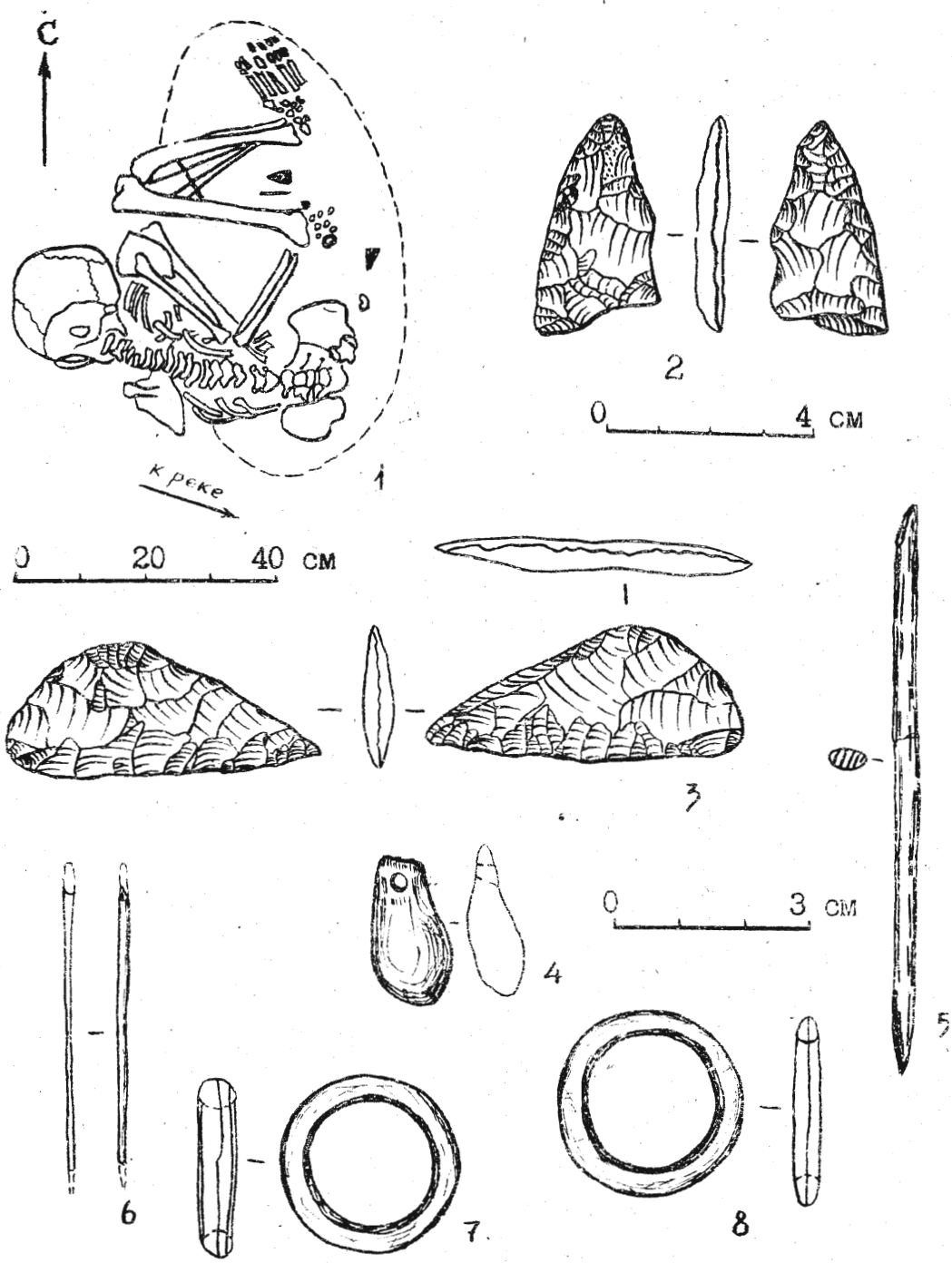

Рис.27. Погребение № 20: 1 - план; 2-8 - инвентарь

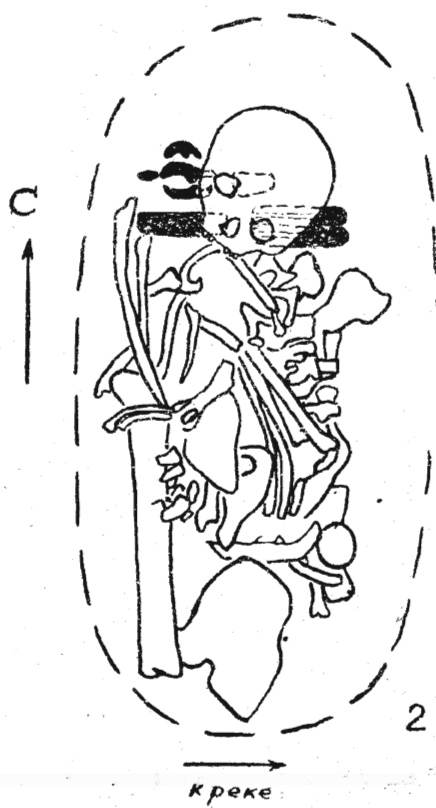
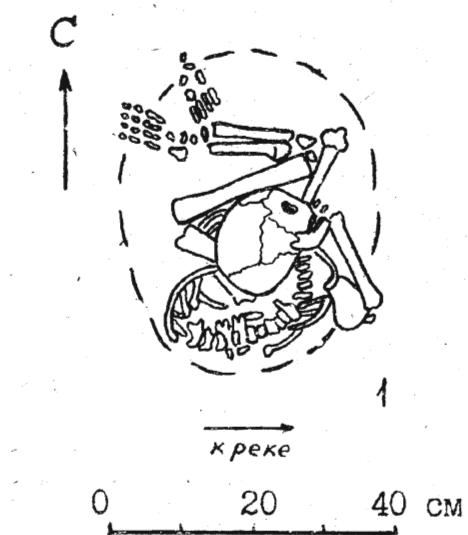

Рис.28. Планы погребений
№ 21 (1), № 22 (2)

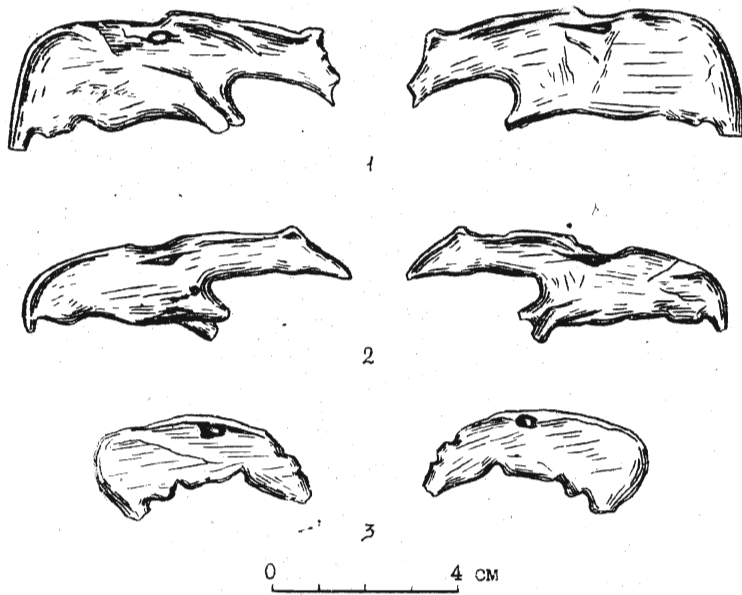

Рис.29. Погребение № 22. Зооморфная скульптура (медведи)

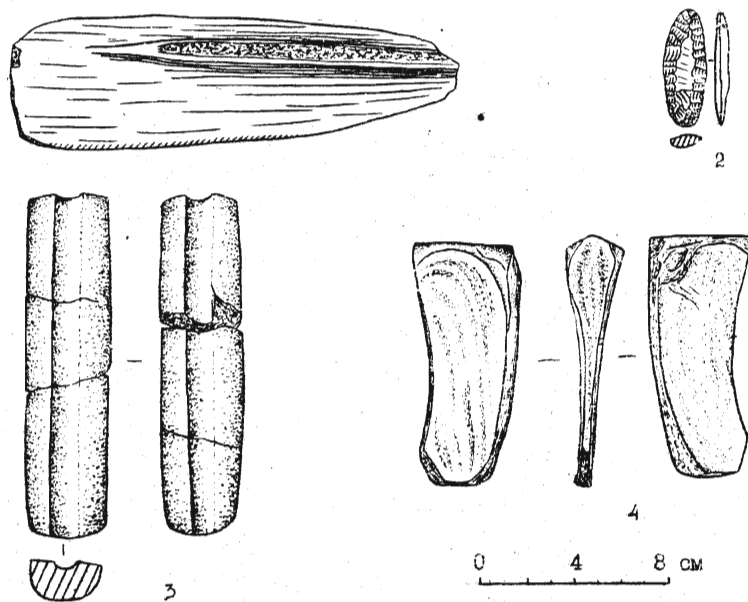

Рис.30. Инвентарь погребения № 22

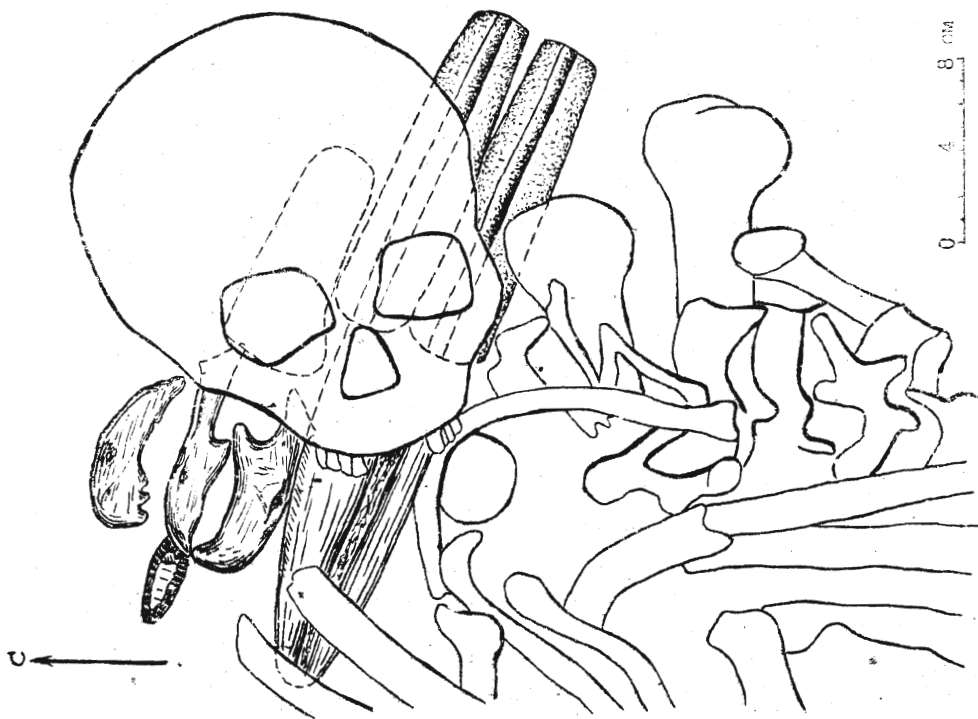

Рис. 21. Детали погребения № 23

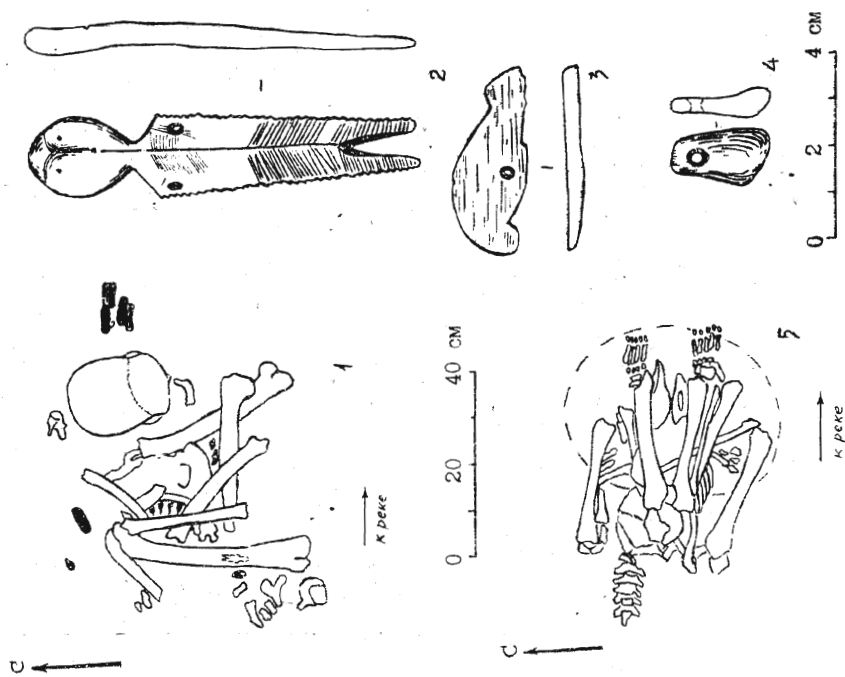

Рис. 22. Планы погребения № 24 (1), № 23 (2-4). План-табля погребения № 21 (5). Инвентарь погребения № 21 (2-4)

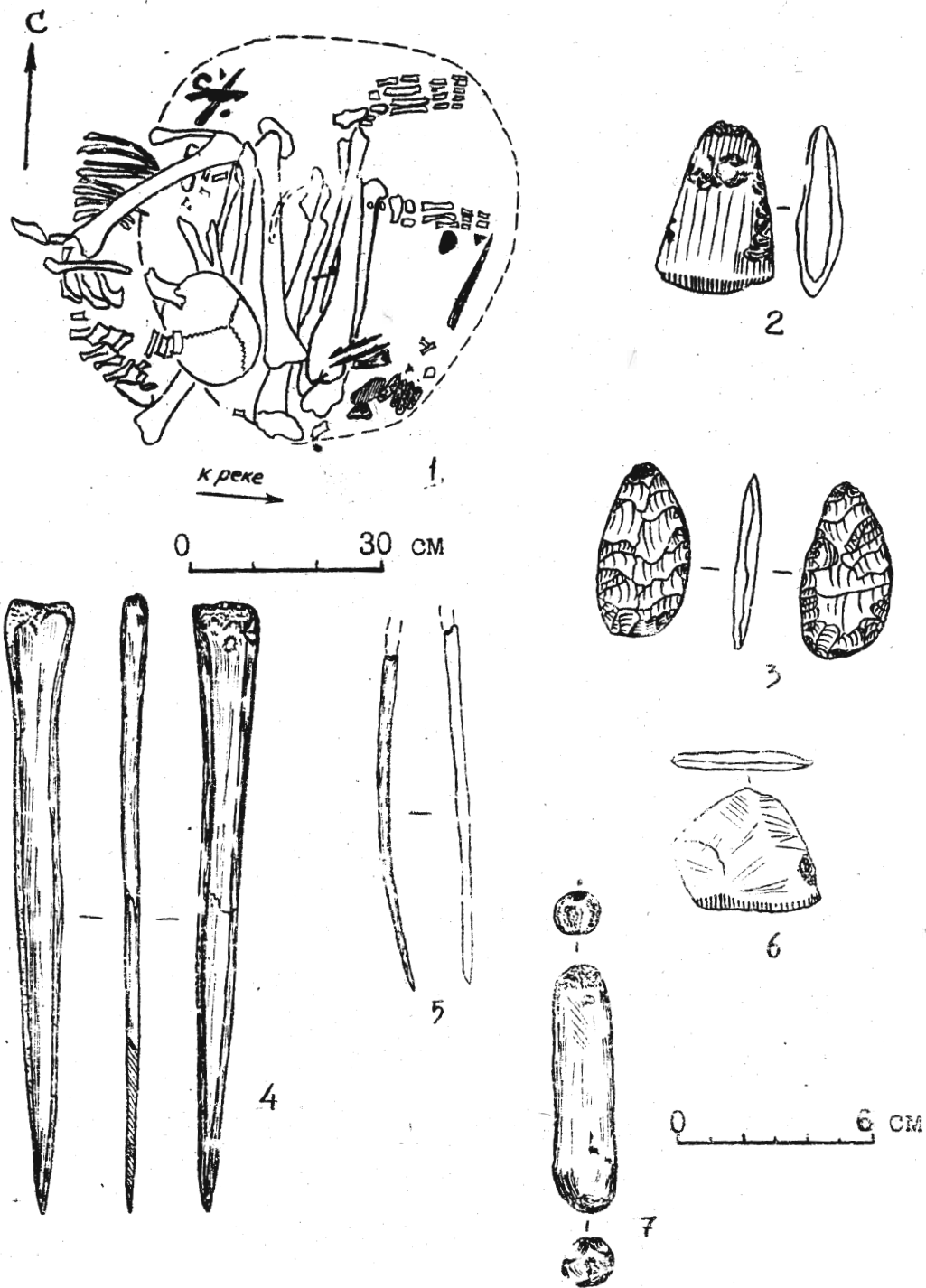

Рис.33. Погребение № 25: 1 — план; 2-7 — инвентарь

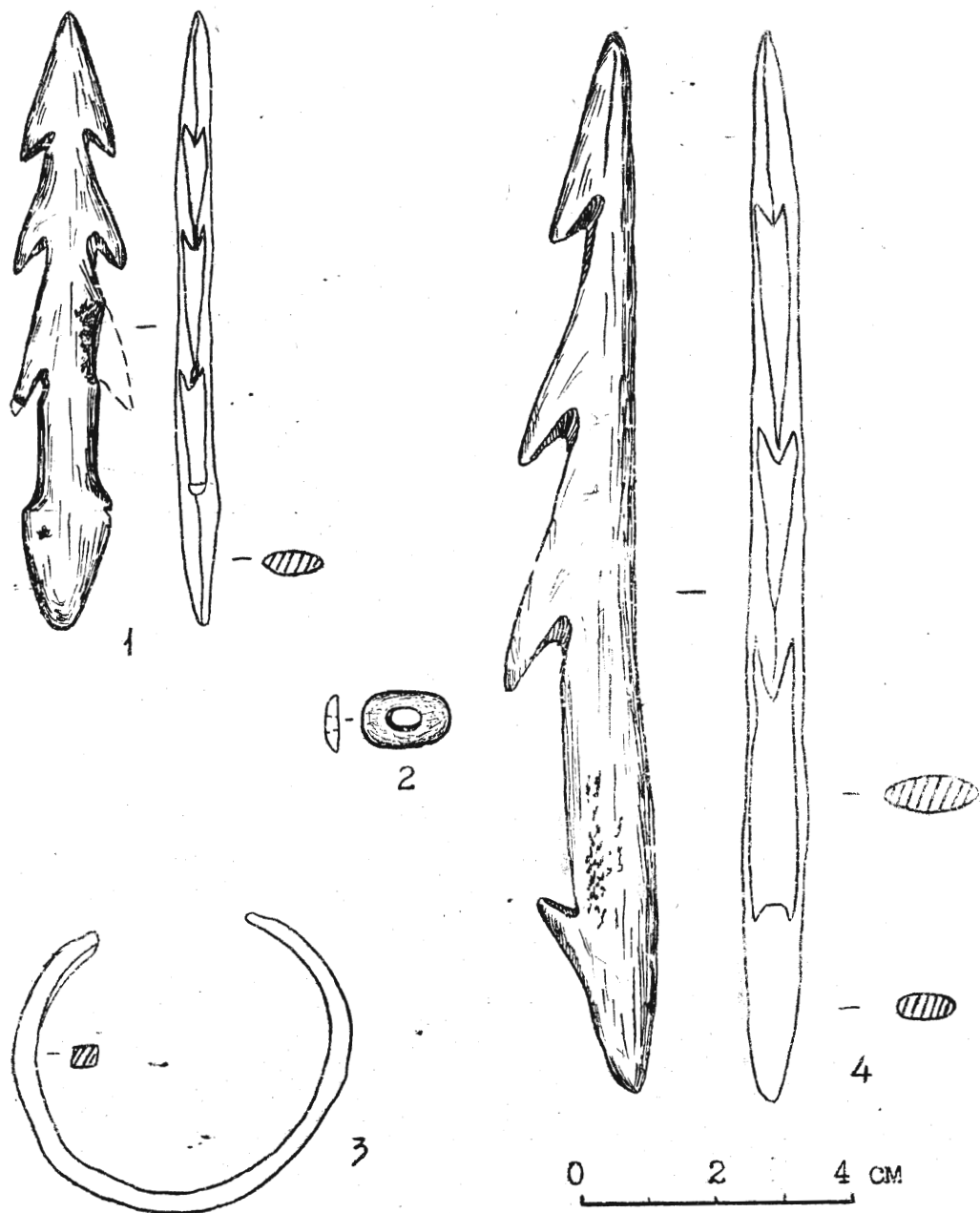

Рис. 34. Инвентарь погребения № 25

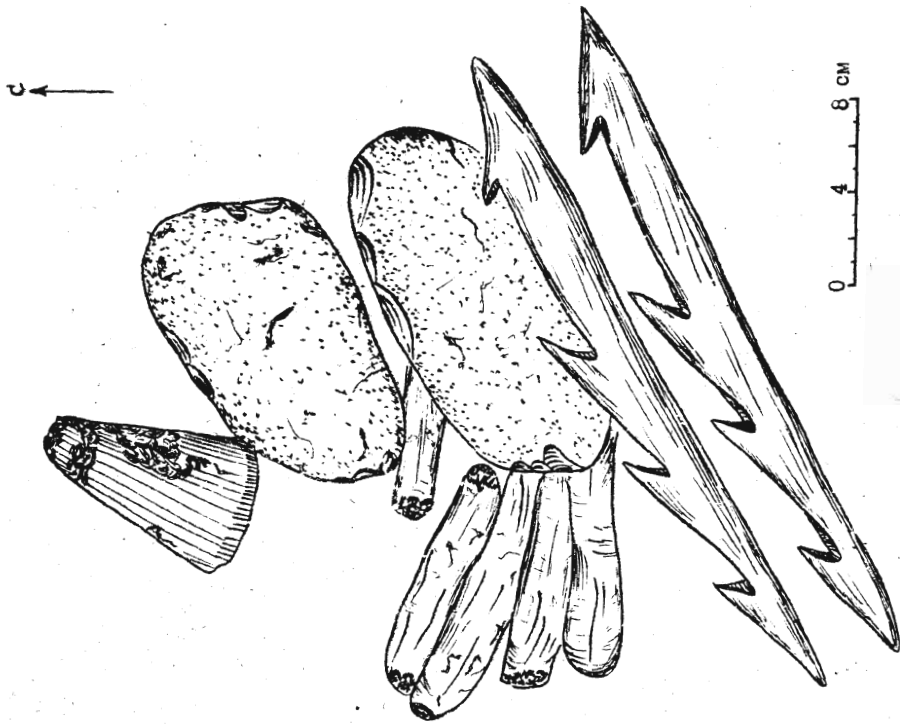

Рис. 36. Деталь погребения № 25

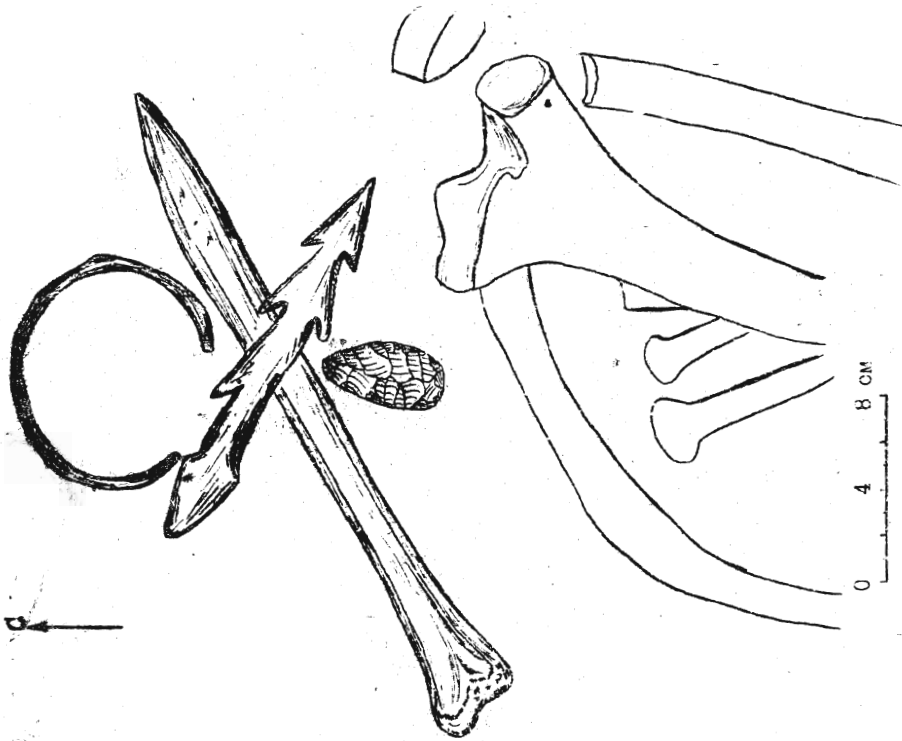

Рис. 35. Деталь погребения № 25

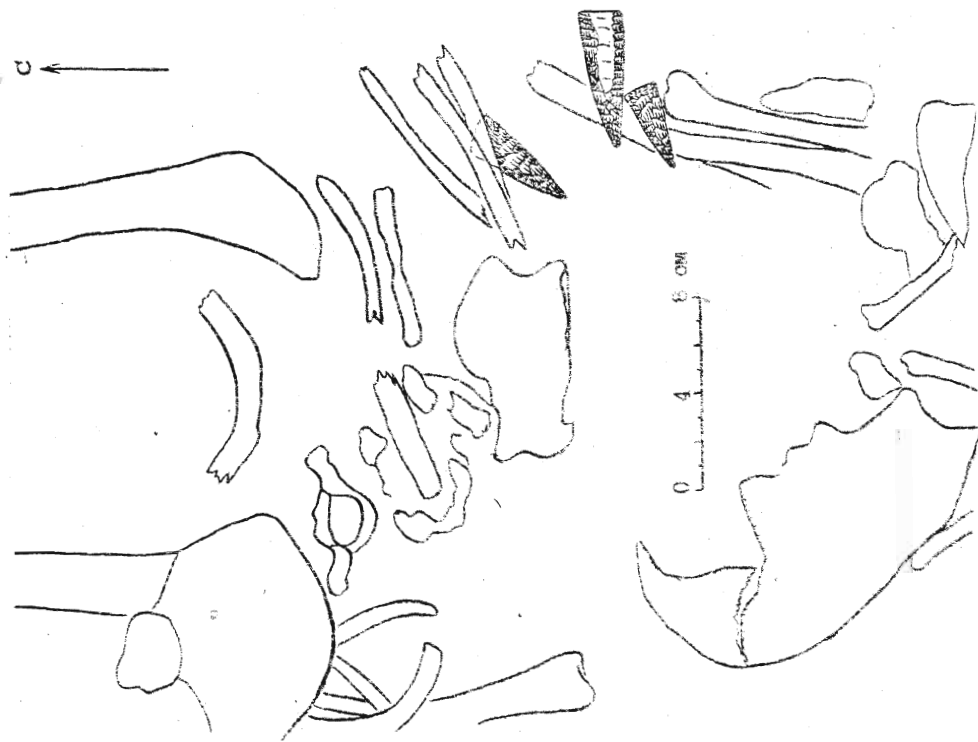

Рис. 36. Деталь погребения № 26.

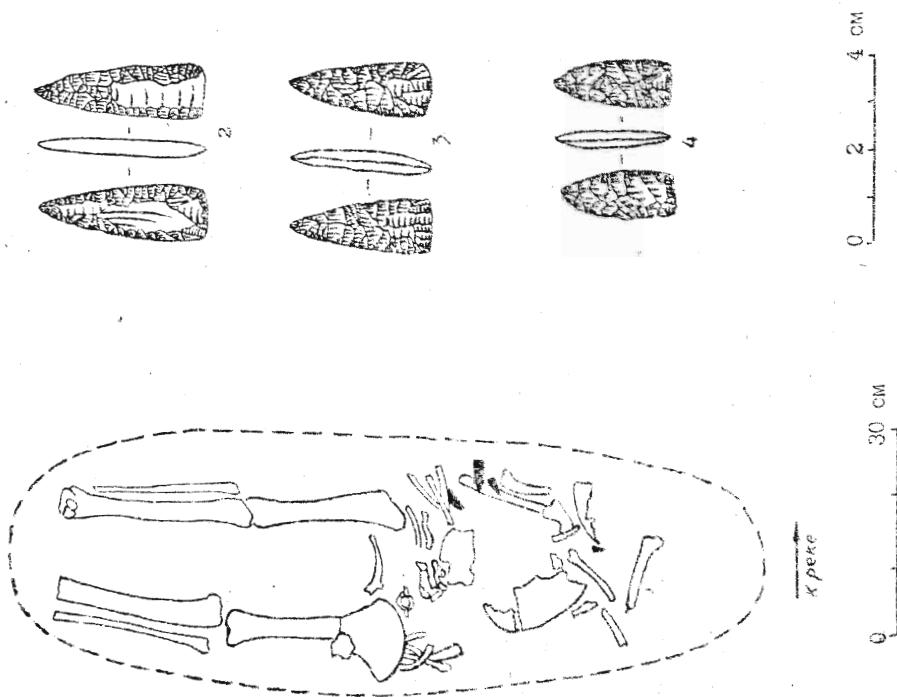

Рис. 37. Погребение № 26: 1 - план; 2-4 - наконечники стрел.

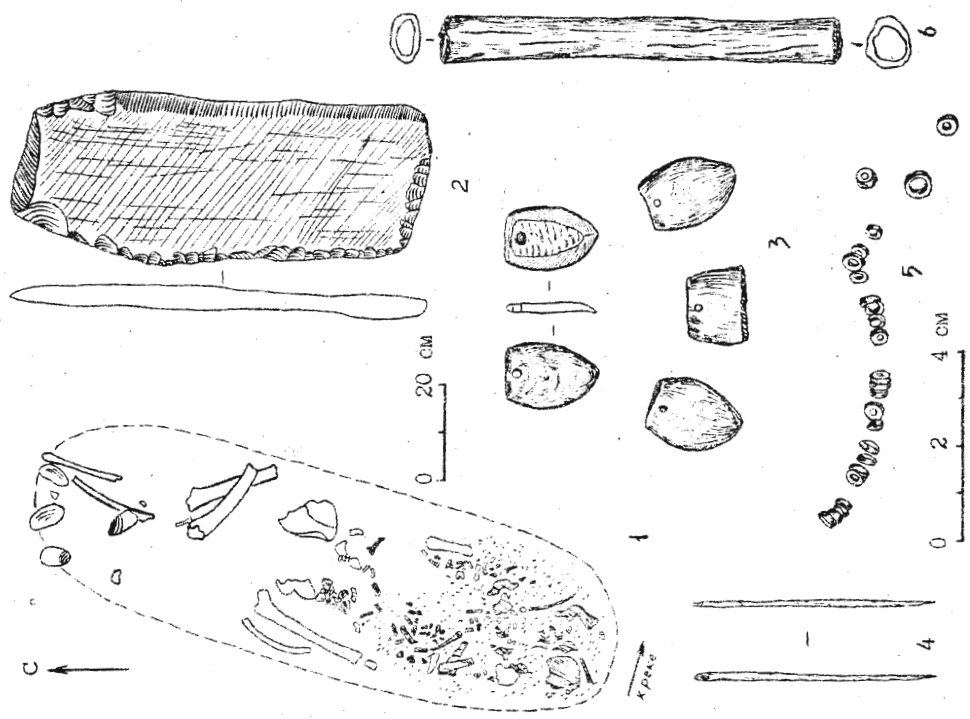

Рис.40. Погребение № 28: 1 - план; 2-6 - инвентарь

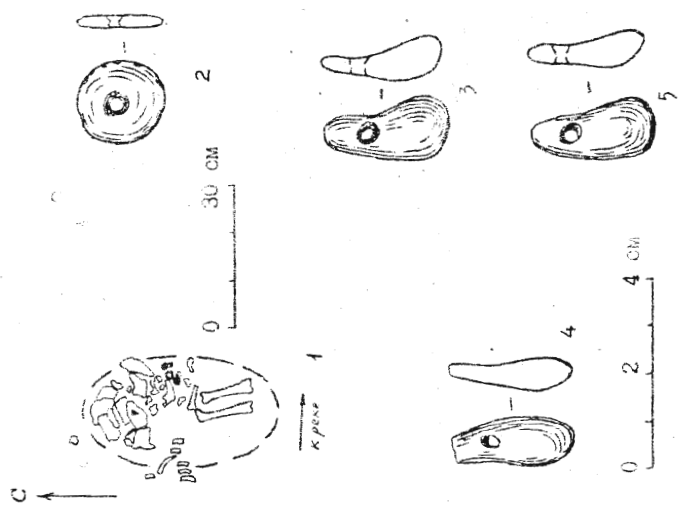

Рис.39. Погребение № 27: 1 - план; 2-5 - украшения из кости

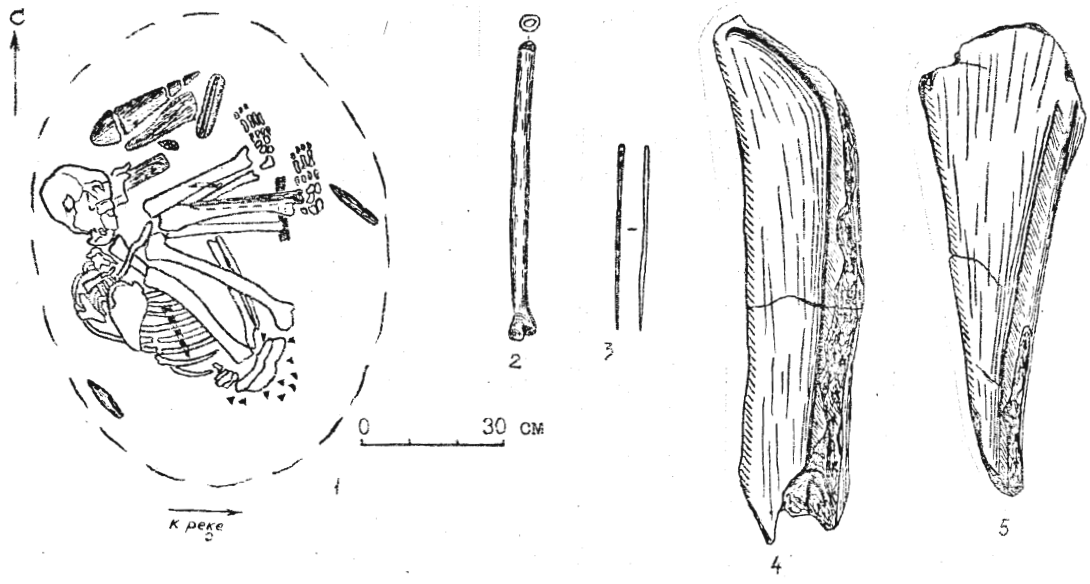

Рис.41. Погребение № 29: 1 - план;
2-5 - изделия из кости

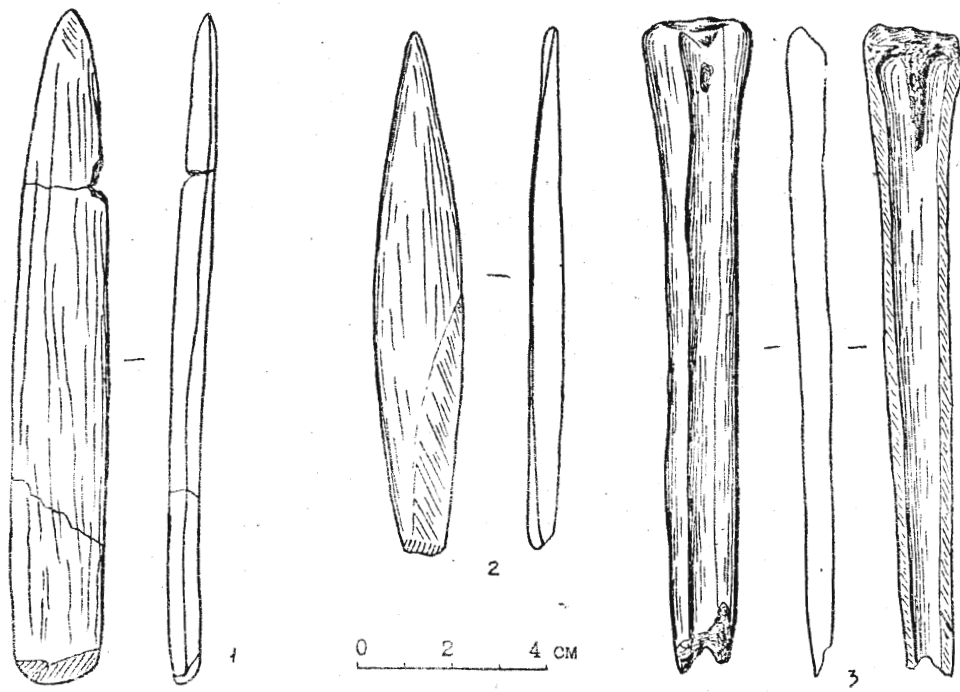

Рис.42. Погребение № 29. Изделия из кости

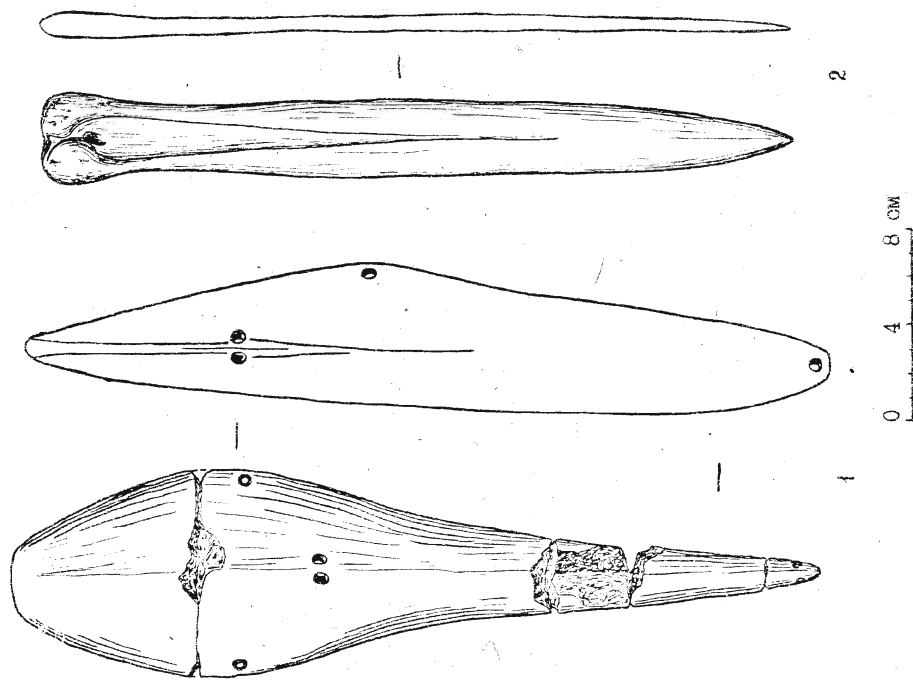

Рис. 44. Инвентарь погребения № 29

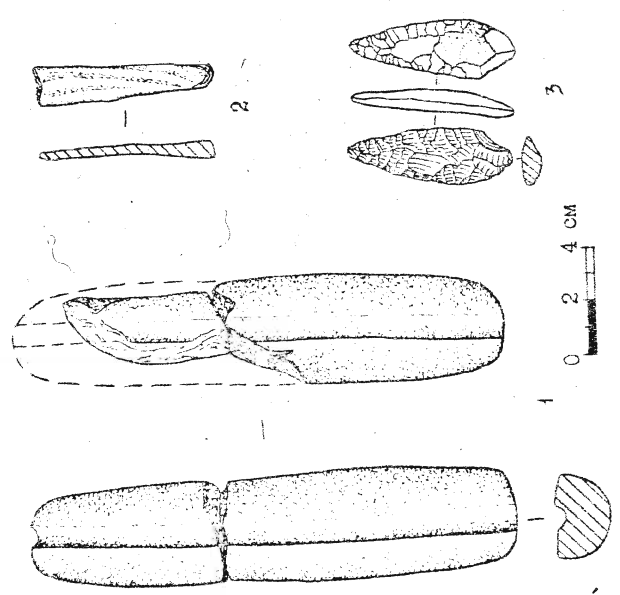

Рис. 43. Инвентарь погребения № 29

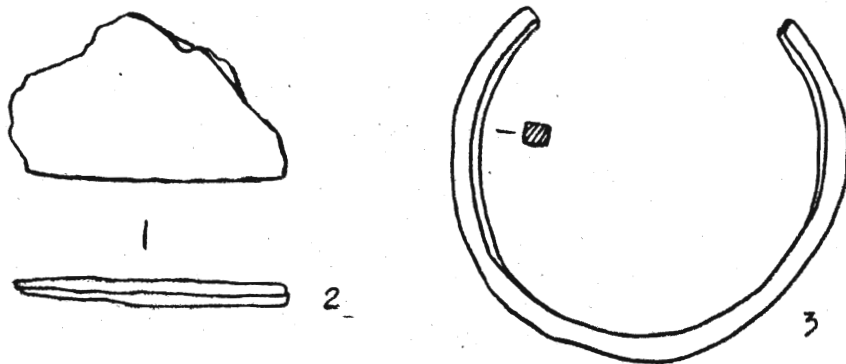
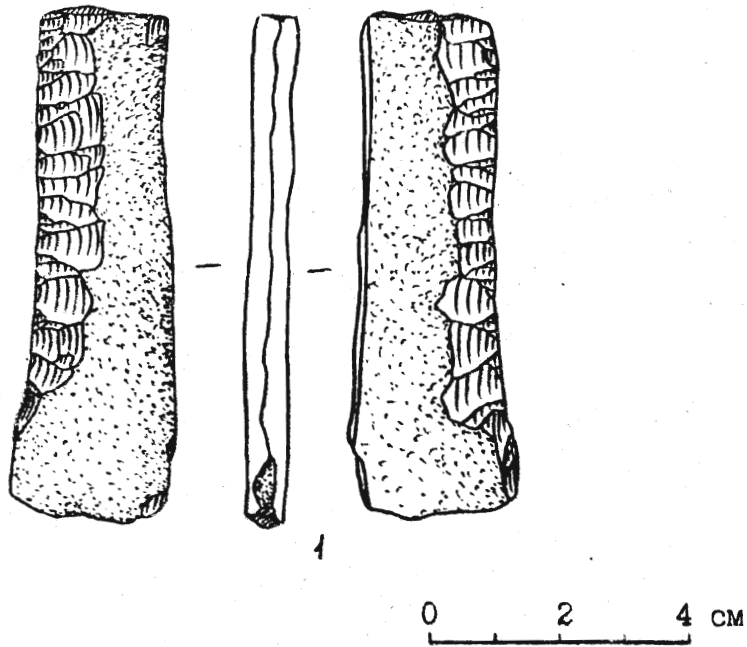

Рис.45. Инвентарь погребений
№ 30 (1), № 31 (2-3)

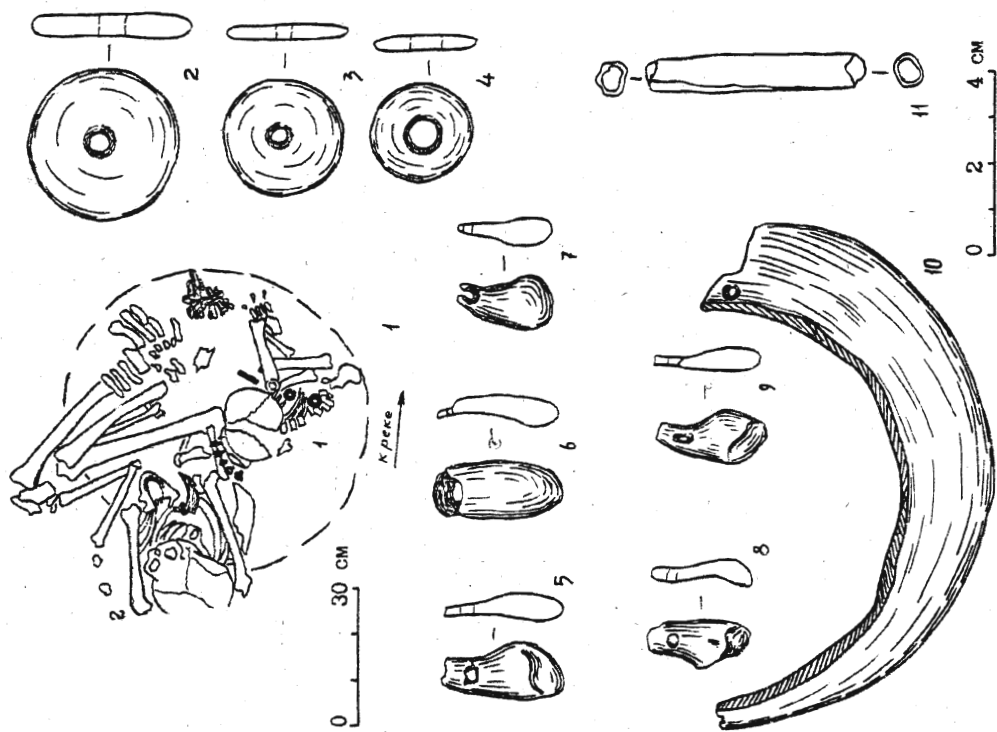

Рис. 5. Погребение № 32: 1 - план; 2-11 - инвентарь

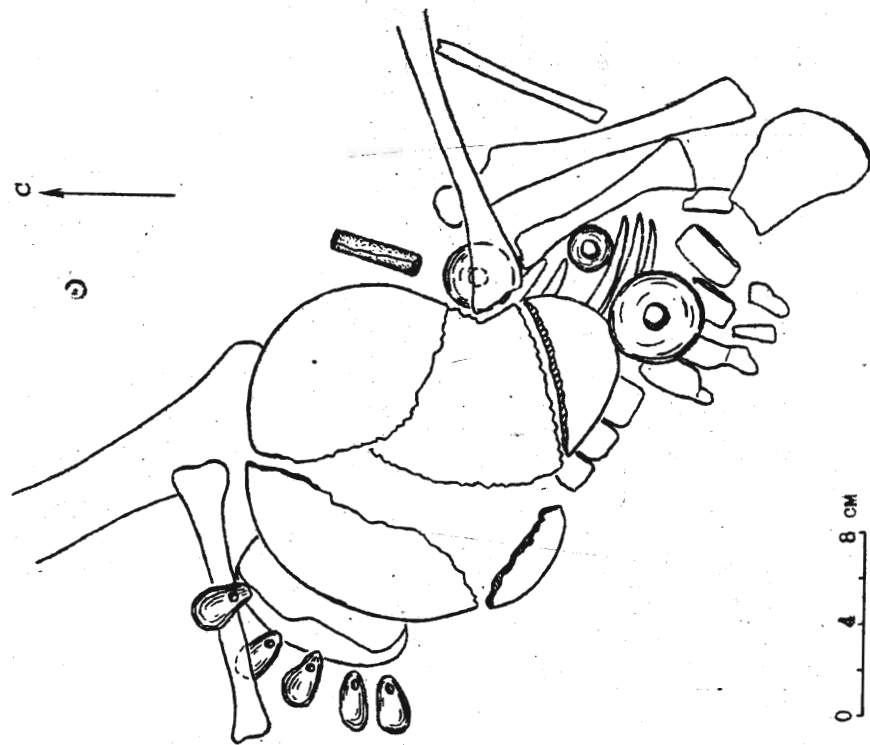

Рис. 47. Деталь погребения № 32

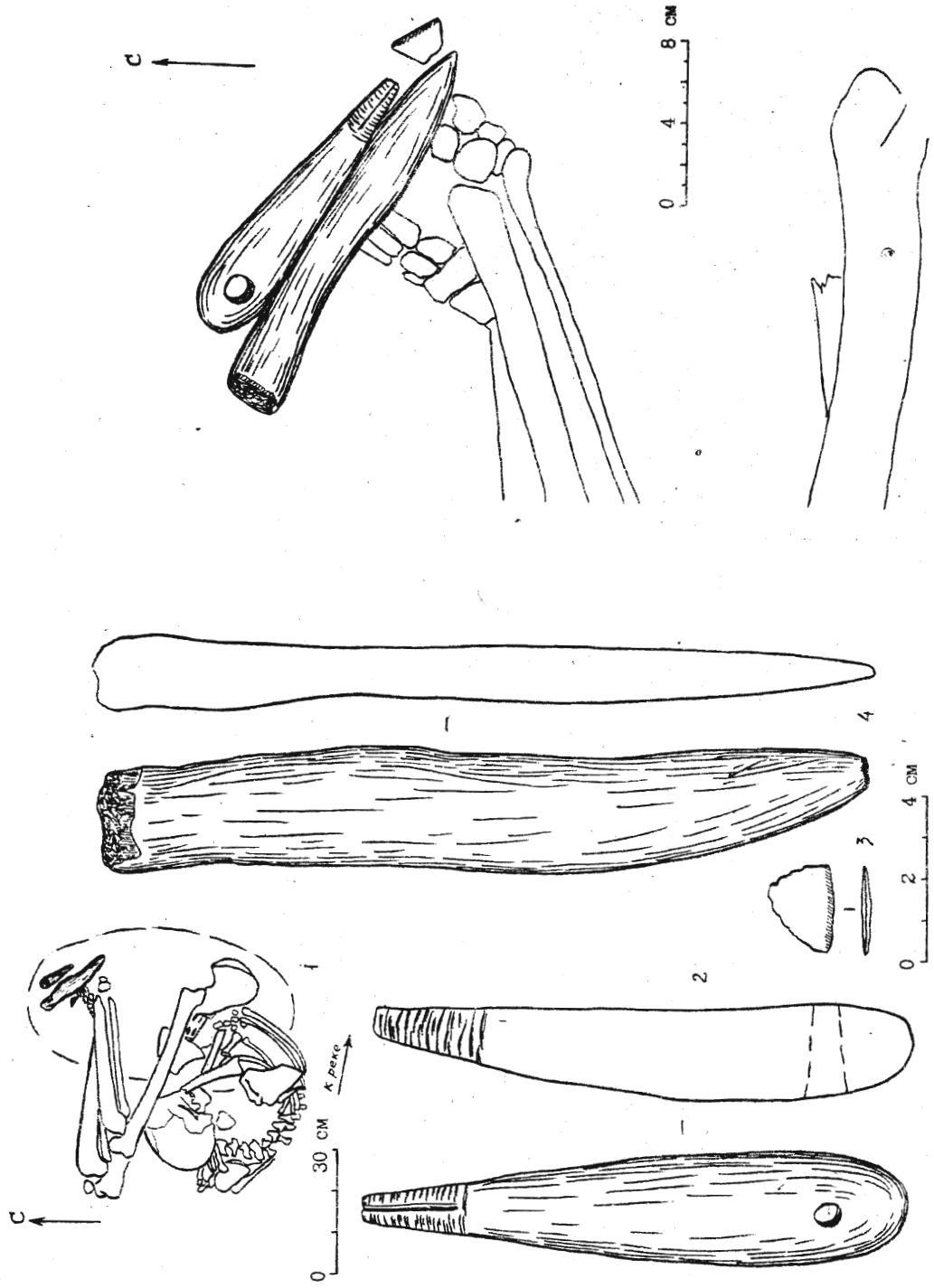

Рис. 49. Деталь погребения № 33

Рис. 48. Погребение № 33: I - план; 2-4 - инвентарь

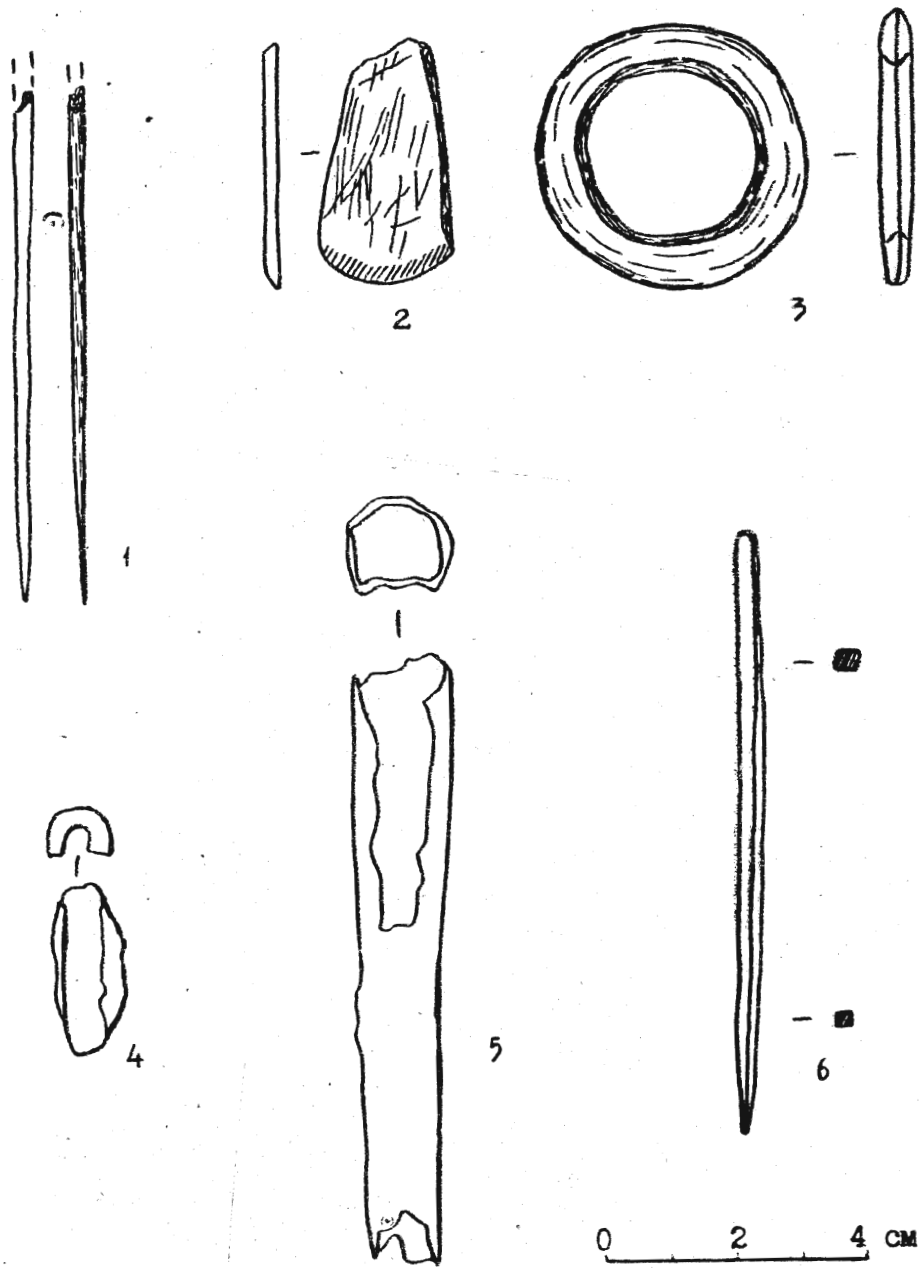

Рис.50. Инвентарь погребений № 34 (1-2),
 № 35 (3,6), № 36 (4,5)

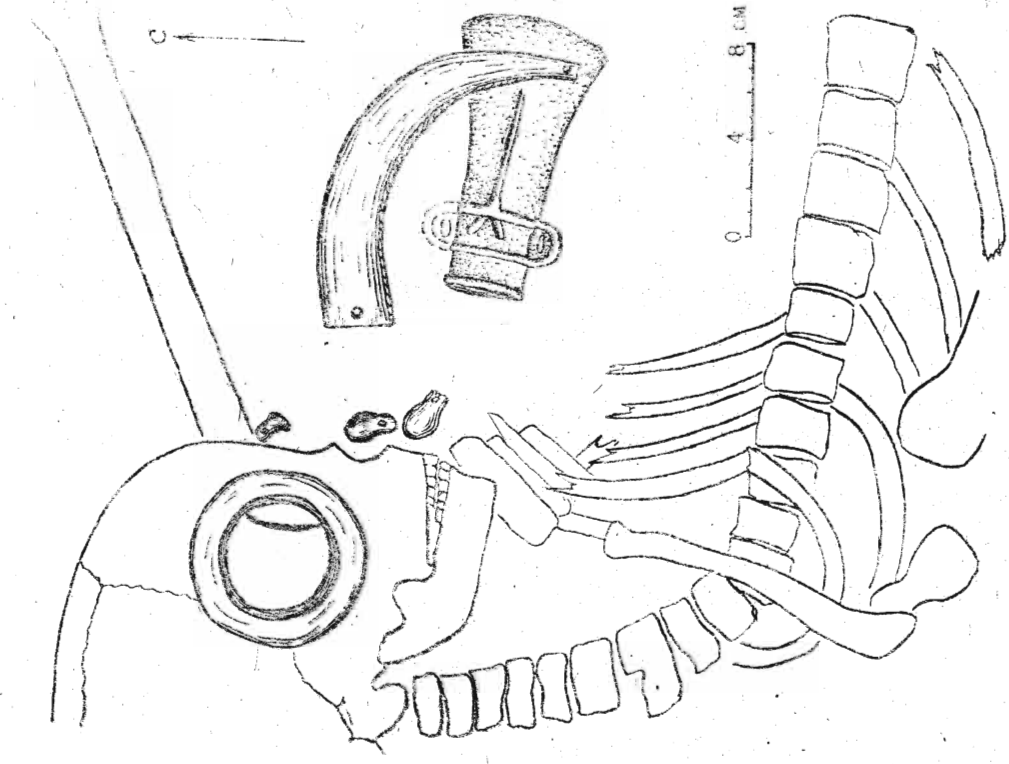

Рис. 52. Деталь погребения № 37

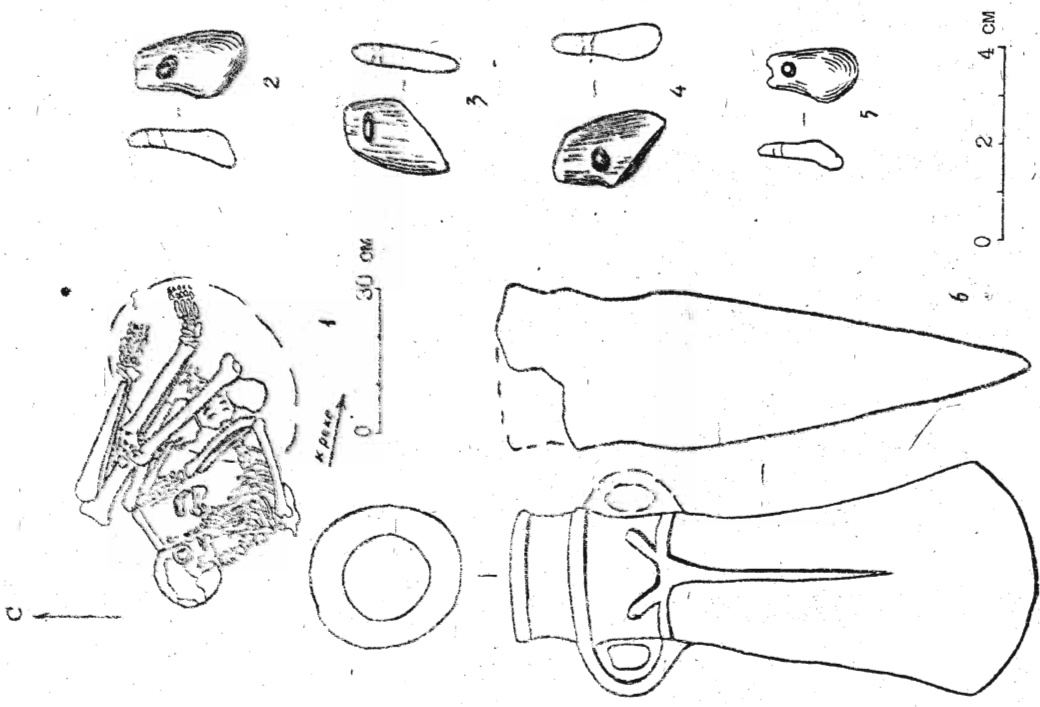

Рис. 51. Погребение № 37: 1 - план; 2-6 - инвентарь

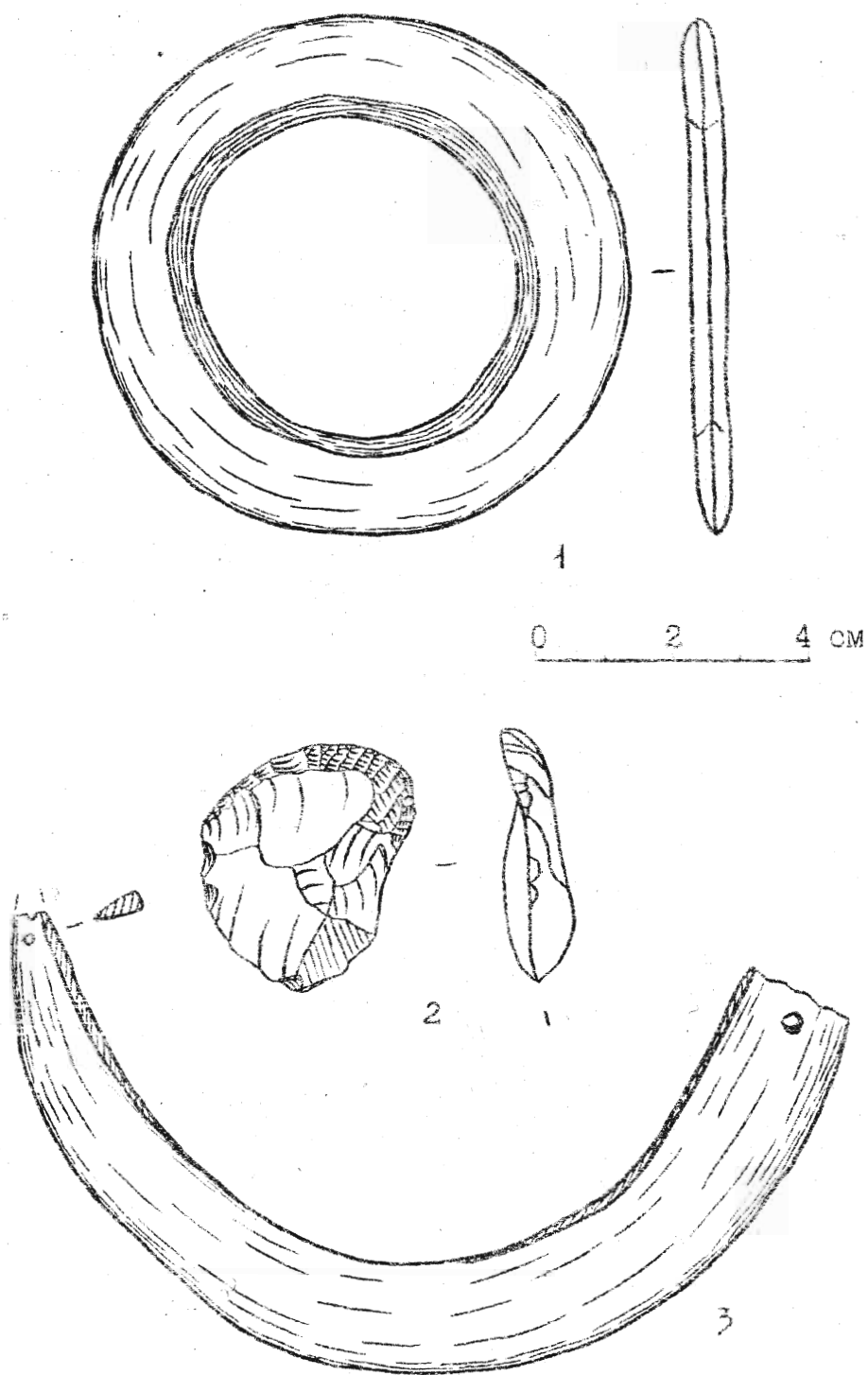

Рис. 63. Инвентарь погребения № 37

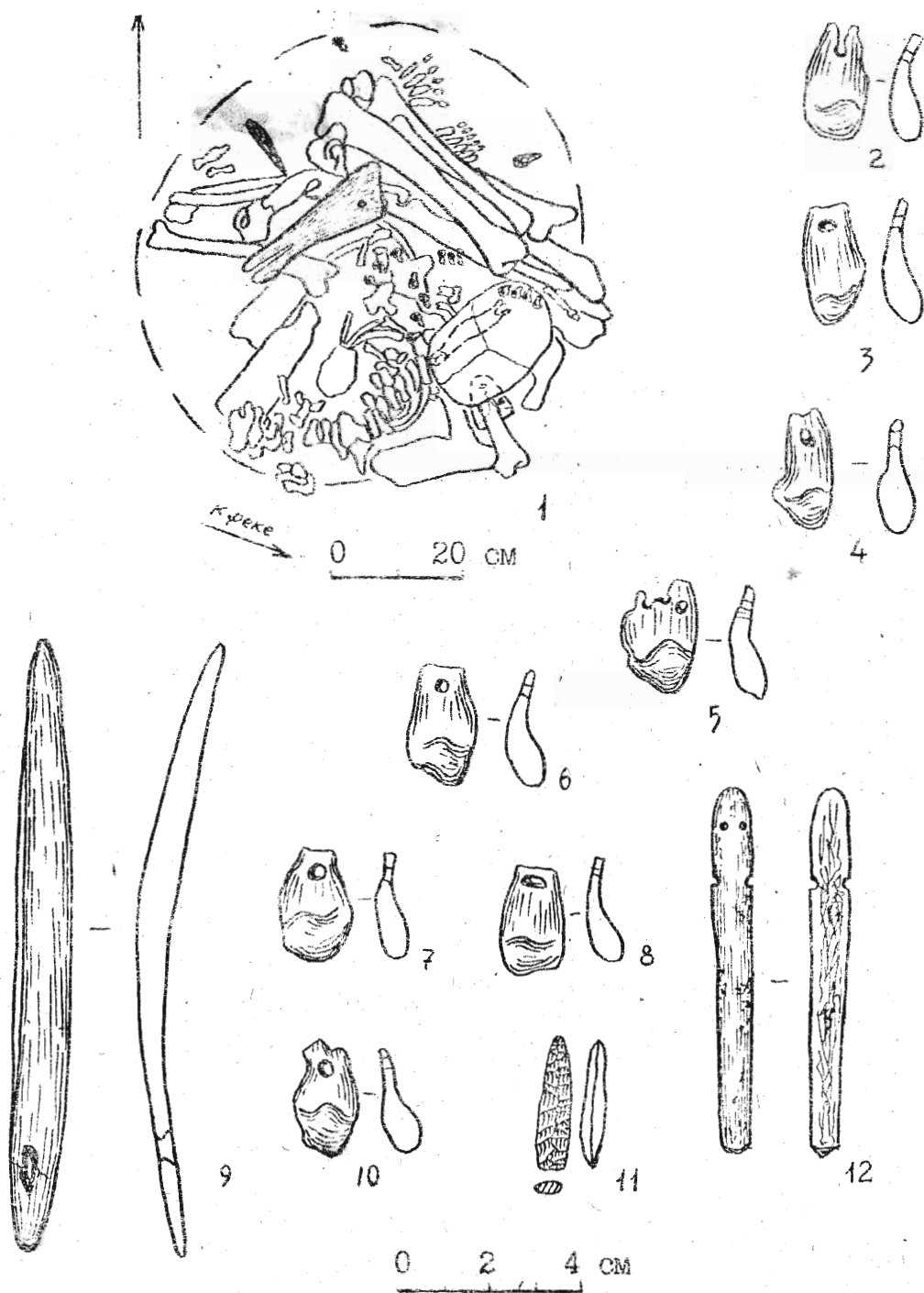

Рис.54. Погребение № 38: 1 - план; 2-12 - инвентарь

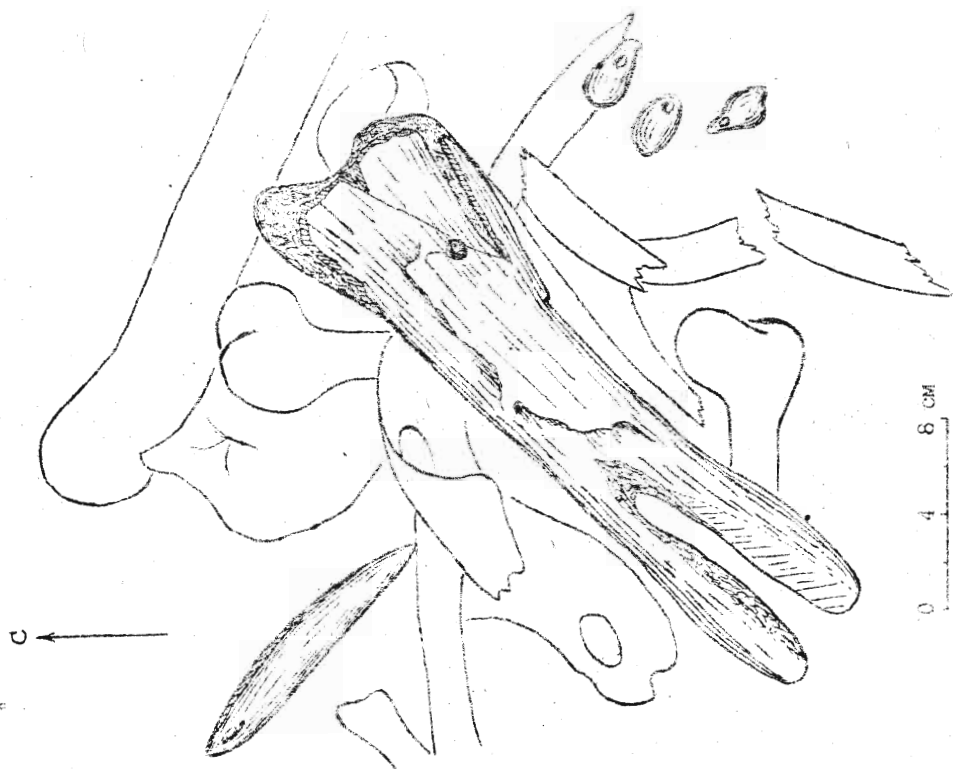

Рис. 56. Деталь погребения № 30

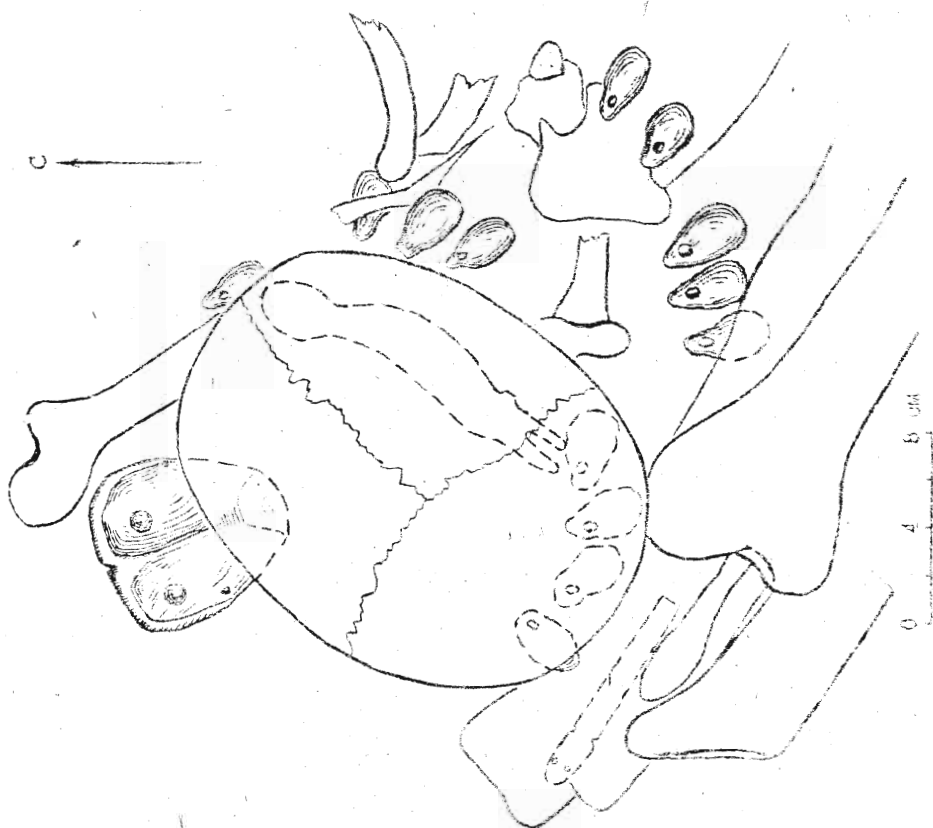

Рис. 55. Деталь погребения № 30

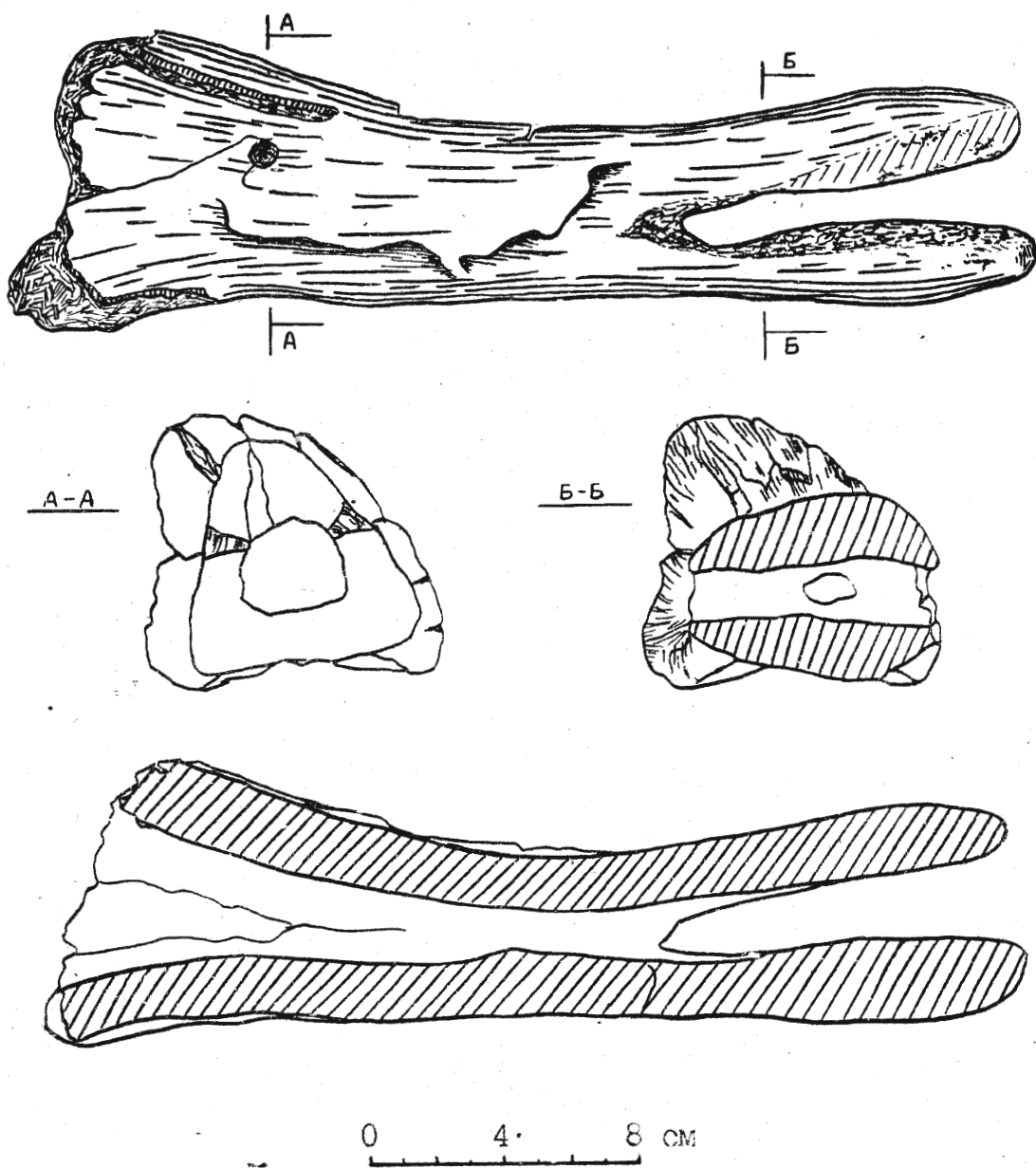
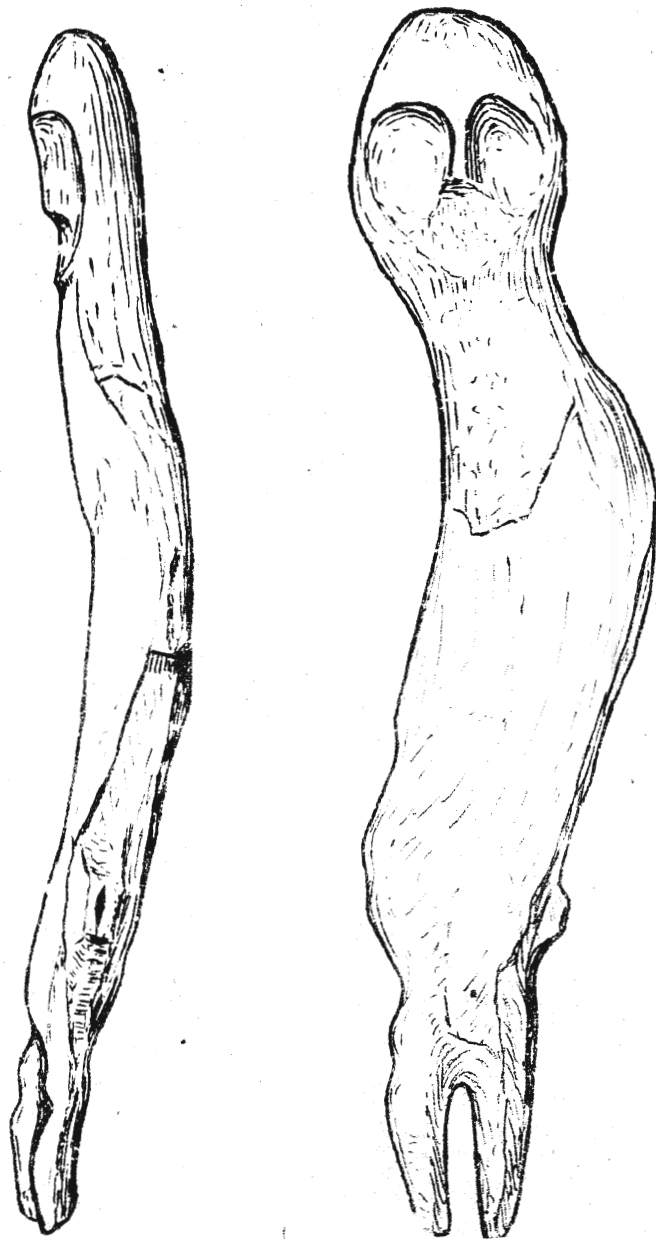
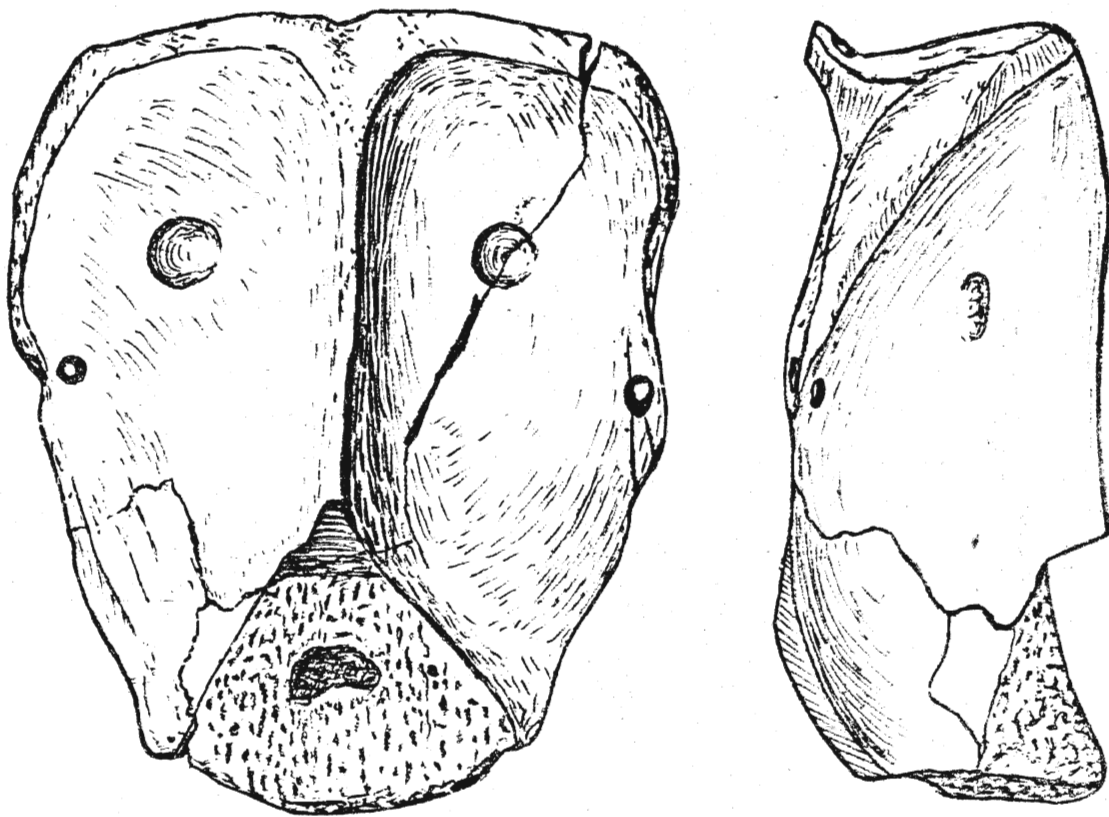

Рис.57. Погребение № 38. Зооморфная скульптура (лось)

0 2 4 см

Рис. 58. Погребение № 38.
Антропоморфная скульптура

0 2 4 см

Рис.59. Погребение № 38. Антропоморфная скульптура (маска)

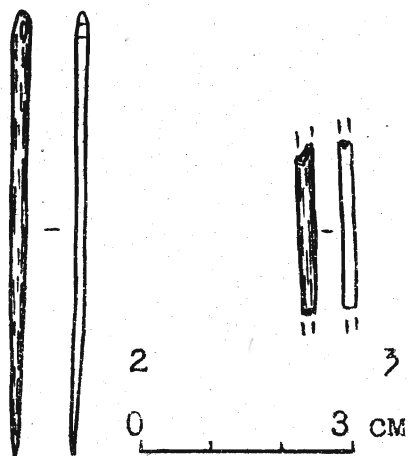
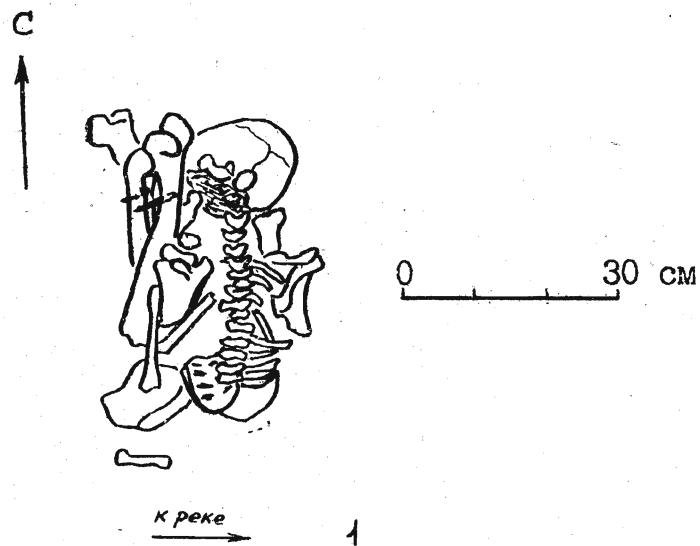

Рис.60. Погребение № 39:
 I - план; 2-3 - изделия
 из кости

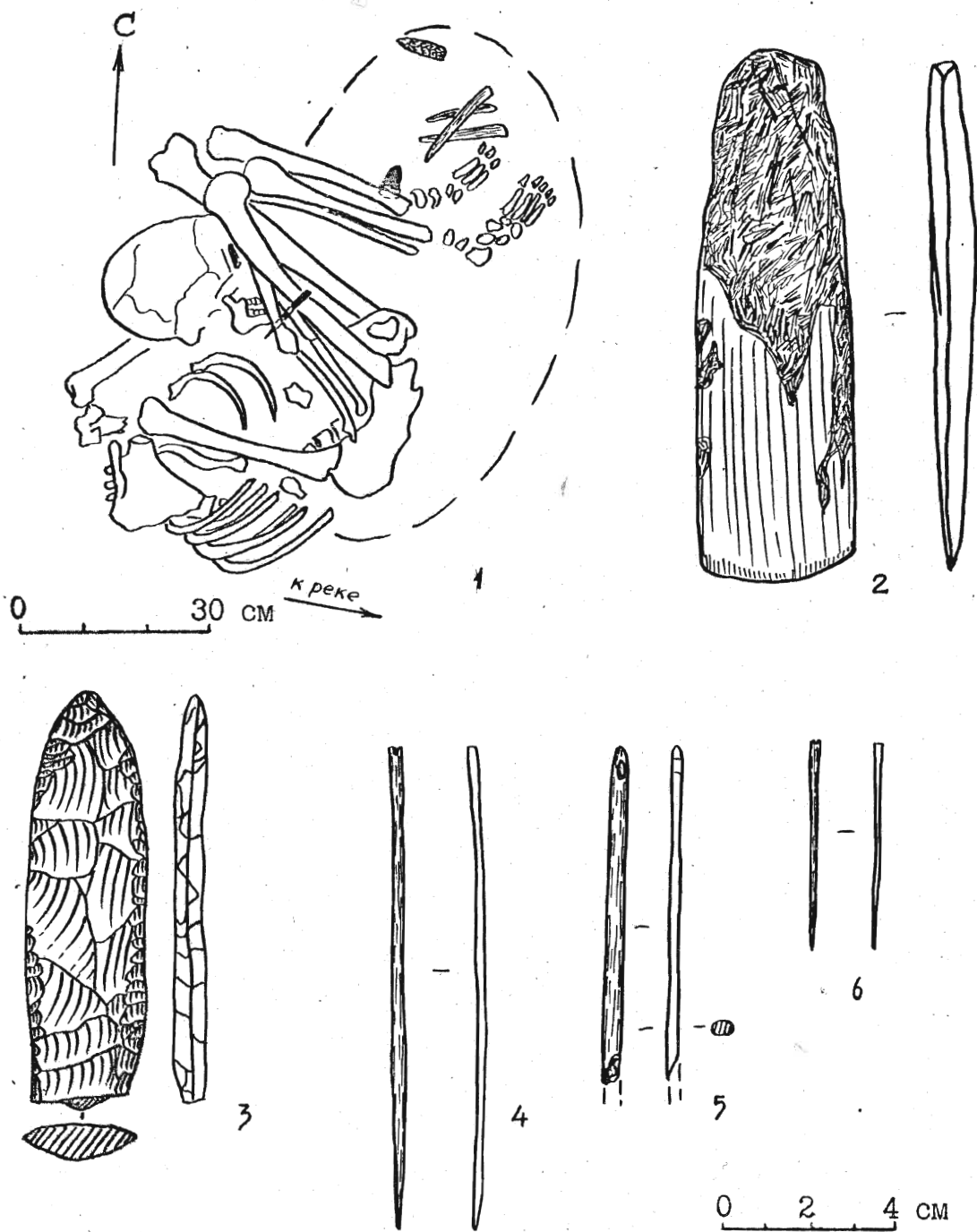

Рис. 61. Погребение № 40: 1 - план; 2-6 - инвентарь

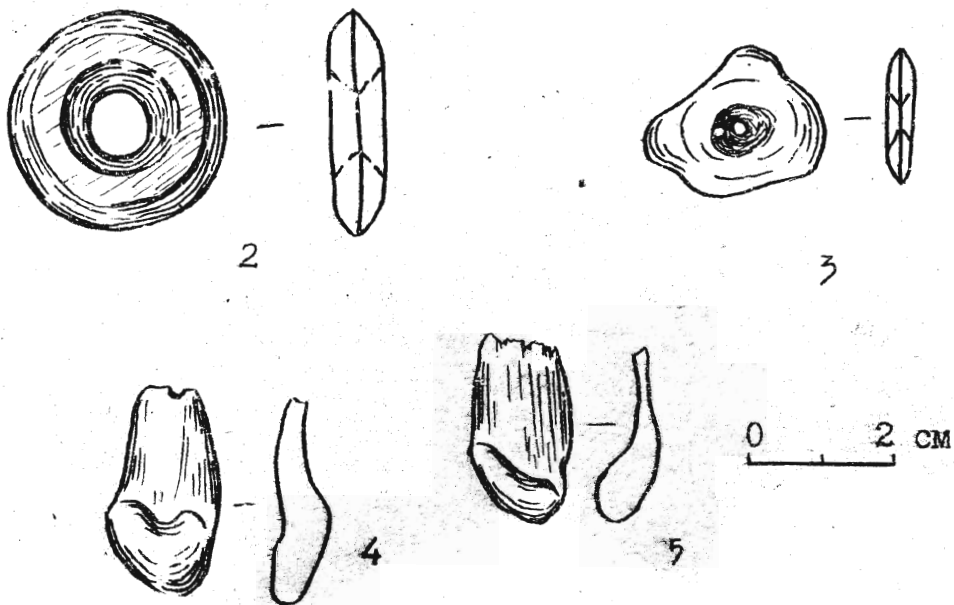
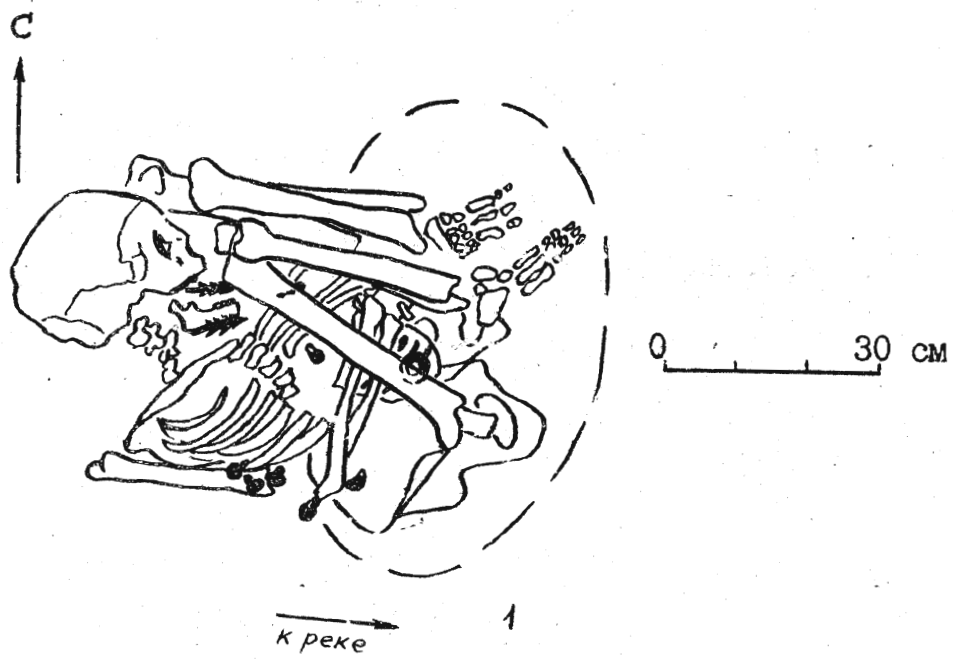

Рис.62. Погребение № 41: 1 - план; 2-5 - инвентарь

Рис.63. Деталь погребения № 41

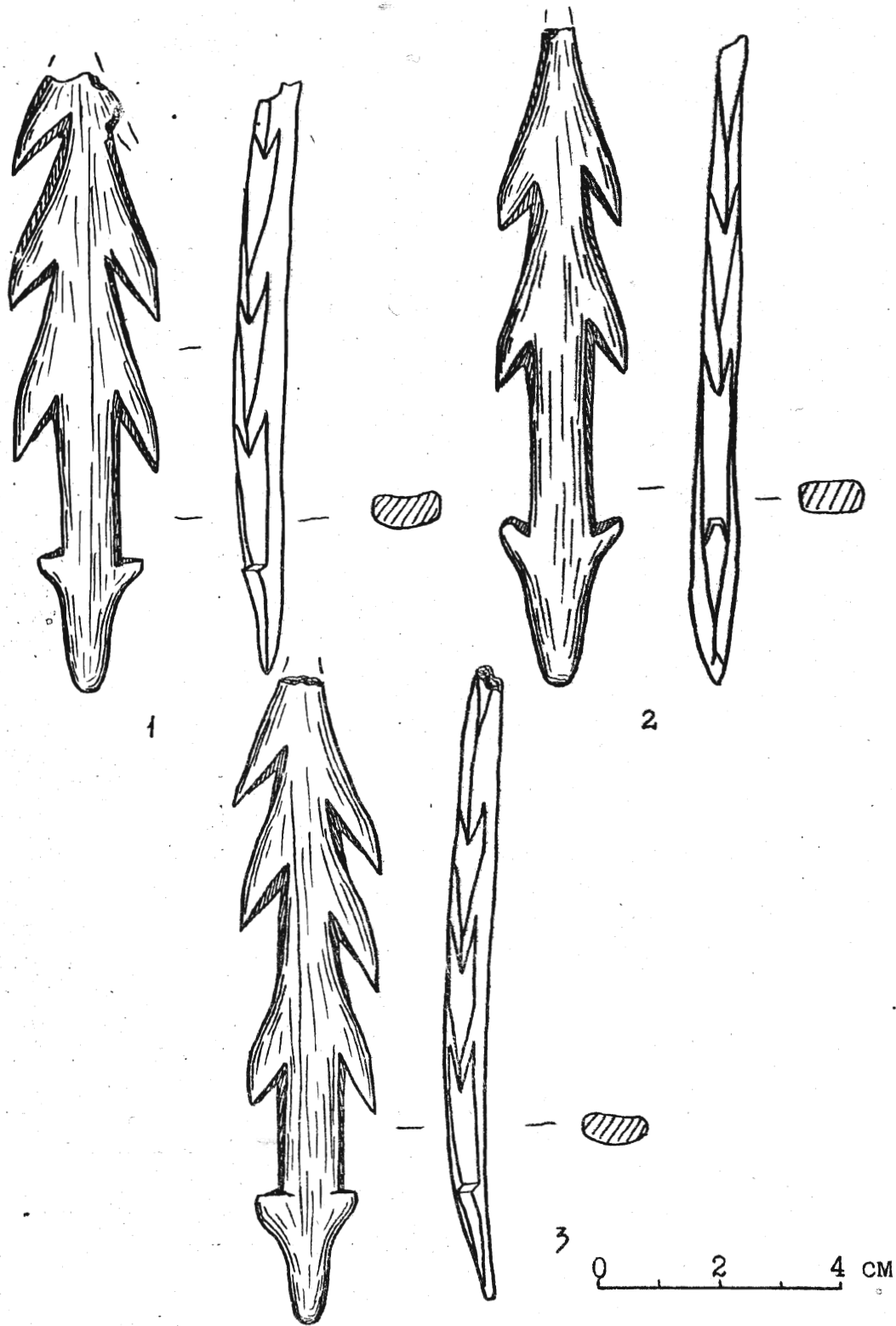

Рис.64. Погребение № 4I. Гарпуны

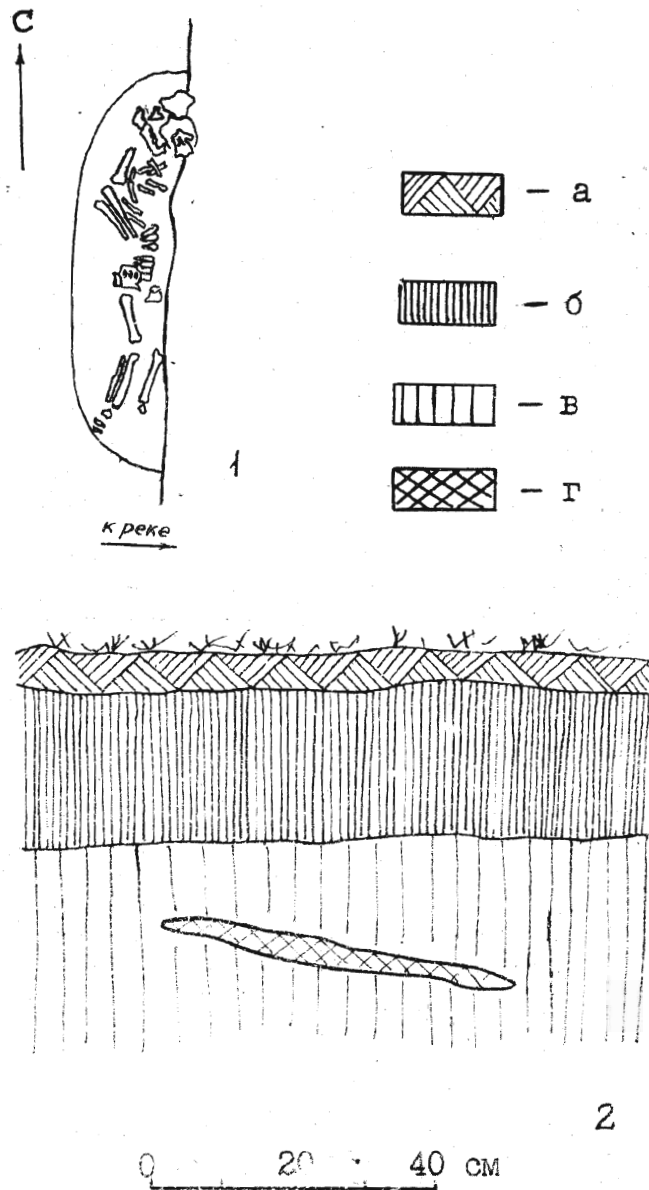

Рис.65. Погребение № 42: 1 - план;
 2 - разрез могильного пятна (а - дерн;
 б - гумусированный слой; в - суглинок;
 г - охристое пятно)

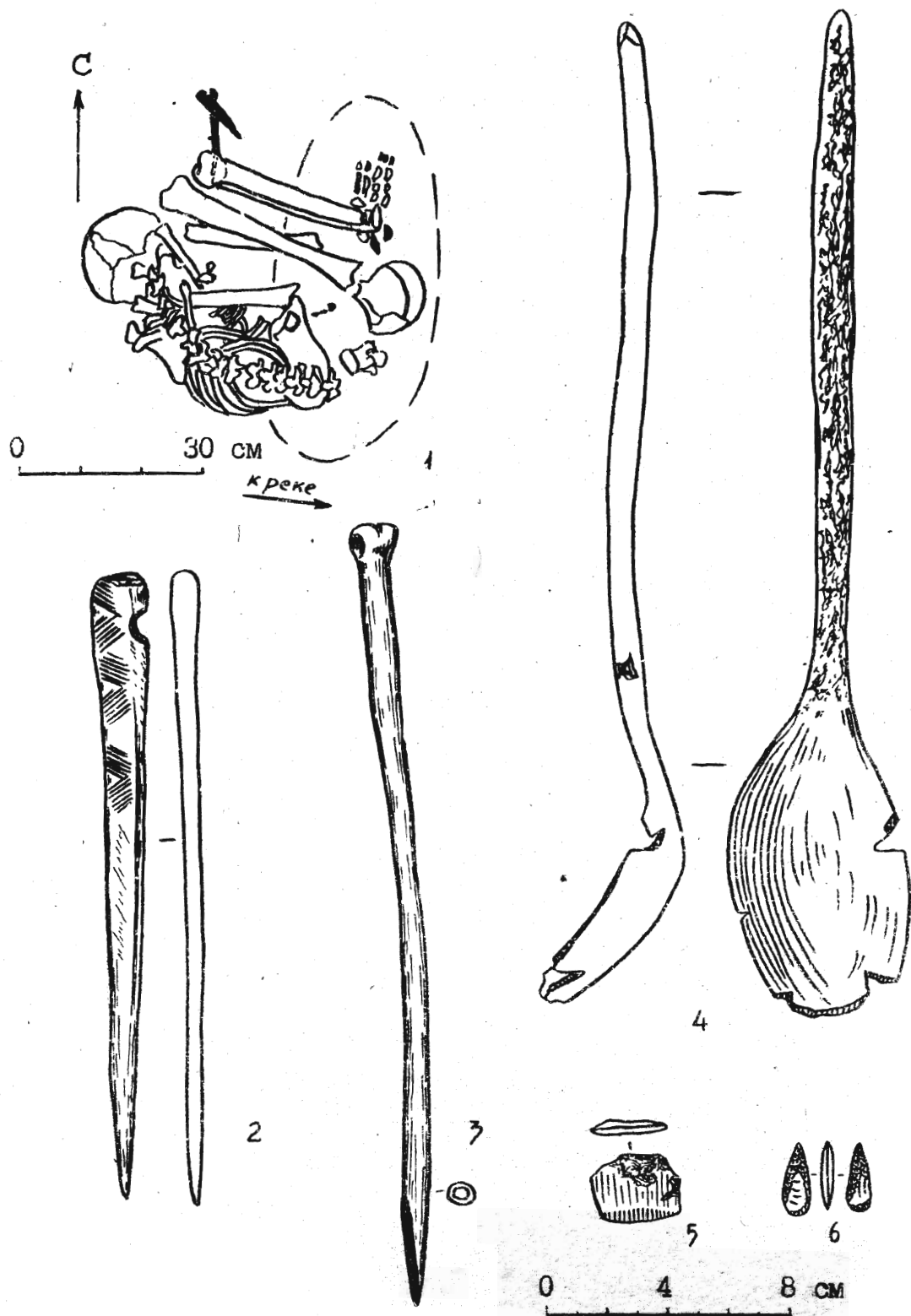

Рис.66. Погребение № 43: 1 - план; 2-6 - инвентарь

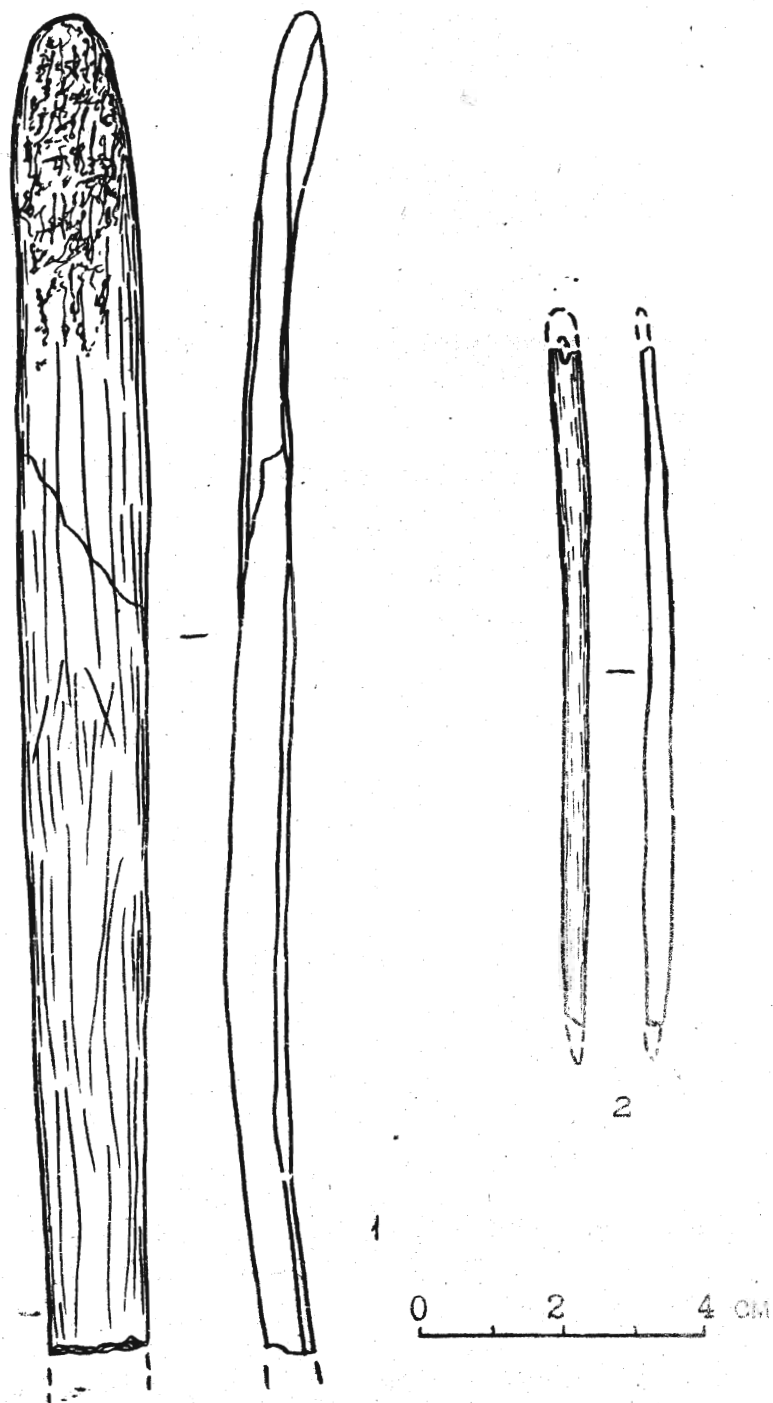

Рис. 67. Погребение № 44. Изделия из кости

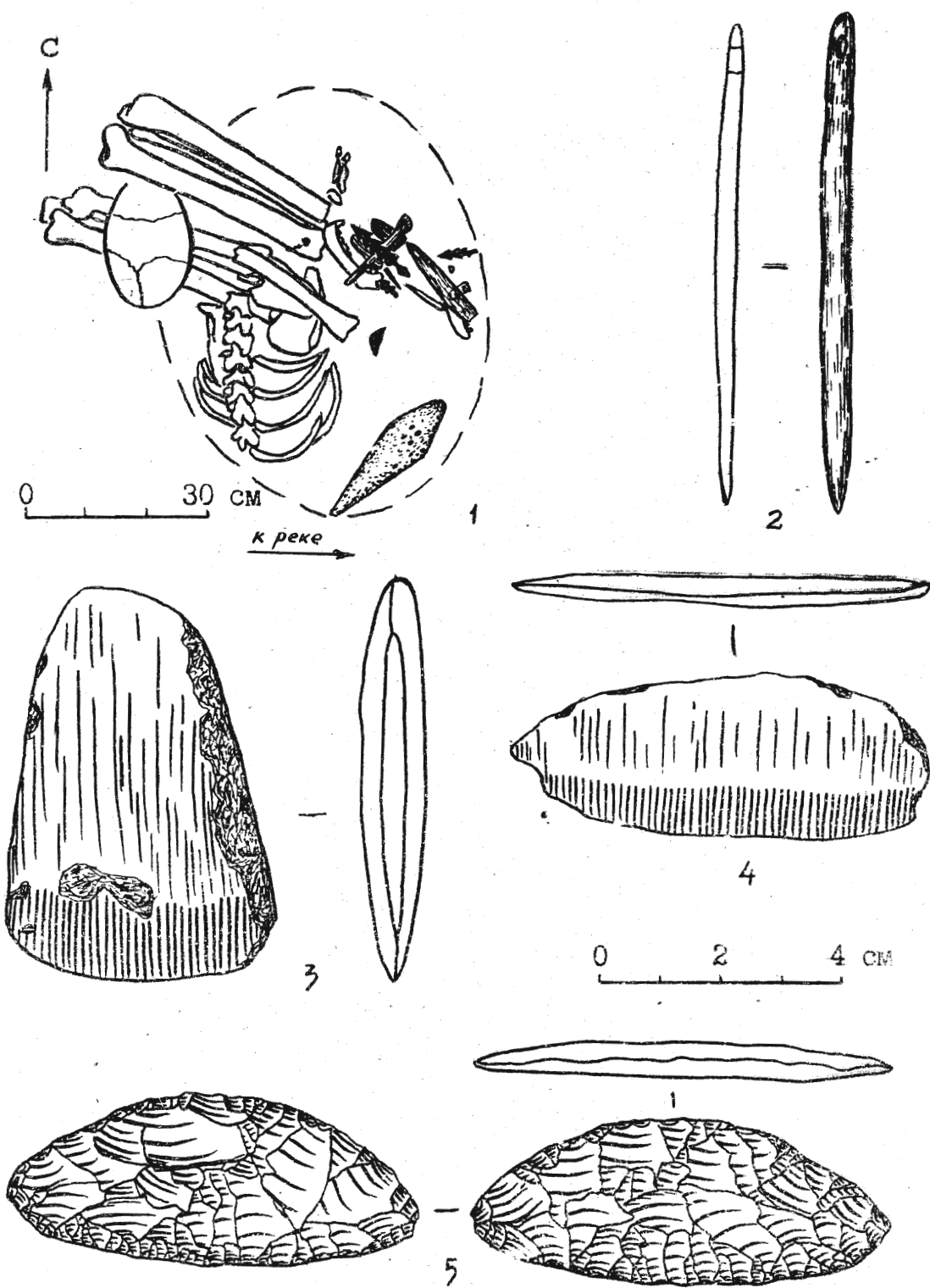

Рис.68. Погребение № 45: I - план; 2-5 - инвентарь

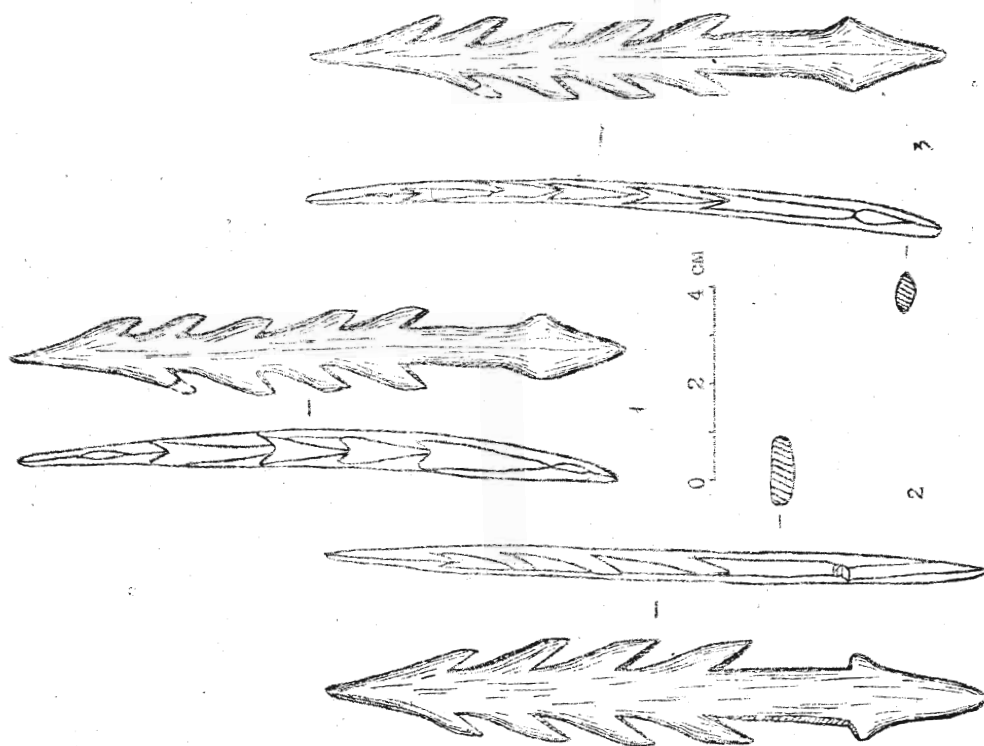

Рис. 70. Погребение № 45. Гаргуны

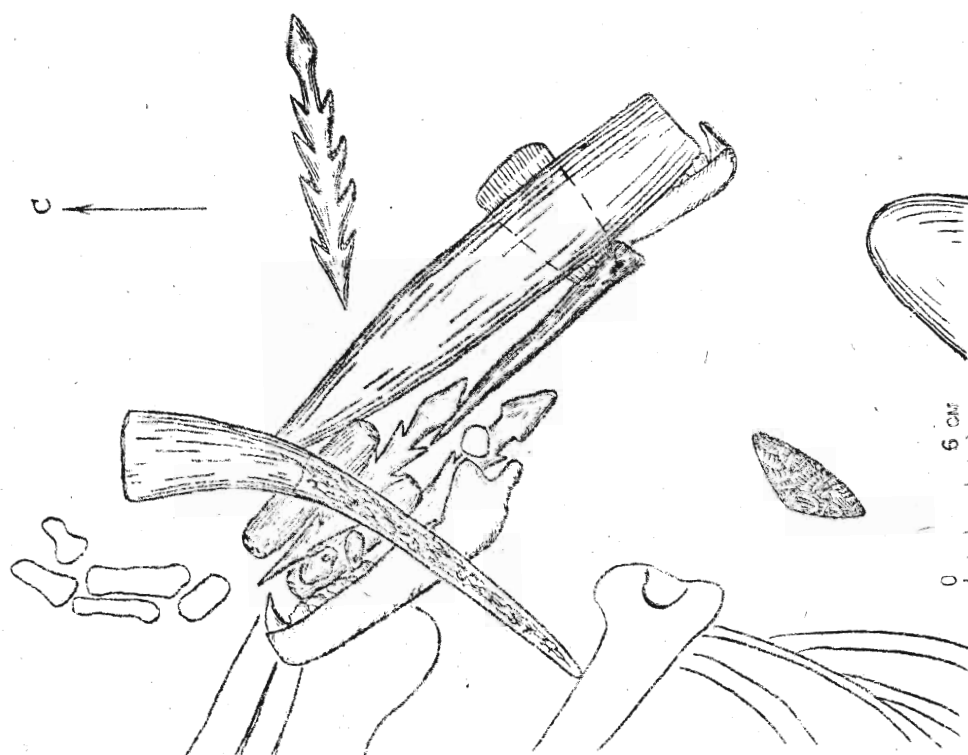

Рис. 69. Деталь погребения № 45

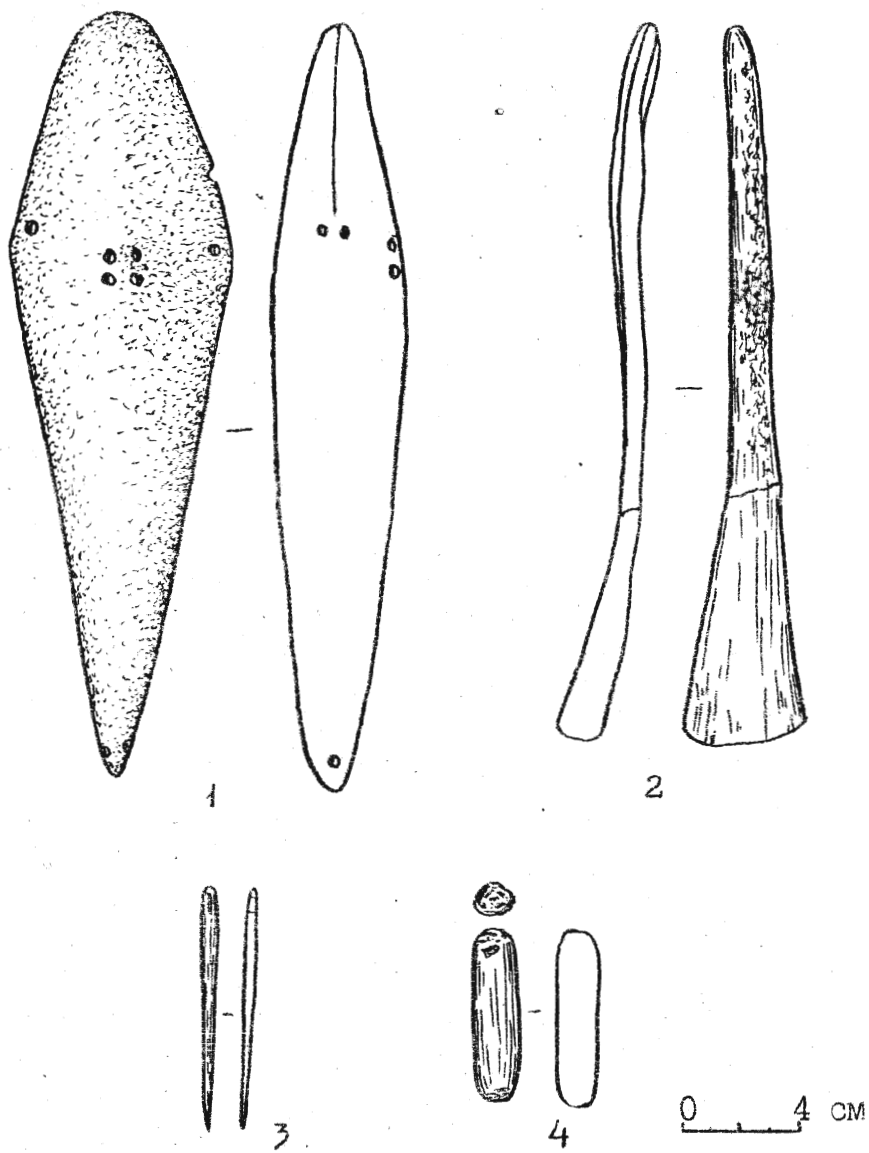

Рис. 71. Инвентарь погребения № 45

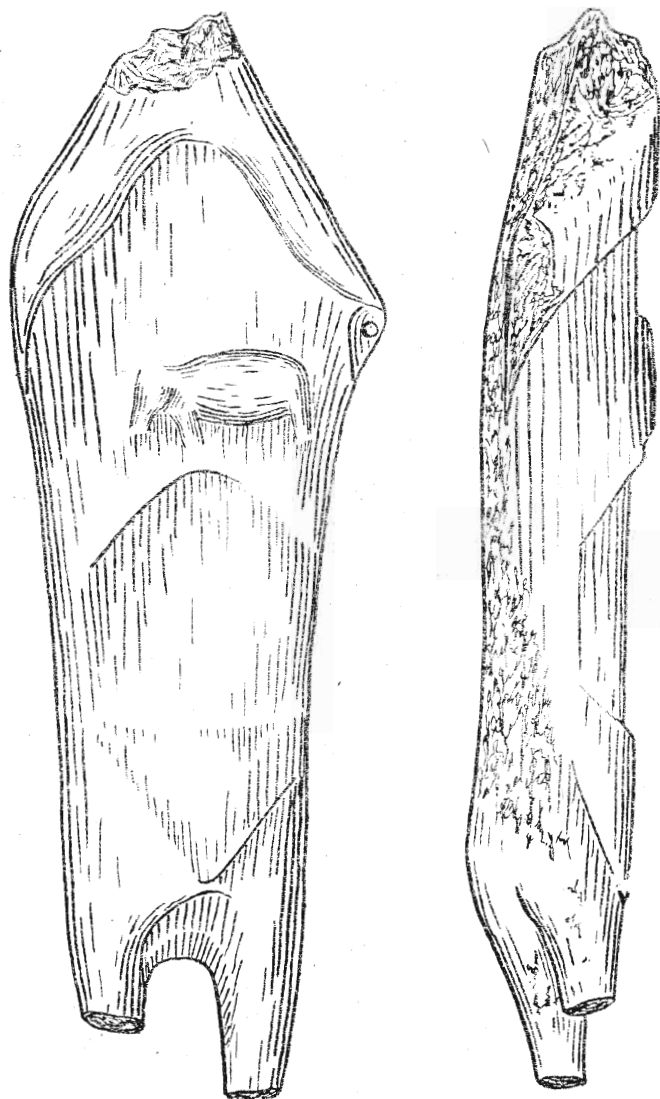

Рис. 72. Антропоморфная скульптура
(подъемный материал)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Савельев Н.А., Михяк Г.Н., Лежненко И.Л., Горюнова О.И., Петрова Н.А., Панковская Г.И. Могильник в местности Шумилиха (Описание исследованных погребений)	7
Горюнова О.И., Смотрова В.И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха (Анализ материалов и датировка памятника)	17
Сергеева Н.Ф. К химической характеристике металла из могильника Шумилиха	28
Иваньев Л.Н. Фауна позвоночных животных из могильника Шумилиха	29
Герасимова М.М. Краниологический материал из могильника Шумилиха (Предваритель- ные данные)	32
Студзickaя С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре (По материалам могильника Шумилиха)	38
Литература	46
Список принятых сокращений	50
Нумерация погребений	50
Приложение	51

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ПРИАНГАРЬЯ Могильник Шумилиха Сборник научных трудов

Редактор Т.В.Кулик
Технический редактор Э.К.Лангенштейн
Корректор О.М.Черных

Подписано к печати 14.08.81 НЕ 00145 Формат 60x84 1/8. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ 233. Цена 1 руб.
Темплан 1981 г., поз.56

Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им.А.А.Жданова,
Иркутск, бульвар Гагарина, 36

Печатно-множительный цех Иркутского государственного университета им.А.А.Жданова

I py6.

